

ЧЕРНАЯ ВЪРА

или

ЕРӨВСЭН

ШАМАНСТВО У МОНГОЛОВЪ И ДРУГІЯ СТАТЬИ

ДОРДЖИ БАНЗАРОВА.

(съ ПОРТРЕТОМЪ И БИОГРАФІЕЙ.)

ИЗДАНО НА СРЕДСТВА ЧАСТНЫХЪ ЖЕРТВОВАТЕЛЕЙ ВЪ ПОЛЬЗУ ВОСТОЧНО-
СИБИРСКАГО ОТДѢЛА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССК. ГЕОГРАФ. ОБЩЕСТВА.

Подъ редакціей Г. Н. Потанина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1891.

БИБЛІОТЕКА
Пермскаго Отдѣленія
Императорскаго
Петроградскаго Университета

Намѣреніе издателя вначалѣ было перепечатать только одну статью Банзарова „Черную вѣру“, приложивъ къ ней біографію этого замѣчательнаго бурята. Имѣлось въ виду отчасти доставить лицамъ, занимающимся миѳологіей и фольклоромъ сибирскихъ инородцевъ, возможность вновь пріобрѣтать статью Банзарова, которая стала бібліографическою рѣдкостью; но главная цѣль была напомнить бурятамъ объ ихъ замѣчательномъ соплеменнику, а также и русской публикѣ объ этомъ одинокомъ случаѣ, оставшемся въ продолженіи тридцати лѣтъ безъ повторенія.

Вотъ какъ оцѣнивалось тридцать лѣтъ тому назадъ на языкѣ того времени неожиданное появленіе среди русскихъ ученыхъ образованнаго монгола: „Блескъ пріимѣчательной личности, — писаль ориенталистъ Савельевъ въ біографіи Банзарова, — отражается и на народѣ и буряты отнынѣ пріобрѣли право на болѣшее вниманіе потому, что изъ среды ихъ вышелъ Дорджи Банзаровъ“ *).

*) О жизни и трудахъ Дорджи Банзарова. СПб. 1855. Стр. 38.

Однако въ настоящее время имя Банзарова среди смихъ бурятъ извѣстно только въ самомъ ограниченномъ кружкѣ лицъ; еще менѣе оно извѣстно русскимъ (за исключениемъ, конечно, оренталистовъ). Среди бурятъ его еще помнить селенгинскіе буряты, между которыми и до сихъ поръ еще живутъ его близкіе родственники; болѣе же отдаленные отъ Селенги буряты едва-ли слыхали объ этомъ имени. Въ настоящее время среди бурятъ изрѣдка появляются лица съ среднимъ образованіемъ, читающіе русскіе журналы; имъ было бы любопытно и поучительно прочесть біографію интереснаго земляка, о которомъ современники отзывались съ такой симпатіей, но біографія Банзарова и его собственныхъ статей помѣщены въ ученыхъ изданіяхъ, которыхъ въ глухой провинціи трудно достать. Удовлетворить этой потребности, вотъ въ чём состояла собственно цѣль настоящаго изданія.

Денежныя средства на изданіе дали одинъ образованный бурята съ тѣмъ, чтобы на вырученная отъ продажи деньги было предпринято новое изданіе, относящееся къ бурятамъ же. Такъ какъ литературное наслѣдство, оставленное Банзаровымъ, не велико, то вносящіе было решено расширить изданіе и включить въ него кроме "Черной вѣры" и другія статьи Банзарова. Расширение потребовало увеличения издержекъ; новые средства были найдены; одновременно съ этимъ назначение выручки отъ изданія было изменено; решено обратить изданіе въ пользу Восточно-сибирского Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общества, дѣятельность которого по

изслѣдованию бурятскаго племени за послѣднее время усилилась.

Для біографическаго очерка намъ пришлось почти ограничиться статьей Савельева: "О жизни и трудахъ Дордки Банзарова". Въ этого материала намъ удалось получить только самыя краткія сообщенія отъ гусинозерскаго хамбо-ламы Д. Г. Гомбоева, Ю. Л. Лумбунова, М. В. Загоскина и г. Гантимурова. Эти послѣднія такъ незначительны, что вместо переработки очерка, сделаннаго Савельевымъ, слѣдовало бы просто перепечатать эту статью; къ сожалѣнію это оказалось невозможнымъ, такъ какъ статья Савельева на половину состоитъ изъ изложеній статей Банзарова, и помѣстить ее цѣликомъ было бы излишне рядомъ съ самими статьями.

Хотя біографический очеркъ сухъ, но онъ все-таки даетъ вѣдомые факты и русскому читателю найдеть въ немъ материалъ для размышленія. Инеродецъ, вовлеченный въ русское умственное движеніе, — такихъ фактовъ русская жизнь знаетъ не много, а въ жизни бурятскаго племени это примѣръ единственный, послѣ того не возобновлявшійся. Въ сороковыхъ годахъ Банзарова становится въ ряды ученыхъ оренталистовъ, а теперь мы рѣдко когда встрѣтимъ бурята, учившагося въ гимназии или даже въ учительской семинаріи. Русскіе патріоты сороковыхъ годовъ въ родѣ оренталистовъ Григорьева и Савельева увидѣли въ Банзаровѣ явленіе, вызванное прогрессивнымъ ходомъ русского просвѣщенія; но тотъ, кто прочтетъ біографію Банзарова, убѣдится, что обращенность Банзарова была чистая случайность. Вотъ

почему въ теченіи болѣе тридцати лѣтъ не было другого Банзарова. Захватъ бурятскаго племени общимъ русскимъ стремленіемъ къ образованію еще впереди; теперь онъ только что начинается. Въ настоящее время дѣятельно въ бурятскомъ народѣ пробуждается желаніе учиться у русскихъ учителей; по послѣднімъ даннымъ въ народныхъ школахъ учится 517 мальчиковъ-бурята; нѣкоторые учатся въ русскихъ школахъ, но есть и улусные бурятскіе школы, въ которыхъ всѣ учащіеся буряты. Другие мальчики учатся въ учительской семинаріи въ Иркутске; встречаются буряты и въ гимназияхъ иркутской и читинской. Нѣкоторые буряты начинаютъ уже принимать участіе въ сибирской мѣстной прессы, другіе примыкаютъ къ мѣстному Отдѣлу Географического Общества; въ изданіяхъ послѣднаго мы встрѣчаемъ имена бурятъ М. Н. Хангалова, С. А. Пирожкова, И. В. Вамбопэрнова.

Въ одномъ письмѣ къ приятелю Банзаровъ просить увѣрить оренталиста Григорьева, что онъ, Банзаровъ, сталъ совсѣмъ русскимъ. Несомнѣнно, по своимъ привязанностямъ и стремленіямъ Банзаровъ былъ совершенно русскій человѣкъ; онъ былъ членъ русскаго интеллигентнаго круга; этому нѣсколько не могли мѣшать сохранившіеся въ немъ симпатии къ своему добродушному племени и принадлежность къ буддийской вѣрѣ. Если-бы такихъ Банзаровыхъ было не одинъ, а много, какая прочная связь образовалась бы между бурятскимъ племенемъ и русскимъ и какъ бы это благотворно отразилось на бурятской жизни! Паѳосъ приведенной фразы

Савельева можно не раздѣлять; можно сказать, что одна личность еще не можетъ служить общей характеристической племени, но вѣрно то, что память о Банзаровѣ не можетъ пропадать безслѣдно для его сородичей и что напоминанія о немъ должны пробуждать въ нихъ хорошія стремленія.

Пріобщеніе бурятскаго племени къ общей русской духовной жизни лучше всего можетъ быть достигнуто научной разработкой быта бурятъ и ихъ старины, и изданіемъ книжекъ, посвященныхъ описанію ихъ родины, ихъ исторіи и современной жизни. Такая литература создастъ духовное общееніе между русской интеллигентіей и бурятской средой. Въ этомъ же родѣ должна со-служить службу и наша книга.

Портрѣтъ, приложенный къ нашему изданію, есть увеличенный посредствомъ фотографіи переснимокъ съ очень мелкаго портрета, снятаго дагерротипомъ въ сороковыхъ годахъ и приложенаго Савельевымъ къ собранію писемъ Банзарова, напечатанному въ Трудахъ Археол. Общества, т. III, 1856 г. Намъ приходилось выбирать изъ двухъ: или дать художнику предварительно перерисовать его или прямо отпечатать фототипическимъ способомъ; въ первомъ случаѣ мы приложили бы къ изданію портретъ, который удовлетворялъ бы художественному вкусу будущаго владѣльца книги, но изображеніе потерпело бы вѣрность подлиннику. Во второмъ случаѣ рисунокъ сохранилъ бы ту грубость штриха, которая неизбѣжно является при увеличеніи снимка, но

мы избыли бы обвинений въ искаженій черть лица. Мы предпочли послѣднее.

Исправляемъ восточныхъ текстовъ, встречающихся въ книгѣ, редакція ея обязана любезности монголиста А. М. Позднѣева.

Г. П.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

Дорджи Банзарова.

Дорджи¹⁾ Банзаровъ происходилъ изъ бурятъ селенгинского вѣдомства, первого Табангутского рода, изъ поколѣй Урняхай, «до нынѣ пользующагося почетомъ во всей степи» по выражению биографіи, написанной Савельевымъ; родился онъ въ уроціѣ Учтутъ, находящемся въ долинѣ реки Джиды. Отецъ его, Банзарь Боргоновъ, былъ урядникомъ, пятидесятникомъ бывшаго Ашегабатского полка. Мать Дорджи звали Цоли. У Банзара Боргонова было пять сыновей, именно Нансолама-циандуя, Даалама-циандуя, Цыянъ, Бадма и Дорджи, будущий ученьй. Изъ нихъ до此刻 времени живѣтъ 75-лѣтний Даалама-циандуя Банзаровъ²⁾. На 10-мѣсяцъ отъ рода (въ 1832 г.) Дорджи былъ отданъ въ Кяхтинскую войсковую русско-монгольскую школу³⁾, где онъ выказалъ блестящія способности.

Этимъ, по всей вѣроятности, и окончилось бы его образованіе, если бы слѣдующій счастливый случай не далъ ему возможности продолжить его и блестяще закончить. Случай этотъ состоялся въ слѣдующемъ: въ 1834 году было обращено особенное вниманіе на преподаваніе восточныхъ языковъ (арабскаго, персидскаго, турецкаго, татарскаго и монгольскаго) въ Первой

1) «Дорджи» по руски значить «алмазъ».

2) Сообщено г. Гомбовскимъ.

3) Сообщено г. Лумбуновымъ.

Казанской гимназіи съ тою цѣлью, чтобы, съ одной стороны, приготовить переводчиковъ для службы при нашихъ миссіяхъ на востокѣ, при начальникахъ пограничныхъ съ Азиатскими областями и при ханахъ и султанахъ, находящихся въ подданствѣ Россіи, а съ другой, чтобы дать образованіе и дѣтямъ татаръ, бурятъ и другихъ ишородцевъ. Тайша селенгинскихъ бурятскихъ родовъ, узнавъ объ этомъ распоряженіи, прислая прошеніе, въ которомъ, указывая на необходимость для стенныхъ думъ основательного знанія русскаго языка, ходатайствовалъ о принятіи въ Казанскую гимназію всѣхъ мальчиковъ бурятъ и съ ними одного ламу. Такъ разсказывается Савельевъ. Едава ли тайша того времени помимо начальства узнать о предстоящихъ преобразованіяхъ Казанской гимназіи; вѣроятнѣе, инициатива этого дѣла принадлежала какому-нибудь образованому чиновнику въ Забайкальи или еще вѣрѣ, все это предпріятіе было административной мѣрой, вѣнчанной министерствомъ. Ходатайство тайши было уважено: «Гдѣ же охотнѣе согласился я, — писалъ министръ народного просвѣщенія графъ С. С. Уваровъ¹⁾, — на удовлетвореніе сей просьбы, что при поддержаніи сего перваго порыва можно ожидать многочисленнаго призыва азатчевъ въ наши учебные заведенія».

Въ числѣ мальчиковъ-ишородцевъ, предназначенныхъ тайшою въ будущее писаря стенной думы, находился и Дорджи Банзаровъ.

Въ 1835 году онъ, вмѣстѣ съ другими мальчиками и командированными въ Казань билинту-ламою²⁾ Бунтуумурскаго дацана³⁾ Галсаномъ Никитуевымъ⁴⁾, прибылъ въ Казань, где и былъ принятъ вмѣстѣ съ своими земляками въ первую Казанскую гимназію, на казенномъ содержаніи. Оторванные отъ всего родного и близкаго и, не будучи въ силахъ освоиться съ новымъ обра-

1) Журн. Мин. Нар. Пр., 1836, т. X, стр. LXV.

2) «Билинту-лама» — почетное званіе, даваемое въ буддійскихъ монастыряхъ.

3) «Дацанъ» — буддійский монастырь.

4) Сообщ. г. Лумбунова.

зомъ жизни и непривычными климатомъ и обстановкою, сверстники Дорджи зачахли на чужбинѣ и только крѣпкая и здоровая натура Дорджи выдержала трудную борьбу.

Объ этомъ времени изъ жизни Банзарова коротеньку замѣтку, написанную синологомъ В. П. Васильевымъ, находимъ въ 23 выпуске «Критико-биограф. словаря» г. Венгерова.

«Я уже второй годъ учился въ казанскомъ университѣтѣ монгольскому языку, пишетъ В. П. Васильевъ, когда зимой 1834 г. привезъ изъ Забайкалья четырехъ бурятскихъ мальчиковъ въ первую гимназію. Съ ними пріѣхалъ въ качествѣ практическаго преподавателя монгольскаго языка лама (собственно генчул) Никитутъ; потому меня вмѣстѣ съ другимъ студентомъ (Сергѣемъ Протопоповимъ) перевели жить въ гимназію для практики въ монгольскомъ языке. Наша комната была подъ Никитутевской, мальчики приходили къ нему въ свободное отъ уроковъ время и, разумѣется, я зналъ ихъ всѣхъ. Однажды, казавшійся тунытъ, скоро умеръ; другой, болѣе симпатичный (Цокто) и не уступавший Дорджи (по мнѣнію г. Васильева такъ слѣдуетъ писать это имя) въ ученыи, тоже не выдержалъ; остались Будаевъ и Банзаровъ. Первый смотрѣлъ дикаремъ, но съ товарищескими наклонностями; послѣ моего отѣзда уже онъ былъ отданъ въ солдаты за дѣло съ инспекторомъ гимназіи Скоринковымъ. Дорджи Банзаровъ казался всѣхъ моможе, сухощавымъ, но крѣпко сложеннымъ; учился отлично, наряду съ лучшими учениками изъ русскихъ. Когда я уѣзжалъ въ Китай, онъ былъ, кажется, въ 5-мъ классѣ» (стр. 88).

Блестящія способности Банзарова скоро обратили на себя вниманіе учителей и онъ, пробывъ въ гимназіи 6 лѣтъ, съ успѣхомъ и отличиемъ окончилъ полный гимназіческій курсъ и поступилъ въ 1842 году въ Казанскій университетъ. О поступлѣніи юнаго монгола-буддиста студентомъ въ университетъ, какъ о замѣчательномъ и выдающемся явленіи, графъ Уваровъ довѣрь до свѣдѣнія Государя, и отецъ Банзарова, за успѣхи своего сына, совершенно неожиданно былъ удостоенъ Высочайшаго

вниманія. Вуть подлиннія слова всеподданійшаго отчета по министерству народного просвѣщенія за 1842 годъ: «Принятый въ 1835 году въ первую Казанскую гимназію на казенное содержаніе, изъ «забайкальскихъ бурятъ», Дордже Банзаровъ, окончивъ въ семи заведеніяхъ курсъ ученья со отличіемъ и по желанію поступить для дальнѣйшаго образованія въ университете. Я имѣлъ счастіе доводить до Высочайшаго съѣздія о семъ первомъ еще у настъ явленіи, свидѣтельствующемъ, что основательное просвѣщеніе можетъ быть привадлежностью въ полудикихъ сыновъ степей монгольскихъ». Ваше Императорское Величество, благосклонно принять представление мое, изволили удостоить Есеничиностивѣйшаго вниманія отца студента Банзарова, и столь лестное поощрение, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть благотворное влияніе на его современниковъ»¹.

Поступивъ въ университетъ, Банзаровъ продолжалъ ревностно заниматься изученiemъ восточныхъ языковъ.

Къ сожалѣнію, объ университетской жизни Банзарова мало сохранилось свѣдѣній.

Извѣстно только, что она кромѣ обязательных занятий находила возможность удѣлять время переводамъ нѣкоторыхъ монгольскихъ паддайс, а также много помогать покойному А. А. Бобровникову въ составленіи его монголо-калмыцкой грамматики. Судя по бурятскому полу и попавшему «ардынскому» чай,—сообщаетъ намъ въ письмѣ М. В. Загоскинъ—она читали «Гысыра» и другія монгольскія сочиненія, и Бобровниковъ выштывалъ у Банзарова тайны монгольского языка. Плодомъ этихъ занятий и была образованная грамматика, за которую Бобровниковъ получилъ демидовскую премію имагистерский дипломъ.

Въ этот же періодъ университетской жизни Банзаровъ перевѣль на монгольскій языкъ съ французскаго перевода «Странствованія китайскаго буддиста IV вѣка, по имени Фа-Сяня», опи-

1) См. Журн. Мин. Народн. Просв., 1843 г., т. XXXVIII, отд. I, стр. 53.

чуждыхъ». Черная вѣра монголовъ сложилась, какъ и другія древніи первоначальныи религіи, изъ наблюдений надъ природой и явленіями духа человѣческаго, и есть результатъ взаимодѣйствія этихъ силъ; она сама собою могла возникнуть изъ народа. Банзаровъ не пытается поддержать своего положенія опровергнѣемъ, мѣрный тѣхъ ученыхъ, которые въ шаманствѣ видѣли отголоски болѣе сложныхъ религиозныхъ системъ Азіи, онъ ограничился только тѣмъ, что обратилъ къ здравому смыслу читателя, — зачѣмъ искать влажній китайскихъ, индійскихъ или иранскихъ, когда дѣло можетъ быть объяснено проще, самодѣятельностью монгольского народа? До тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано научнымъ образомъ, что шаманскій обрядъ и вѣрованія шаманистовъ есть обрывки китайской или иранской религіи, мѣрніе Банзарова будеть единственнымъ, которое можно допустить. На сколько намъ известно, никто не пытался доказывать подобное послѣ диссертаций Банзарова.

Материалъ, которымъ располагалъ Банзаровъ при составлении этой диссертации, былъ не великъ; онъ состоялъ въ личныхъ воспоминаніяхъ, въ рассказахъ Никитуева и Гомбоева, природныхъ бурьтъ, бывшихъ лекторами при Казанскомъ университѣтѣ, въ пѣкоторыхъ монгольскихъ рукописяхъ, и въ свидѣтельствахъ древнихъ и новыхъ европейскихъ путешественниковъ. Личные воспоминанія Банзарова не могли обогатить его сочиненіе, потому что онъ оставилъ родину 13-ти лѣтъ; рукописи, которымъ поименованы имъ въ началѣ статьи, не значительны по величинѣ и содержанию; свидѣтельства путешественниковъ отрывочны. Изъ такого отрывочного и весьма разрозненного материала Банзаровъ составилъ свою диссертацию, которая, по словамъ синолога В. П. Васильева, была замѣчательна для своего времени. Савельевъ, биографъ Банзарова, изложивъ выводы Банзарова, заключаетъ свой отзывъ такими словами:

«Такъ вѣрно, свѣтло и философически понимаю свой пред-
метъ юный кандидатъ, только-что оставившій университетскую
скамью, а десять лѣтъ тому назадъ — дитя природы, росший

савшаго состояніе буддійських государствъ Верхней Азіи. Неизвѣстно, отоспалъ ли онъ этотъ трудъ свой къ землякамъ, которымъ хотѣлъ показать имъ, что и въ странѣ «терсово» (противниковъ Будды) онъ не оставилъ «ученій» Будды и все также уповаютъ на «три скропыца» душеспасенія, при помощи которыхъ буддисты думаютъ спастись, т. е. сляться съ верховнымъ начальствомъ. Въ университѣтѣ же онъ написалъ на монгольскомъ языкѣ для своихъ одноименниковъ «Всебоющую географію» и «Грамматику монгольскую» (рукописи эти находились у профессора О. М. Ковалевского¹).

Університет Банзаровъ кончилъ съ кандидатскимъ дипломомъ и былъ назначенъ преподавателемъ всеобщей истории въ одной изъ казанскихъ гимназий. Диссертация, написанная имъ въ 1846 году на получение ученої степени кандидата, обратила на себя большое вниманіе и возбудила въ русскомъ ученомъ мірѣ всеобщій интересъ, показавъ въ авторѣ ея, — говорить Савельевъ, — почти юношѣ, только-что оставившемъ университетскую скамью, замечательную начитанность, зрѣлый и трезвый умъ и свѣтлый философскій взглядъ на вещи. Сочиненіе это называется *«Черная вдова или шаманство у монголов»* и до сихъ поръ представляетъ одно изъ лучшихъ сочинений о сибирскомъ шаманствѣ. Главное положеніе статьи Банзарова заключалось въ томъ, что шаманство могло возникнуть самостоительно, а не произошло отъ буддизма или Зороастровской учениіи, какъ думали нѣкоторые ученые, а пѣкторые думаютъ и теперь. «Нѣтъ пушы, говоритъ Банзаровъ, отыскивать такъ далеко начало шаманства, стараться выводить его изъ религіозныхъ системъ вовсе ему

1) «Изъ письмъ Дордже Банзарова». П. Савельевъ (Пр. Археол. Общ., т. III, 1866 г.). Рукопись известнаго монголиста О. Ковальскаго погибла во времъ посланскаго посольства 60-х годовъ. Коновалевъ жилъ въ Ташкентѣ, устроивъ тамъ самогъ домъ. Замысловъ на улицѣ Новой Сибири, изъ котораго былъ сдѣланъ выставл. по наимѣстнику. По распоряженію варшавскаго вѣдомства имущество обитателей дома было вынесено на мостовую и сожжено. Ковальскій не присутствовалъ при разгромѣ дома, а когда усыпалъ о событии и бросилъ къ наимѣстнику съ проспѣхомъ о спасеніи рукописи, было уже поздно. Рукопись сгорѣла въ томъ числѣ скрѣпой вѣтровой и рукопись Банзарова.

среди стадъ родимыхъ степей! Какая разница между этими, разумными, возврашающими на шаманство и взглядомъ покойного отца Иакинова, который довольствовался извлечениемъ изъ манжурского устава описаний обрядовъ и притатовъ китайскихъ шамановъ¹). Можно подумать, что два писателя о шаманстѣ имѣли въ виду различную публику, и одинъ писалъ для Европы, а другой для Пекина, и при томъ монголъ смотрѣть какъ европеецъ, а европеецъ — какъ монголъ²).

Диссертант Банзарова не сочтём утратила значение и для нашего времени, какъ по фактическому своему содержанию, исключительно только въ ней находящемуся, такъ и по общему взглядю сочинителя на предметъ³). Главное положеніе Банзарова, что нѣтъ никакой надобности выдавать шаманство за искаженіе культа высшаго порядка, напримѣръ буддизма, остается и до сихъ поръ въ силѣ; шаманство объяснимо, какъ творчество народа, стоящаго на ступени, близкой къ первобытному состоянію; эта простейшая форма вѣрованія могла возникнуть самосто- тельно и у монголовъ и у китайцевъ и у тунгусовъ; поэтому нѣтъ тоже надобности считать его заимствованіемъ у китайцевъ; китайское шаманство очень древне, но и сибирское шаманство отнюдь не новѣе китайскаго, хотя о немъ и нѣтъ такихъ древнихъ эпосовъ, указаний какъ о китайскомъ.

Когда Банзаровъ окончилъ университетскій курсъ—въ немъ азиатскаго оставалась только одна наружность, имѣвшая чисто-

1) См. «Китай, его жители и пр.». СПБ. 1840 г. стр. 314—328.

2) «О жизни и трудахъ Дордже Банзарова». П. Савельева. СПБ. 1855 г.

3) После диссертации Бахарова явилась общая обзорная шаманства в книге финляндского ученого Кастрея *Vorlesungen über die finnische Mythologie*, St. Petersb., 1863, в статье Шаповалова «Шаманство в Сибири», напечатанной в *Записках» Географ. Общ., 1864, № 2, и в «Две главы скандинавской мифологии» в *Archiv für Sibirien*, Leipzig, 1865, озаглавленной: «Die shamanischen und seire Kultus». Ссыльные материалы о сибирском шаманстве вообще и о многообразии его в частности из восточного времени напакончились порадочными. Шаманство у бурят появилось в статьях: Алагитова и Хангалова, «Материалы для изучения шаманства в Сибири из Изв. Вост. Сиб. Отдхка Географ. Общ., 1888, т. XIV, № 1—2» и Хангалова, «Новые материалы о шаманстве у бурят». Список того же Отдхка по Этногр., т. II, п. 1.*

монгольский типъ съ его характерными выдающимися скелетами и темными цветами лица; во всемъ остальномъ онъ былъ вполнѣ по-европейски образованный и развитый человѣкъ, стоявший во всѣхъ отношеніяхъ наравнѣ съ требованіями времени. Онъ зналъ, кромѣ монгольского и маньчурскаго языковъ, русскій, какъ второй природный, и свободно понималъ французскій, немецкій, английскій и латинскій языки; кромѣ того онъ былъ знакомъ съ турецкими языками, которыми намѣревался усиленно заняться, желая сравнить ихъ съ монгольскимъ. Помимо этого ему не чужды были, благодаря его необыкновенной даровитости и любознательности, самые уточненные вопросы и требования науки и идеи, интересовавшіи тогда европейское общество.

Въ концѣ 1847 года онъ прѣѣхалъ по своимъ дѣламъ въ Петербургъ хлопотать объ освобожденіи изъ казачь资料а. Онъ по своему рожденію принадлежалъ къ той части бурятскаго народа, которая зачислена въ составъ Забайкальскихъ казаковъ. По казачьему положенію Банзарову предстояло вернуться въ Забайкалъ и прослужить двадцать пять лѣтъ въ казачьей службѣ. Дарование и счастливое начало ученой карьеры давали право Банзарову надѣяться на исключение его изъ казачь资料а; по прѣѣздѣ въ Петербургъ онъ былъ представленъ императору Николаю Павловичу, но такъ какъ исключение Банзарова изъ казаковъ было бы изъятіемъ изъ закона, Сенатъ затруднился это сдѣлать, хотя и соглашался освободить Банзарова отъ обязанности нести двадцатилѣтнюю службу; рѣшеніе дѣла было перенесено въ Государственный Совѣтъ.

Ожиданіе этого рѣшенія задержало Банзарова въ Петербургѣ, такъ что онъ здѣсь прожилъ полгода (съ конца 1847 года по іюнь 1848 года). Пребываніе въ столице могло иметь только благотворное значеніе для него; здѣсь онъ былъ возлѣ такого книжного богатства, какого нигдѣ въ другомъ мѣстѣ Россіи неѣть; знакомый уже со всѣми казанскими ориенталистами, здѣсь

онъ могъ встрѣтиться и съ столичной группой русскихъ ориенталистовъ. Этими двумя группами исчерпывалася тогда весь мірокъ русскихъ дѣятелей въ ориентальной наукѣ.

Въ Петербургѣ Банзаровъ занимался, главнымъ образомъ, изученіемъ монгольскихъ и маньчурскихъ книгъ и рукописей, хранящихся въ Азиатскомъ Музѣи Академіи Наукъ въ Публичной библиотекѣ. Проведя утро въ одномъ изъ этихъ мѣстъ, онъ шелъ обѣдатъ куда-нибудь въ гостиницу, а послѣ обѣда уходить домой (онъ снималъ квартиру въ портномъ въ Столлярномъ переулкѣ) и здѣсь съ трубочкой по рту обрабатывать и соображать сдѣланный имъ выписки. Вскорѣ, благодаря своему общительному характеру, онъ переснакомился съ петербургскими ориенталистами и даже подружился съ многими изъ нихъ, что принесло не малую пользу, благодаря взаимному обмену мыслей, какъ ему самому, такъ и его знакомымъ, охотно признавшимъ авторитетъ Банзарова въ дѣлѣ его специальности. Однимъ словомъ, этотъ оригинальный человѣкъ, монголъ съ европейской учченостью, какъ выражается Савельевъ, сдѣлалъ «львомъ» общества ориенталистовъ. В. В. Григорьевъ, редактировавший тогда «Извѣстія Географическаго Общества», посвятилъ ему цѣлую страницу въ своеѣ изданіи. «Въ то время, какъ въ Германіи восхищаются такъ негритинскимъ джентльменомъ,¹⁾ — писалъ Григорьевъ — здѣсь въ Петербургѣ находится монгольский «гелертеръ» въ полномъ значеніи этого слова. Это г. Дорджи Банзаровъ, монголо-бурята, буддистскаго происхождѣнія. Онъ привезенъ былъ въ Казань съ нѣсколькими такими же монголами, лѣтъ двѣнадцати отъ роду, чтобы учиться въ тамошней гимназіи, где, окончивъ курсъ ученій, перешелъ въ казанскій университетъ по отдѣленію восточныхъ языковъ и тутъ въ 1846 г. получилъ степень кандидата, написавъ весьма пріимѣрительную диссертацию «О черной вѣрѣ монголовъ». Физиогномія этого молодого ученаго

1) Дѣло идѣть о монголѣ негрѣ Аквасси Бахи, амантинскомъ принцѣ, получившемъ блестящее европейское образованіе и выѣхавшемъ въ Европу изучать горныя науки.

слишкомъ явственно изображаетъ происходеніе его отъ одной кости съ Чингисомъ и Батыемъ; но по складу, какой получили его умы чрезъ воспитаніе, онъ могъ бы надѣять съ честью докторскій колпакъ въ любомъ европейскомъ университѣтѣ. Г. Бѣтлингъ сообщилъ о немъ извѣстіе для иностраннѣхъ читателей въ боллетеї Академіи Наукъ. «Паставники и друзья его, писалъ Бѣтлингъ, возлагаютъ на него большия надежды и ожидаютъ отъ него со временемъ важныхъ открытий¹⁾.

Дѣло Банзарова въ государственномъ совѣтѣ было решено въ положительномъ дѣлѣ для него смыслѣ, т. е. онъ былъ уволенъ изъ казаковъ и опредѣленъ чиновникомъ особыхъ поручений при генераль-губернаторѣ Восточной Сибири, съ переименованіемъ въ чинъ коллежскаго секретаря. Но требовалось еще утвержденіе государя, что могло случиться не ранѣе, какъ черезъ четыре мѣсяца.

Поэтому Банзаровъ рѣшилсяѣхать въ Казань и тамъ дождаться конца своего дѣла, а потомъ отправиться на родину, въ Сибирь. Археологическое Общество, узнавъ обѣтъ Банзарова и желая, чтобы пребываніе ученаго монгола въ Сибири послужило не ползу науки, и для того, чтобы, по возможностямъ, облегчить Банзарову доступъ къ изученію оставшихся древнихъ памятниковъ, еще никакъ достаточно не объяснявшихъ, поручило Банзарова, какъ своего корреспондента, вниманію генераль-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву, который отвѣтилъ, что охотно исполнитъ желаніе Общества и предоставить Банзарову возможность посѣщать мѣста, любопытныя для археологическихъ изслѣдований.

Это было время первого разцѣга русской ориенталистики. Разомъ тогда выступила рядъ имёнъ, составившихъ впослѣдствіи ея славу: Григорьевъ, Савельевъ, Сенковскій, Ковалевскій и др. Когда перелистываешь хронику того давно промелькнувшаго времени, оно представляется очень дѣятельнымъ, кипу-

1) Seine Lehrer und Freunde setzen in ihm ein grosses Vertrauen und erwarten mit der Zeit etwas Tüchtiges von ihm.

шимъ. Можетъ быть тутъ есть преувеличеніе всѣдѣствіе исторической перспективы, обыкновенно сгущающей краски, но несомнѣнно, въ сравненіи съ предыдущимъ это было живое время для русскихъ ориенталистовъ. Нашествіе монголовъ на двѣнадцать лѣтъ связало нѣкогда судьбы нашего народа съ судьбами востока и потому ближайшей задачѣ первого поколѣнія русскихъ ориенталистовъ было обогатить русскую исторію пособіями изъ восточныхъ источниковъ; Тохтамышевы ярлыки, монеты, битвы въ Сараѣ, история Золотой Орды и завоеваній Чингис-хана сдѣлались предметомъ живѣйшаго изученія, которое время отъ времени оживлялось горячей полемикой, переносившейся иногда изъ учебныхъ журналовъ въ литературные. И вотъ въ это-то время, когда мы заинтересовались востокомъ изъ патристическихъ побужденій, являлся въ Петербургѣ монголъ Дорджи Банзаровъ. Понятно, что его встрѣтили, какъ желанное явленіе; въ особенности ему обрадовалася горячій ревнитель русскаго востоковѣдія Савельевъ¹⁾.

Кружокъ русскихъ ориенталистовъ, въ который попалъ Банзаровъ въ Петербургѣ, тотчасъ же взялъ его въ полемику, которую онъ вѣлъ съ Нѣцемъ Шмидтомъ, академикомъ-монголистомъ, и которая только что затихла вслѣдствіе смерти Шмидта. Противники еще стояли подъ сѣйчай могилой академика съ неопущенными копьями, когда прѣѣхалъ Банзаровъ. Споръ шелъ о томъ, какимъ письмомъ были написаны надписи на серебряной донечкѣ (пай-цзы), найденной въ Сибири. Григорьевъ говорилъ, что это особое тангутское письмо; Шмидтъ оспаривалъ его мнѣніе и признавалъ его за такъ называемое квадратное. Банзаровъ

1) Григорьевъ въ своей биографіи Савельева говоритъ о послѣднемъ: «Надо было видѣть, какъ привезася онъ къ Банзарову, когда открытымъ послѣднимъ изъ этого бурятъ душу и образованіе вѣменаго гелертера! (Казань и труды П. С. Савельева, Сиб., 1861, стр. 138.) Нѣсколько ниже онъ прибавляетъ: «Вообразя, въ какой-бы восторгъ пріѣхалъ Савельевъ, если бы дожилъ до синданія съ султаномъ Чоканомъ. Вѣланхановъ!» Въ настоящее время не безполезно процитировать эти мѣстъ, показывающіе, какъ люди относились къ иностраннымъ въ то бѣлѣ мирное время, когда национальные инстинкты еще не были доведены до ослѣпленія.

принесла к мгновению Григорьева; кроме того, кто удовольствием русской партии, Банзаров нашел Шмидта не правильным и в том, что он оспаривал правильность перевода надписи, сделанного о. Аввакумом.

Банзаров имел еще и другой случай выказать свои преимущества над академиком; в Забайкалье была найдена лампадная надпись, которая теперь известна под именем «надписи Чингисхана». Историк переводил этой надписи, изложенной в свое время Савельевым, перепечатана нами ниже (стр. 102—105). В каком мере этот поход против академика с намбренiem, как выражается Банзаров в одном из своих писем, посрамить kostи гимна, был чистъ от узко-патристических тенденций, судить не беремся, но несомненно, что Банзаров смотрелъ на свою задачу серьезно, и въ нападение на пытку не изъ угодничества к русскому кружку, который кажется обижался, что академическое кресло занималъ «аренгский томачъ». Онъ видѣлъ тутъ не больше, какъ прекрасный случай выказать свои знания въ языке и смѣливость.

Привести въ окончательный видъ это изслѣдование во время пребыванія въ столице Банзаров не успѣлъ; онъ здѣсь только собралъ всѣ необходимы для будущей статьи материалы; онъ проводилъ, разсыпывая Савельевъ, цѣльные дни у камня, копируя надпись въ подлинную ея величину, черта въ черту, на прозрачной бумагѣ; сдѣлавъ вѣрный снимокъ, онъ принесъ за ея чтеніе и переводъ. «Филологическая трудности не разъ остававливали его и приводили въ отчаяніе, но наконецъ онъ добился вполнѣ отчетливаго чтенія и смысла надписи. Съ торжествующимъ лицомъ триумфатора забѣжалъ онъ къ своимъ пріятелямъ, чтобы сообщить имъ свое «сердце». Запасшись касающимися выписками изъ литературы, онъ весь этотъ материалъ увезъ потомъ съ собой изъ Петербурга и готовую статью высказалъ только уже изъ Сибири.

Въ Петербургѣ ему пришла также мысль приготовить къ изданию текстъ монгольской лѣтописи Алтанъ-тобчи и переводъ

ея съ критическими примѣчаніями¹⁾, но для этого въ Петербургѣ онъ не имѣлъ достаточно времени. Кроме подготовительныхъ работъ къ занятію исторіей Монголіи, состоявшихъ въ чтеніи и дѣланіи выписокъ, Банзаровъ былъ занятъ по порученію Академіи Наукъ составленіемъ каталога монгольскихъ книгъ и лѣтописей, хранящихся въ Азиатскомъ музѣѣ. Всего было разсмотрѣно Банзаровымъ болѣе ста сочиненій.

Вообще это время было лучшее порою жизни Банзарова. И послѣ онъ часто вспоминалъ о немъ съ глубокимъ сожалѣніемъ, особенно о томъ кружкѣ, въ которомъ онъ бывалъ. Въ Петербургѣ Банзаровъ проводилъ самый дѣятельный, плодотворный и интересный періодъ своей жизни; занимался въ библиотекахъ и музеяхъ, онъ открывалъ новые факты для науки, дѣлился своими открытиями съ авторитетами и находилъ въ нихъ достойную оценку. Особенно доставляли ему удовольствіе, вѣроятно, петербургскіе библиотеки, которымъ должны были показаться ему книжными моремъ сравнительно съ Казанью, где онъ не могъ достать исторію Д'ОССона, хотя Казань тогда былъ центромъ нашего востоковѣдія. Впрочемъ въ его письмахъ изъ Петербурга онъ не обнаружилъ восхищеній отъ этого города; зато въ письмахъ, писанныхъ изъ Казани, встречается сожалѣніе о столице и стольномъ кружкѣ знакомыхъ. Въ письмахъ изъ Петербурга онъ только съ оригинальнымъ комортомъ, привинувши прамыслившимъ буддистомъ, подщучиваетъ надъ столицей, житѣемъ которой все отрасли шинмусовъ, безстыдно пишущіе на стѣнахъ о томъ, кто что дѣлаетъ; одинъ хвалится, что онъ субиваетъ быковъ и т. д., словомъ «схода», кажется, еще не проникло ученіе Будды.

Въ августѣ 1848 года Банзаровъ былъ уже опять въ Казани. Въ ожиданіи получения мѣста въ Восточной Сибири онъ готовился къ будущей своей службѣ; онъ былъ прикомандированъ къ штату губернаторскихъ чиновниковъ въ Казани, учился

1) Рукопись эта была впослѣдствіи переведена Гомбоевымъ и напечатана въ Трудахъ Восточн. Отдѣл. Археол. Общества, ч. VI.

писать доклады, даже разыскивать сть ними по дѣламъ по губерніи. Это отнимало у него много времени, тѣмъ не менѣе, въ короткій срокъ пребыванія въ Казани до отѣзда въ Сибирь, онъ успѣлъ написать не сколько статей. Для Археологического Общества имъ были написаны двѣ статьи, одна о пай-цы, найденной въ Екатеринославской губерніи, другая о монгольскихъ на-званийъ нѣкоторыхъ древнихъ русскихъ вооруженій. Въ это время въ Казани ориентиръ И. И. Березинъ издалъ татарскую лѣтопись Шейбани-намѣ, порусски называемую Шейбаниадой. Банзаровъ далъ для этого изданія искаженія мѣстокъ: о происхожденіи имѣнъ Монголъ, Уйгуръ и Ойратъ, о имени Чингисъ-ханъ и о легендарной мѣстности Эргэн-хонъ, изъ которой будто бы вышелъ монгольский народъ.

Въ 1849 году Банзаровъ уѣхалъ на родину. По пріѣздѣ въ Сибирь, онъ прежде всего отправился въ долину Джиды повидаться съ матерью и родными послѣ пятнадцатилѣтней разлуки и провелъ съ ними цѣлыі годъ. Затѣмъ онъ по разнымъ порученіямъ начальства жилъ въ Читѣ, Кяхтѣ, и только два года спустя по пріѣздѣ въ Сибирь онъ переселился въ Иркутскъ¹⁾. Исполненіе порученій начальства, ему приходилось разыскивать по улусамъ и засѣживаться въ нихъ. Эти поѣздки по улусамъ, по отзыву знающихъ Банзарова въ Сибири, глубили его. Зѣхавши въ улусъ, Банзаровъ превращался въ старовѣтскаго бурята, одѣвался побуряски, пилъ кумысъ или тарасунъ и забывалъ о службѣ. Бывало, что за нимъ посыпалъ особаго чиновника, который и привозилъ Банзарова съ собою²⁾.

1) Банзаровъ въ Иркутскѣ жилъ и умеръ въ домѣ казачаго урядника Бутакова, который находился въ Любекскомъ перекрестѣ между Грамматической и Линникской улицами и въ пожарѣ 1879 года сгорѣлъ. На этомъ мѣстѣ въ настоящее время находится домъ финляндскаго уроженца Павла Як. Васильева. Собств. з. Гаккелмуромъ.

2) Былъ слухъ, сообщающій намъ однѣнъ современникъ Банзарова, что замы нарочно спичали его, такъ какъ онъ относился къ нимъ, если не праждѣбо, то иронически, онъ мягко относился къ шаманству, чѣмъ къ буддизму. Въ веселые минуты онъ даже любилъ изображать изъ себѣ шамана и не рѣдко доходилъ до экзаза.

Поѣздки по улусамъ съ ихъ попойками послужили причиной тому, что Банзаровъ сталъ понемногу забрасывать научные занятия и университетскаго Банзарова трудно было узнать въ чиновника Банзарова.

Къ казанскимъ и петербургскимъ друзьямъ своимъ, въ теплые послѣднія пять лѣтъ, проведенныхъ въ Сибири, онъ едва написалъ не сколько коротенькихъ писемъ, не смотря на ихъ запросы и побужденія. Когда учредился въ Иркутскѣ Сибирскій Отдѣлъ Русскаго Географическаго Общества, его въ первое же собраніе избрали въ члены-сотрудники (1 декабря 1851 года), но рѣдко видѣлъ его въ засѣданіяхъ Отдѣла; онъ присутствовалъ только тогда, когда кто-нибудь за нимъ забѣжалъ и насыпалъ тациль съ собою въ засѣданіе¹⁾. Въ протоколахъ Отдѣла имя Банзарова явилось только дважды, по случаю представленія имъ отзыва объ одной статьѣ и перевода съ монгольского языка «Зая-Хамбы въ Тибете».

Въ Иркутскѣ Банзаровъ докончилъ свою статью: «О монгольской надписи съ именемъ Чингисъ-хана», но вѣроятно это былъ трудъ первыхъ лѣтъ его пребыванія въ Иркутскѣ. Потомъ онъ сталъ лѣниться и ничего не писалъ. Но едва ли онъ совершенно забросилъ думать объ ученыхъ вопросахъ.

Не задолго до смерти онъ сказалъ Сельскому, правителю Отдѣла Геогр. Общества: «Знаете ли, я удивлю васъ! Я докажу вамъ ясно, что предки Чингисъ-хана жили у насъ — где бы вы думали? въ Баргузинской степи». Эта фраза показываетъ, что онъ во время бурятскихъ поисковъ въ баргузинской степи усѣивалъ собирать народныя легенды, или продолжалъ перечитывать и обдумывать выписки, сдѣланные въ петербургскихъ библиотекахъ.

Не участуя непосредственно въ трудахъ Отдѣла, говорить Савельевъ, по своей начитанности Банзаровъ все-таки былъ полезенъ многимъ изъ своихъ сочиненій сообщеніемъ имъ той или

1) Сообщено было Савельеву правителемъ дѣла Отдѣла Ю. И. Штубендорфомъ.

другой мысль о древностях и топографии южной Сибири и та-
куму изустно выраженному мнению Банзарова наука обязана
открытием места рождения Чингис-хана в пределах России.
Член-сотрудник Отдѣла Юренский, отправляясь въ поездку по
перчинской Дауріи, обратился за советомъ къ Банзарову, кото-
рый и направилъ его на мѣстность, рабѣ должно отыскывать мѣсто-
рождение великаго монгольского завоевателя. Мѣсто рождения
Чингис-хана у лучшаго историка монгольскихъ родо- и ди-
настій Рашиль-Эддина называно *Дилинъ-Будакъ*¹⁾; такъ же и у
Хондемира²⁾. У Санан-сацана *Делинъ-Будакъ*³⁾. Имя это по
найышнему монгольскому произношенню *Далинъ-Бодакъ*, значить
«Селезенка-холмъ». У Абуль-гази оно искажено въ *Белонъ-Юл-
дукъ*⁴⁾ *Бекунъ-Надукъ*⁵⁾; у китайцевъ *Тыньинъ* (*Далинъ-*)
Паньто (*Бодакъ*)⁶⁾. По соображеніямъ Банзарова эту мѣстность
следовало искать не вдалекъ отъ такъ называемаго помонгольски
«Большаго острова» (Ээ-ардъ). Юренский, осмотрѣвъ наши пог-
раничные караулы и обѣхавъ побережье реки Онона, дѣйст-
вительно нашелъ мѣстность, досѣль сохранившую название *Делинъ-
Бодакъ*; она находится на правомъ берегу Онона въ семи вер-
стахъ отъ Ээ-ардъ или Большаго острова, выши по течению реки
въ трехъ верстахъ отъ Коучувскаго караула. Осмотрѣвъ эту
мѣстность, путешественникъ сдѣлалъ ея топографическое описание
и передалъ его Банзарову, который составилъ особую за-
писку о мѣстѣ рожденія завоевателя. Записка эта была пере-
дана о. Аввакуму, но куда дѣвалась, неизвестно.

1) *Дилинъ-Будакъ*.

2) Григорьевъ, «Истор. Монол.», стр. 18. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ
Хондемира исправлено *Дилинъ-Бадакъ*.

3) *Зеконгъ-Сетсанъ*, ed. Schmidt, p. 879.

4) *Блон-Тулдукъ*, *Бакунъ-Надукъ*, по старинному французскому и русскому
переводамъ Абильзазы.

5) *Бакунъ-Надукъ*, по печатному казанскому изданию текста, стр. 45.

6) Тахинъ, «Исторія четырехъ хановъ», стр. 88.

Когда Банзаровъ умеръ, перемѣну, происшедшую въ немъ,
старались объяснить или просто пьянствомъ, которымъ отъ долж-
женъ былъ кончить неизбѣжно, такъ какъ это, утверждали, по-
рокъ его родного племени, или находили въ его кончиѣ сходство
съ судьбою африканскихъ или американскихъ дикарей, которые,
получивъ европейское образованіе, съ годами, особенно столкнувшись
вновь съ своими единоплеменниками, совершенно теряли
вкусъ къ цивилизованной жизни и обращались къ образу жизни
своихъ предковъ.

Первое мнѣніе, конечно, несправедливо. Бурятскій народъ
не болѣе зараженъ пьянствомъ, чѣмъ и русскій. Синологъ В. П.
Васильевъ, въ своей замѣткѣ, написанной для «Словаря г. Вен-
герова, также отвергаетъ это мнѣніе. «Пьянство въ то время,
говорятъ они, было развито и въ гимназияхъ и въ университе-
тахъ». Видно уже изъ писемъ Банзарова, что попохіи бывали
уже и въ Казани, и уже тогда мѣшала ученымъ занятія. Кроме
того мы имѣемъ другой примѣръ ученаго, спившагося въ Ир-
кутскѣ—это Цапловъ, который не принадлежалъ къ бурятскому
племени или, по крайней мѣрѣ, родился и выросъ въ русской
семье.

Савельевъ въ своей біографіи объясняетъ эту перемѣну та-
кимъ образомъ: «Банзаровъ отъ природы былъ добръ до без-
характерности и мягокъ до слабости. Въ обществѣ ученыхъ,
въ Казани и въ Петербургѣ, онъ былъ ученый, преданный своему
дѣлу, и по идеямъ космополитъ стъ монгольскою физиognоміей.
Въ Иркутскѣ, не стъ кѣмъ еще не знакомый, не встрѣчая, мо-
жетъ быть, того сочувствія, которое составляетъ необходимую
поддержку личности слабыхъ, онъ сталъ дичать; брататься
лишь съ грязными бурятами, кѣ которымъ влекло его чувство
национальности; чуждаться всякаго общества и знакомства. Лю-
бопытно было бы, въ психологическомъ отношеніи, прослѣдить
этотъ обратный ходъ изъ европеца въ бурята... Оставленный
въ европейской средѣ, нашъ бурята окончательно перешелъ бы
въ европеца; образованіе вошло бы въ кровь и плоть. Вступивъ

же въ соприкосновеніе съ людьми полудикими, но родными ему
по лицу, по языку, по вѣрѣ, по преданіямъ, дорогими по неиз-
гладимымъ воспоминаніямъ дѣства, Дордки невольно увлекся
чувствами. Къ понятному сочувствію къ своимъ родичамъ при-
мѣшивалось, конечно, и сознаніе собственного достоинства и
чувствъ самолюбія, потому что соплеменники смотрѣли на него,
какъ на чудо, уважали и чтили его, не смотря на его европей-
скую одежду и стриженную голову безъ косы».

Часть правды есть въ словахъ Савельева, когда онъ говор-
ить о возвращеніи Банзарова къ чувствамъ дѣства, прошел-
шаго въ кочевой обстановкѣ. Если иногда встречаются цивили-
зованные люди, привыкшіе съ дѣствомъ къ городской жизни, кото-
рымъ однако нравится кочевая обстановка и они находятъ пол-
ной познѣ жизни въ юртѣ, когда въ открытыи двери видна степь
съ бродящими скотомъ и дыма, упирающемся въ отдаленные
горы, когда за топкой стѣнкою юрты журчить по мелкимъ камнямъ
горный ручеекъ, совсѣмъ спрятавшійся въ густой въ высокой
заросли, и ароматы степныхъ травъ свободно влываются черезъ
рѣщетчатыя стѣнки юрты, то для человѣка, проводившаго среди
такихъ картинъ свое дѣство, онъ долженъ имѣть тѣмъ болѣе
обаяніе. Европейскіе путешественники часто, странствуя между
номадами, преодолѣваютъ въ костюмѣ туземцевъ и переходить на
кочевое положеніе, но отъ этого опрошенія въ костюмѣ и мебели
до опрошенія въ ученыхъ потребностяхъ разстояніе еще большое.

Намъ кажется, что Банзаровъ до опрошенія въ послѣднемъ
смысльѣ не дошелъ. Онъ просто спился, какъ спиваются и рус-
скіе люди. Если онъ сталъ избѣгать общества образованныхъ
людей, то не потому, что утратилъ интересъ къ наукѣ и вкусъ
къ европейской обстановкѣ, а что началъ стыдиться своего по-
рока. Пьяницы бываютъ обыкновенныя робки, мнительны и немо-
димы, потому что теряютъ самоувѣренность. Больѣзнь эта у Бан-
зарова началась еще въ Казани, а въ Иркутскѣ она развилась,
потому что мѣстная жизнь этому благопріятствовала.

Русская жизнь имѣеть другой примѣръ образованнаго чело-

вѣка изъ сибирскихъ инородцевъ—это киргизъ Чоканъ Валихано-
новъ, по которому мы можемъ прроверить наше мнѣніе. Онъ
также былъ отнятъ отъ кочевой жизни, какъ и Банзаровъ; при
этомъ надо замѣтить, что образъ жизни у бурята ближе къ
осѣдому, у киргизъ же кочевой характеръ быта чище. И однако
у Валиханова не было замѣтно никакого возвращенія къ кочев-
ному мышленію. Онъ былъ менѣе оторванъ отъ степи, каждое
лѣто онъ проводилъ въ ней, живя въ юртѣ и отдаваясь кирги-
зомъ, но до послѣдней минуты жизни жилъ интересами европей-
скаго общества.

Намъ кажется, что кромѣ разницы въ темпераментѣ, въ не-
сходствѣ киргизскаго быта съ бурятскимъ и другихъ подобныхъ
причинъ, различная судьба этихъ двухъ инородцевъ въ значи-
тельной степени зависѣла отъ ихъ положенія въ русской средѣ.
Съ Валихановымъ судьба поступила снисходительѣ; его при-
везли десятилетнимъ мальчикомъ въ Омскъ и отдали въ кадетскій
корпусъ; одинъ изъ преподавателей, К. К. Гутковскій, служив-
шій въ мѣстномъ военномъ штабѣ, человѣкъ очень образованный,
сталъ его братъ къ себѣ по праздникамъ; впослѣдствіи, когда
Валихановъ вышелъ изъ корпуса офицеромъ, гостепримство,
которымъ онъ пользовался въ домѣ Гутковскихъ, перешло даже
въ родственную любовь. Судьба Валиханова заботила Гутков-
скихъ, какъ будто это былъ ихъ родной сынъ. Такимъ образомъ
у Валиханова было дѣвъ семьи, одна въ степной юртѣ, другая въ
городѣ. Возвращаясь въ городъ изъ степей, онъ находилъ здѣсь
друзей, которыхъ интересовали мельчайшія подробности его уче-
нныхъ работъ и жизнь его сердца.

У Банзарова не было такой европейской семьи. Онъ былъ
мальчикомъ оторваннымъ отъ семьи и вырошенъ въ далекомъ го-
родѣ, въ 6000 verstахъ отъ родины. Школа конечно дала ему
товарищей, но жизнь разлучила его съ ними, такъ какъ онъ дол-
женъ былъ пойти по особой отъ нихъ дорогѣ. Впослѣдствіи онъ
пріобрѣлъ друзей между ориенталистами, но эти друзья остались
въ Петербургѣ и Казани. Пріѣхавъ въ Сибирь, онъ нашелъ здѣсь

только один телесный кровь — это свою степную семью; в Иркутской же для него была совершенная чужбина. Конечно были тогда в Иркутской люди образованные, любители ученых занятий, может быть даже интересовавшиеся той самой специальностью, в которой был сын Банзарова, но он не нашел себя здесь такого друга и покровителя, какого Валиханова имел в Гутковском.

В Иркутской в это время основался Отдел Географического Общества, который впоследствии поддерживал нравственно не одного начинающего научного работника, но все наши провинциальные ученые общества и теперь еще не свободились от бюрократического ведения дела, а в то время Отдел был ни чьим иным, как особой канцелярией генерал-губернатора по учено-участии. Генерал-губернатором тогда был граф Муравьев-Амурский; это было неизменно лучше, чем Гасфорд, который был при Валиханове в Омске. Но граф Муравьев думал только о государственных интересах, интересы местной общественной жизни его заботили очень мало. Все внимание было обращено на проработку Амура; и местное сельское население, в капиталах, и умственные дарования, и наука, все было направлено на службу Амуру. В этой кипучей амурской деятельности Банзаров был не нужен и он не был обласкан и пристроен, как сидел, а граф Муравьев умел обласкать, в ком нуждался. Если бы вместо Муравьева был Сперанский, Банзаров нашел бы более теплую участие к себе. И в этом отношении для Валиханова обстоятельства сложились выгоднее. Гутковский был потом назначен товарищем губернатора, управлявшим областами сибирских киргизов; Валиханов приходился ему при составлении административных проектов и новых положений своим знанием степного обычного права. Банзаров же, кажется, не оказалось другого дела, как производить сидеть о злоупотреблениях.

Русские политические кружки, в которых Валиханов и Банзаров провели свою молодость, то есть те годы, когда скла-

даются общественные идеи у человека, были различны. Политическая убежденность Валиханова сложилась под влиянием петрапавловца Дурова и С. Я. Капустина. О казанском кружке, в котором вырос Банзаров, мы мало знаем, но полагаем, что он мало похож на друзей Валиханова. Ясно для нас характер петербургских друзей Банзарова, Савельева и Григорьева. Они тоже, как и друзья Валиханова, увлекались социализмом (вероятно и Банзаров не остался неподражанным в эту идею), но в меру. Об этом свидетельствует следующая выписка, которую мы добавляем из биографии Савельева, составленной Григорьевым: «Социализм, как направление, привнес ему (Савельеву) несравненно больше по сердцу, нежели либерализм; но въ возможность осуществления социалистических утопий и въ благо, имеющееся производить оттого для человечества, онъ, какъ человекъ знакомъ съ историей, не вѣрилъ, а проповѣдниковъ социализма, съ которыми имѣлъ случай сходитьсь довольно часто и близко, не жаловалъ почти столько же, какъ и либераловъ, потому что и тут актерства и фанфаронства видѣлъ въ десяти разъ больше, нежели глубокаго убеждения и истиннаго увлечения¹⁾. Намъ кажется, была разница в степени искренности того участия, съ которымъ русские друзья относились к тому и другому инородцу. И это тоже вероятно могло отражаться на будущей судьбе Банзарова и Валиханова.

Наконец, Валиханов мог спасать направление его работы. Валиханов записывал сказки и письма киргиз с целью познакомить русское общество с этими произведениями народного творчества; во времена Банзарова к этому предмету еще не пробудилось такого интереса, который обнаружился к нему позднее; на Банзарова, уезжавшего в Сибирь, возлагались надежды, что онъ объяснит монгольскую древности южной Сибири, съ каждым годомъ больше и больше истребляемым временем, но тут, кажется, разумѣлись не устные древности, а лапидарные, и вообще вещественные. Отправляя Банзарова в Си-

1) Григорьев, Жизнь и труды П. С. Савельева. Спб. 1861, стр. 88—94.

бирь, следовало бы поставить ему в задачу собирание устных памятниковъ у бурят; это занятие было бы более исполнимо въ глухой провинции. Между тѣмъ Банзаровъ былъ подготовленъ къ кабинетнымъ занятиямъ, которымъ можно вести только при большихъ книжныхъ средствахъ. Слишкомъ специальные вопросы, надъ которыми любилъ Банзаровъ задумываться, мало могли заинтересовать въ Иркутской; въ немъ не было для Банзарова самой пропечальной аудитории²⁾.

Хотя некоторые ученые современники Банзарова, какъ например Савельевъ, уже тогда объявили гибель Банзарова тѣмъ, что онъ не нашелъ въ провинциальномъ обществѣ нравственной поддержки, то есть объяснили безжизненностью, неподвижностью состояния нашего общества, другимъ не мѣшило въ то же время по поводу биографіи «монгола во вскорукіи учености» приходить въ неоправдываемый патротический экстазъ. Такъ одинъ рецензентъ, дававъ въ «Москвитянинѣ» отчетъ о брошюре Савельева, т. е. о написанной имъ биографіи Банзарова³⁾, писалъ: «Кромѣ ученаго своего значения, Банзаровъ замѣтчатель и тѣмъ, что представляетъ собою живой примеръ благодѣтельнаго вліянія Россіи на подвластныхъ ей инородцевъ. Это, какъ мы сказали, многое во вскорукіи современной учености, благодаря вліянію Россіи. А укажите мнѣ въ Англіи просыпавшихъ ею индійцевъ или въ Парижѣ ученыхъ алжирцевъ! Таково ли вліяніе этихъ двухъ державъ на принадлежащихъ имъ инородцевъ? (то есть таково ли, какъ вліяніе Россіи). Заботятся ли онъ о просвещеніи ихъ, толкуя о цивилизациѣ?»⁴⁾.

1) Во времена Банзарова въ Иркутской было только два лица, знающих монгольский или бурятский языкъ и занимавшихся литературой этого племени: Сычевскій и свящ. Стуковъ; кромѣ того тогдашней иркутской епископъ Ниль также изучалъ монгольский языкъ, интересовался буддизмомъ и впослѣдствии написалъ о немъ книгу. Впрочемъ, если сравнить прошлое время съ настоящимъ, то сравненіе выйдетъ въ пользу последнаго. Теперь въ Иркутской тоже только два лица, занимающихся изучениемъ бурятского языка и бурятской жизни: свящ. Кошмыковъ и молодой свящ. Подгорбунский; послѣдній кончилъ курсъ въ Казанской духовной академии.

2) Москвитянинъ, 1865, т. V. (19—20), стр. 164.

3) Въ то самое время, какъ это писалось, или даже немного ранѣе того

Изъ многочисленныхъ сибирскихъ инородческихъ племенъ только два, буряты и киргизы, выставили своихъ представителей въ ряды русского образованного общества; изъ бурятской среды вышелъ Дорджи Банзаровъ, изъ киргизской Чоканъ Валихановъ. Хотя со смерти одного изъ нихъ прошло уже около 35 лѣтъ, а со смерти другого 25, эта дата случая такъ и осталась до сей поры исключениемъ въ сибирской жизни. Въ настоящее время наберется можетъ быть уже не одинъ десятокъ киргизъ, кончившихъ курсъ въ среднѣхъ (и даже высшихъ) учебныхъ заведеніяхъ; вероятно скоро подобные же ученики появятся въ бурятской средѣ. Эти новые факты инородческой жизни имѣютъ большое общественное значение, но по русскому обществу они не производятъ такого яркаго впечатлія, какъ явленій въ родѣ Банзарова и Валиханова, которые хотя и представляются исключительными, но получаютъ особый смыслъ благодаря своимъ талантамъ. Эти послѣднія явленія указываютъ русскому обществу на ошибочность мнѣній, будто племена, изъ которыхъ вышли эти лица, не имѣютъ другой исторической задачи, какъ только населять негоды для земледѣлья и незаманчивы для другихъ высшихъ расъ стечи въ создавать въ нихъ пѣкторы жизненныхъ условій, полезныхъ для международныхъ сошеній, которыя ведутся черезъ эти пустыни. Эти явленія рождаютъ надежду, что роль этихъ племенъ не ограничиваются такими скромными рамками, что они могутъ выставить впослѣдствіи рядъ людей, которые примутъ участіе въ русскомъ умственномъ движении, образуя въ немъ своеобразную струю и обогатятъ русскую науку и русскую литературу оригинальными взглядами. Если-бы Банзаровъ и Валихановъ не умерли такъ рано, они могли бы сдѣлаться

(въ 1854) въ Бенгалии было основано пять коллегій, кроме того Sanskrit College и мусульманское медресе; въ северо-западныхъ провинцияхъ пять коллегій; въ бомбейскомъ президентствѣ три коллегіи; въ мадрасскомъ высшая школа (High School). См. Минавъ, Очерки Цейлона и Индіи. Спб. 1878, ч. II, стр. 191. Во времена путешествія Минава, т. е. въ семидесятыхъ годахъ, въ Индіи было уже три университета, учрежденныхъ для оценки обученій, получаемаго въ коллежахъ и для раздачи ученыхъ степеней.

впослѣдствій посредниками между своимъ племенемъ и русскимъ образованнымъ обществомъ. Потребность въ этомъ посредничествѣ уже чувствовалась и въ то отдаленное время; на это указываетъ то теплое радушие, съ которымъ русское общество привѣтствовало появленіе въ его средѣ и того и другого. Едавали справедливо появленіи ихъ считать прецедентными на томъ основаніи, что роль ихъ остается столь долго никѣмъ не замѣщеною; эта незамѣщеннія пустота вѣрѣ можетъ быть объяснена у奇特еннымъ положеніемъ инородческаго вопроса.

Оба нашихъ инородаца, Банзаровъ и Валихановъ, получили образованіе въ русскихъ школахъ, вскорѣмы были тѣми идеями и тѣми умственными интересами, которыми жило въ ихъ пору русское общество, и потому, если по психической природѣ они и сохранили особенности своего племенного типа, то по своему умственному развитію оба они были вполнѣ русскими образованными людьми; они волновалась тѣми же литературными и учеными вопросами, какими волновалось русское общество, вождѣй, надежды и славы послѣднаго были и ихъ вождѣнія, надеждой и славой; въ нихъ жило сознаніе, что и улучшеніе положенія ихъ сородичей, которыхъ оба они несомнѣнно любили, зависитъ отъ общаго просвѣщенія Россіи. Если-бъ такихъ Банзаровыхъ и Валихановыхъ было больше, еще разъ повторимъ, глубокое духовное родство образовалось бы между инородческой средой и русскимъ обществомъ. Для русскаго патріота и для человѣка, по добротѣ сердца интересующагося судьбою инородцевъ, истиннымъ огорченіемъ должно казаться, что вѣсто такого внутренняго родства, коренившагося въ общности духовныхъ интересовъ, единственной связью, соединяющею инородцевъ съ русскимъ обществомъ, служить одно только чувство общей административной зависимости.

Смерть и похороны Банзарова описаны у Савельева слѣдующимъ образомъ.

Здоровье Банзарова было давно разстроено. Страдая какою-

то скрыто болѣзнью, онъ перемогался, не довѣряя врачамъ и самъ составлялъ для себя лекарства по бурятскимъ рецептамъ. Такимъ образомъ онъ часто прихварывалъ и выздоравливалъ и никто не подозревалъ, чтобы онъ носилъ въ себѣ зародышъ преждевременной смерти. Въ послѣднихъ числахъ февраля однѣ изъ членовъ Сибирского Отдѣла запечатъ къ нему съ разными учеными запросами,— и былъ пораженъ, увидѣвъ его мертваго и кровати. Кончины его была скоропостижна.

Въ Иркутскѣ не было ламы; но благоприятный случай далъ возможность устроить великолѣпныя буддийскія похороны, еще не виданные въ Иркутскѣ.

Не задолго до смерти Банзарова находился въ городѣ и только что выѣхалъ оттуда хамбо-лама или начальникъ буддийскаго духовенства¹⁾. По приказанію генераль-губернатора послалъ нарочного воротить его съ дороги для погребенія Дорджи. Устроена была печальная колесница, на которую поставили гробъ. Колossalная фигура хамбо-ламы и находившіеся при немъ простые ламы въ желтой одеждѣ, читая буддийскія молитвы, сопровождали тѣло за городъ. Генераль-губернаторъ и чиновники его канцелярии отдали послѣдній долгъ умершему. Весь Иркутскъ стекся на похороны. Въ чѣмъ проводившись находился и известный нашъ синологъ, отецъ архимандрия Аввакумъ, уважавший познанія Дорджи и только что возвратившись изъ японской экспедиціи²⁾. Это было 2 марта 1855 года³⁾.

1) По иркутскому преданию Банзаровъ щадилъ провожать хамбо-ламу и при этомъ простудился.

2) О Аввакуму Савельевъ и былъ обязанъ сообщеніемъ о смерти и похоронахъ Банзарова.

3) Банзаровъ былъ похороненъ на кладбищѣ, которое находится на горѣ надъ Рабочемской слободой. М. В. Загоскинъ сообщаетъ мнѣ, что его могилу нужно искать подъ дорожки, которая начинается у подошвы горы между двумя острогами и поднимается по косогору сзади каменного острога; первая могила безъ креста, отдельно стоящая вправо отъ троинки, и должна быть могилой Банзарова. Я искалъ ее, но не могъ найти, потому что что кладбище разрослось и спустилось внизъ по горѣ, такъ что вправо отъ троинки теперь много могилъ, и многій изъ нихъ безъ креста.

П

Свою біографію Банзарова Савельевъ кончаетъ слѣдующими строками.

«Какъ изслѣдователь среднеазійской древности, онъ заслужилъ себѣ мяесто между европейскими ориенталистами; какъ буряты, показалъ, что дарование и просвѣщеніе могутъ быть удѣломъ и этого поколѣнія, которое съ гордостью можетъ приводить его имя, какъ представителя своего въ области науки. Блескъ привлекательной личности отражается и на народѣ, и буряты отнынѣ приобрѣли право на большее вниманіе потому, что изъ среды ихъ вышелъ Дордже Банзаровъ».

ПОДРОБНОСТИ О СИБИРСКОЙ ЖИЗНИ И ПОСЛѢДНИХЪ ДНЯХЪ

Дордже Банзарова.

ПІСЬМО И. С. СЕЛЬСКАГО КЪ П. С. САВЕЛЬЕВУ.

(Труды Вост. Отдѣл. Им. Археол. Общ., т. III, стр. 174. 1856).

Вы пишите, что любопытно было-бы прослѣдить обратный переходъ Банзарова изъ европеца въ бурата. Это совершилось очень просто. Послѣ пѣскоѣхъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Казани и Петербургѣ въ сухихъ ученыхъ занятіяхъ, вдругъ онъ возвращается къ своимъ вождѣніямъ табунщикамъ, и тамъ родной кровъ, чудесная весна Боргоской степи, краснощекія землячки, и наконецъ *тарасунъ*, вдругъ оближаютъ его съ непрѣмѣнными условіями жизни степнаго монгола, и съ той же минуты Банзаровъ весь принадлежалъ своимъ. Цѣлый годъ онъ прошелъ на родинѣ.

Въ Иркутскѣ Банзаровъ былъ принять превосходно; генераль-губернаторъ очень жаловалъ его¹⁾, многіе съ нимъ были знакомы, а и, завѣдывая Отдѣломъ, видѣлъ въ немъ совершенную для насъ необходимость. Въ Восточной Сибири Банзаровъ былъ нуженъ болѣе, нежели гдѣ-нибудь. Высокопреосвященный Нильз, знатокъ монгольскаго языка, очень хотѣлъ сблизиться съ

1) Археологическое Общество, съ своей стороны, рекомендовало его государственному генераль-губернатору, какъ своего члена-корреспондента (см. Труды Вост. Отдѣл., ч. I, стр. 296 и 299). П. С.

Банзаровыи и желалъ, чтобы онъ софьтами своими былъ полезъ при переводе литургіи на монгольский языкъ. Вмѣстъ съ тѣмъ, преосвященный пламенно желалъ, чтобы Банзаровъ принялъ христіанство. Монголъ сердился за эти попытки, и пересталъ посѣщать преосвященнаго. Думая, что если бы Банзаровъ принялъ христіанство ранѣе сего въ Казани, то онъ не сошелся бы потомъ съ своими такъ тѣсно.

Въ теченіи трехъ лѣтъ, проведенныхъ Банзаровыи у нась, онъ совершилъ только нѣсколько временныхъ поѣздокъ по слухамъ. Наші виды на него были слѣдующіе: въ одномъ изъ заѣздовъ Отдѣла и предложилъ, чтобы Банзаровъ зашлся исправлениемъ въ особенности на нашихъ картахъ монгольскихъ названий жилыхъ мѣстъ, урочищъ, горъ, рекъ, озеръ и проч., искашенныхъ отъ времени. Онъ совершенно раздѣлилъ со мною мысль о пользѣ такого занятія, и въ теченіи года, кое-когда, послѣ большихъ настоиній, принимался за дѣло и многое успѣлъ исправить, но большая половина осталась неразсмотрѣнною. Миѣ хотѣлось также очень, чтобы Банзаровъ осмотрѣлъ остатки древностей Забайкальскаго края, древніе письмена и прочие предметы, для объясненія аборигеновъ тамошнаго края. Банзаровъ все отбѣгалъ сѣѣть, но ни за что не принимался. Но, между прочимъ, онъ отлично пояснилъ на картѣ пункты китайской границы, согласно съ фактами нашими и манджурскими. Онъ совершилъ поѣздку въ Тункинскій край для изслѣдованія происхожденія Сойотовъ и ихъ заграничныхъ соѣдей, Уриахайцевъ. Онъ занимался объясненіемъ древней надписи Мангутской пещеры; онъ же просилъ г. Юренскаго разыскать Далонъ-Бодокъ, чѣсто рожденія Чингисъ-хана, чтѣ тотъ и сѣѣтъ; описаніе этого тенера находится для просмотра у о. Аввакума. Кромѣ сего Банзаровъ готовилъ исторію перехода изъ-за границы на нашу сторону Байкала различныхъ монгольскихъ племенъ. Не задолго до своей смерти, онъ позвалъ меня и съ торжествомъ сказалъ мнѣ: «Знаете ли, я удивлю васъ? Я доказу вамъ ясно, что предки Чингисъ-хана жили у нась,—гдѣ бы вы думали?—въ Баргузинской стени».

Но какъ это, такъ и прочіе его порывы и предположенія остались ни при чёмъ. Именно я, въ послѣдній назначенный имъ срокъ, прішелъ къ нему за статьей о Чингисѣ, и нашелъ его уже бездыханного, и ламу, читающимъ надъ нимъ молитвы! Богѣзъ его была кратковременна: онъ обрадовался пріѣзу Бандиды-Хамбы-Ламы, въ сообществѣ его набылъ жгучей свинины и пилъ много вина, потомъ побѣжалъ Хамбу провожать, простудилъ желудокъ, и умеръ внезапно. По докладу моему, библиотека Банзарова и вещи сданы были въ Отдѣлъ; но увы, въ ней, кромѣ книгъ, ничего не оказалось¹⁾.

Не много спустя по смерти Банзарова умеръ здѣсь еще одинъ: нашъ изѣбѣстый синологъ Сычевскій. Послѣ него осталось много драгоценнаго; огромная библиотека его поступила также въ Отдѣлъ, и я теперь занимаюсь приготовленіемъ его рукописей къ печати.

1) Но въ нѣкоторыхъ книгахъ, какъ мнѣ лично известно, были многочисленныя на поляхъ записки Банзарова, относящіяся къ исправленію монгольскихъ текстовъ и переводовъ съ нихъ г. Шмидта; такимъ поправками обильныя ошибки последнаго особенно исправлено издание Саланъ-Сецена (Gesch. der Ost. Mongolen). Весьма полезно было бы издать эти гlosсы Банзарова.

Кстати, еще о Банзаровой. Во-первыхъ, одни дополненія къ списку его сочинений, напечатаннымъ во II-й части Трудовъ (стр. 160); къ нимъ надлежитъ присовокупить его *Записки о монголизмѣ въ прымахъ Тогхамынханѣ*, напечатанные на стр. 41—42 и 47—48 издания книги М. А. Оболенскаго «Исторія хана Золотой Орды, Тогхамыша, гъ полскому королю Ягайлу», Казань 1850, §9. Во-вторыхъ, о его перепискѣ и портретѣ. Составлены его биографію, я не могъ отыскать его писемъ, изъ которыхъ лучше всего видно, какъ сильно привилась къ нему не только образованность, но и учебные потребности, которыя могли захлопнуть лишь въ средѣ, не представлявшей никакой пищи пытливому уму его. И. С.

дѣйскими венцами, находящимися въ Этнографическомъ Музѣи Импер. Академіи Наукъ.

Представлено въ заѣздіи истор.-филолог. отд. Академіи, 5 мая 1848 г.; не напечатано.

6) Erklrung einer mongolischen Inschrift auf einer im Jekaterinoslaw'schen Gouvernement, auf den Gtern des Herrn Barons A. Stieglitz ausgegrabenem Silberplatte. Mit einer lithographirten Tafel. (Bulletin de la classe hist. de l'Academie, t. V, № 9).

Читано въ собраніи историко-филологического отдѣленія Академіи, 19 мая 1848.

Дополненіемъ къ этой статьѣ служитъ другая, написанная, по отѣзгѣ Банзарова изъ Петербурга, г. Бѣтлингомъ и читанная въ собраніи того же отдѣленія, 16 мая 1848, подъ заглавиемъ: Nachtrag zu der in № 9 dieses Bulletins gegebenen Erklrung einer mongolischen Inschrift auf einer Silberplatte, von O. Bhlingk (Bulletin de la cl. hist.-philol., t. V, № 12).

7) Пайзе, или металлическія дощечки съ повѣтными монгольскими ханами. Съ предисловіемъ и примѣчаніями П. Савельева. (Записки Археол. Общ., т. II, стр. 72—97).

Представлено въ заѣздіи Археол. Общ. 13 декабря 1848 г.

Переводъ этой статьи на нѣмецкій языкъ напечатанъ въ Mmoires de la Soci t  Imp r. d'archeologie, t. V, pp. 328—339, и t. VI, pp. 441—448, подъ заглавиемъ: Paise oder Metallplatten mit den Befehlen der mongolischen Chane als Inschrift.

9) О восточныхъ названіяхъ старинныхъ русскихъ вооруженій. (Записки Археол. Общ., т. II, стр. 352—358).

Написано въ Петербургѣ, въ 1848 году; напечатано въ 1849 г.

9) О происхожденіи имени Монголь. (Библиотека Восточныхъ Историковъ, изд. И. Березинъ, томъ I, приложеніе II, стр. 10—IV).

СПИСОКЪ СОЧИНЕНІЙ

Банзарова

(въ хронологическомъ порядкѣ).

1) Черная вѣра или шаманство у монголовъ. (Ученія Записки Импер. Казан. Универс., 1846, книжка III, стр. 53—120).

2) Разборъ сочиненія: Грамматика Калмыцкаго языка, А. Попова. (Сѣверное Обозрѣніе, 1848, мартъ, отд. критики, стр. 30—32).

3) Ueber zwei mittelasiatische Alphabete, von Dordshi Bansarow. Mit einer Nachschrift von O. Bhlingk. Mit einer lithographischen Tafel. (Bulletin de la classe historico-philologique de l'Acad mie des sciences, t. V, № 4).

Читано въ собраніи историко-филологическаго отдѣленія Академіи Наукъ, 3 марта 1848 г.

4) Каталогъ книгамъ на маньжуровскомъ языкѣ, находящимися въ Азиатскомъ Музѣѣ Императорской Академіи Наукъ, составленный Д. Банзаровыи. (Bulletin de la cl. hist.-philol., t. V, 6).

Читано въ собраніи историко-филологическаго отдѣла Академіи Наукъ, 31 марта 1848.

5) Списокъ статуамъ и живописнымъ изображеніямъ буддистскихъ божествъ и боготворимыхъ буддистами лицъ, также буд-

- 10) О происхождении слова Чингись. (Тамъ-же, приложение III, стр. 18—19).
 11) О назывании Эргене-Хонъя. (Тамъ-же, приложение IV, стр. 21—22).
 12) Объ Ойратахъ и Уйгурехъ. (Тамъ-же, приложение V, стр. 26—27).

Эти четыре статьи написаны частью въ Петербургѣ, частью въ Казани, въ 1848 г.; напечатаны въ 1849 году.

13) Объяснение монгольской надписи на памятнике князя Исунѣ, племянника Чингись-хана. (Зап. Археол. Общ., т. III, стр. 268—292).

Представлено въ засѣданіи Археолог. Общества 16 октября 1850 г.

Изслѣдованіе это начато Банзаровымъ въ Петербургѣ въ 1848 г. и окончено въ Иркутскѣ въ 1850 г. Снимокъ надписи сдѣланъ имъ, чрезъ прозрачную бумагу, въ настоящую величину; съ этого снимка сдѣланъ уменьшенный фотографический снимокъ, съ котораго и отлитографированъ рисунокъ, приложенный къ статьѣ.

Отпечатано и отдельно въ числѣ 50 экземпляровъ, подъ заглавиемъ: Монгольская надпись на памятнике князя Исунѣ, племянника Чингись-хана, объясняемая Дордки Банзаровымъ, член.-корресп. Имп. Археол. Общ., съ предисловиемъ П. Савельева, чл.-основ. и секретаря того же Общ., и съ примѣнѣемъ снимка съ надписи. С.-Петербургъ, 1851, 8°, 27 стр.

14) Путешествіе Зая-хамбы въ Тибетъ. Переводъ съ монгольского.

Представлено въ засѣданіе Сибирскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества 23 декабря 1852 года; не напечатано.

15) Замѣчанія о монголизмахъ въ языке Тохтамыша-хана, напечатанные на стр. 41—42 и 47—48 издавія князя М. А. Оболенскаго «Ярыкъ хана Золотой орды, Тохтамыша, къ подъ-скому королю Ягайлу». Казань, 1850, 8°.

— 2 —

дѣнія, какія онъ имѣлъ о мифологии разныхъ монгольскихъ, турецкихъ, финскихъ и другихъ народовъ; гораздо любопытнѣе было бы, если бы онъ къ описанію каждого племени присоединилъ и очеркъ его религиозныхъ повѣрій, съ тѣмъ отѣнками и подробностями, которые необходимо должны встрѣтиться у каждого народа, въ которымъ могли войти въ его статью. Но онъ, описывая какой нибудь народъ, довольствуется нѣсколькими фразами обѣ его религій, или просто говорить: «сдѣлуетъ шаманско-сунѣтъ и т. п.»; послѣ чего обращается къ упомянутой статьѣ, въ которой мало любопытного и годного, въ особенности для этнографа нашего времени. Въ сочиненіяхъ европейскихъ путешественниковъ находимъ только отрывочныя и часто ошибочные извѣстія о шаманствѣ, которымъ иногда ни къ чему не служатъ. Въ русскихъ, особенно старинныхъ журналахъ можно встрѣтить много статей о шаманствѣ, но мало полезныхъ для знакомства съ мифологіей монгольскихъ племенъ.

О. Іакиновъ въ своемъ «Китаѣ» помѣстилъ статью о шаманстве, слишкомъ краткую и касающуюся народныхъ вѣрованій маньжуровъ.

Изъ монгольскихъ сочиненій, находящихся въ Казани, я также не могъ почерпнуть ничего потому, что они чисто буддийскія. Самы монголы, изъ преданности къ буддизму, пытаются отвращеніе къ стариннымъ своимъ повѣрьямъ и не почитаютъ ихъ достойными вниманія грамотного человека. Не смотря на это, народъ долго не могъ отвыкнуть отъ старинныхъ понятій, такъ что проповѣдники буддизма, уступая мѣстнымъ требованиямъ, не старались истребить въ душе шаманская понятія и обряды. Такимъ образомъ многие изъ нихъ изъ шаманства перешли въ буддизмъ гѣсколько измѣненными, сообразно съ духомъ послѣдняго. Такъ ламы собрали молитвы, уѣзжавшія въ устахъ народа, прибавили къ нимъ новые, бѣлѣе образныя съ новою религіей, и опять распространяли ихъ между народомъ. Этому обстоятельству мы обязаны тѣмъ, что некоторые остатки древней монгольской мифологии дошли до насъ на письмѣ. Въ Монголіи много есть такихъ шаманско-буддийскихъ книжекъ, во онѣ составляютъ рѣдкость для того, кто живетъ въ центрѣ Россіи. И такъ я долженъ быть довольствоваться небольшимъ

ЧЕРНАЯ ВВРА

или

ШАМАНСТВО У МОНГОЛОВЪ.

(Учен. Записки Казанского Университета. 1846, кн. 3.)

Ориенталисты уже издавна занимаются судьбами народовъ средней Азіи; но вниманіе ихъ преимущественно обращалось на военные дѣла монголовъ, между тѣмъ какъ нравы, обычай и вѣра ихъ оставались въ сторонѣ и составляли какъ бы посторонній предметъ въ исторіи. Въ особенности та вѣра, которую исповѣдували монголы до принятия буддизма, не обращала на себя вниманія ученыхъ, и послѣдніе имѣли важную причину умалчивать обѣй ней: — это недостатокъ данныхъ, по которымъ можно было бы дать ясное понятіе о вѣрѣ древнихъ монгольскихъ племенъ. Первый рѣшившись представить очеркъ этой вѣры, я также затруднялся недостаткомъ нужныхъ материальівъ. Не только европейцы, но и сами монголы не имѣютъ такого сочиненія, которое бы содержало систематическое и полное изображеніе Черной вѣры; все что было говорено обѣй ней, разбросано по разнымъ сочиненіямъ, изъ которыхъ иногда приходится выбирать по одному слову.

Гегори въ своемъ «Описаніи обитающихъ въ россійскомъ государствѣ народовъ» предпринялъ описать шаманство всѣхъ народовъ въ одной статьѣ, которая только заставляетъ насъ жалѣть, что авторъ напрасно вѣдумалъ соединять въ одно тѣ свѣтъ

1

— 3 —

рукописями, которые сообщены мнѣ почтенными моими наставниками, гг. профессорами монгольской словесности при нашемъ университете.

Весьма полезна была для меня небольшая рукопись:

1) «Книга о молитвѣ и жертвоприношении звѣздамъ и богамъ». (Сообщена пр. А. В. Поповымъ).

Въ началѣ рукописи помѣщена молитва одиннадцати созвѣздій. Далѣе идетъ небольшая легенда, будто бы рассказанная Буддо, о важности созвѣздія семи старцевъ т. е. Большой Медведицы, и о необходимости приносить ей жертвы и пр. Въ заключеніи помѣщена любопытная молитва, которую должно читать при жертвоприношении геніямъ. Она въ стихахъ; трудный языкъ и простой складъ стиховъ доказываютъ народное ея происхожденіе. Въ ней упоминаются имена множества геніевъ (тентрі) и описаны качества вѣнчаръ изъ нихъ.

2) «Молитва огня» и 3) «Книга о жертвоприношении Богу огня».

Первую рукопись обозримъ ниже. Во второй заключается легенда о происхожденіи отцепочитаній, и описание обряда, который соблюдаєтся при жертвоприношении Богу огня. (Сообщено обѣ рукописи пр. О. М. Ковалевскимъ).

4) «Чертехъ звѣздъ, ихъ вліяніе (на людей), гаданіе по нимъ при жертвоприношении въ честь ихъ». (Сообщено А. В. Поповымъ).

Содержитъ почти то же, что рукопись подъ заглавиемъ: книга о молитвѣ и жертвоприношении и пр.

5) Рукопись безъ заглавія. Въ ней заключается перечисление боговъ, горъ и рекъ, которымъ должно приносить жертвы, молитва, которую читаютъ во время возліяй богамъ.

6) «Біографія святаго Мань-жушри Даіай Нэйджи тойна». Изъ нея заимствованы мнѣ некоторые исторические факты. Кромѣ того, я пользовался мон-

1*

гольском языке Саванье-Сенна, изданию г. академиком Шмидтом, подъ заглавием: *Geschichte der Ost-Mongolen.*

Для сравнений монгольского шаманства съ религиозными по-
нятиями другихъ народовъ служили: китайские дзини, въ пере-
водахъ на французский языкъ; Зенди-авеста, издание Клейнера;
на маньчжурскомъ языке Хэсэй тюнхубуга *Манджусий вочуру*
мотээр кооли билээ. Описание обрядовъ съ изображенiemъ со-
судовъ, музыкальныхъ инструментовъ и другихъ вещей, упомя-
няемыхъ при маньчжурскомъ богослужении.

Наконецъ, сочинение многихъ европейскихъ ориенталистовъ
и путешественниковъ доставила мнѣ пѣкторы свѣдѣнія.

Съ такъ малымъ числомъ источниковъ я не могъ вполнѣ
изобразить мифологию монголовъ, многое должно было пройти
молчаниемъ, многое излагать слишкомъ кратко, ускользъ только
объяснять самые главные вопросы и собрать въ одно цѣлое всѣ
извѣстія о религиозныхъ понятіяхъ древнихъ монголовъ, разсѣ-
янныхъ въ извѣстныхъ мнѣ сочиненіяхъ.

Название и происхожденіе Черной вѣры.

Древняя народная религія монголовъ и соѣднѣихъ съ ними
народовъ извѣстна въ Европѣ подъ именемъ *шаманства*, у си-
нхъ же послѣдователей она не имѣетъ особаго названія. Мон-
голы, уже по принятіи буддизма, называли ее *Черною вѣрою*
(хара шаджинъ), т. е. грубо, непросѣченной, какъ бы въ
противоположность буддизму, который называется *Желтою вѣрою*
(шира шаджинъ). По словамъ о. Иакинова, китайцы имену-
ютъ шаманство *тло-шено*, пласко предъ духами. Эти назнанія не
даютъ еще никакаго понятія о сущности шаманства. Въ чѣмъ
же оно состоитъ? Откуда получило свое начало? — одни объ-
 этомъ толкуютъ съиска и издалека, а другіе вовсе не зада-
вали себѣ такихъ вопросовъ. Нѣкоторыя полагали, что шаман-
ство одного начало съ брахманизмомъ и буддизмомъ; другіе на-
ходятъ въ немъ что-то общее съ учениемъ китайского фило-
софа *Лаоды*. Вообще думаютъ, что оно состоитъ только въ
служении злымъ духамъ, и въ привидѣніяхъ, и въ шарлатанствѣ
шамановъ, и въ боготвореніи умершихъ шамановъ. Наконецъ,

стремленій его къ вѣрованію, природа сильнѣй дѣйствуетъ на
младенческую человѣка: отъ того-то у монголовъ *небо*, какъ
высшій представитель силъ природы, пріобрѣло величайшее мо-
гущество надъ прочими божествами и подчинило себѣ боговъ —
представителей духа. Оно является у монголовъ верховнымъ
божествомъ, источникомъ жизни, которую земля — второе боже-
ство въ Черной вѣрѣ — только проявляетъ и поддерживаетъ;
необходимымъ слѣдствіемъ богочестія и поклоненія неба и земли было по-
читаніе солнца, луны, звездъ, нѣкоторыхъ *воздушныхъ явленій* —
горъ, рекъ и т. п.

Съ другой стороны, къ этиимъ предметамъ почитанія народа
примыкаетъ рядъ *тениговъ* или второстепенныхъ боговъ (тегри-
вэръ), которые суть представители нашихъ страстей, способно-
стей и дѣйствій; они вѣчны и произошли отъ неба, подобно душѣ,
которой явленія они изображаютъ собою. Наконецъ, темное
понятіе о бессмертіи душъ и будущей жизни произвело онію (онготъ),
которые суть не что иное, какъ обожаемыя души умер-
шихъ людей.

Вотъ въ чѣмъ замѣчается шаманство! Если его сравнить съ
миологическими системами древнихъ народовъ Азіи и Европы,
то нашлось бы, можетъ быть, замѣчательное сходство между
Черной вѣрой и другими; но сходство случайное или, лучше сказа-
ть, естественное, не зависящее отъ сближенія народовъ.

Разсмотримъ, какъ фантазія народа развивала и въ какія
формы облекала основную идею шаманства.

Небо.

Монголы, подобно многимъ другимъ народамъ, понятіе о вы-
сочайшемъ существѣ соединили съ понятіемъ о небѣ, которое
отъ того льется существомъ столько же материальномъ, сколько
духовномъ. Голубое небо, какъ обыкновенно называютъ его
монголы, дѣйствующее на воздушныхъ явленія и на производи-
тельность земли, не можетъ быть названо духовнымъ; но *очистное*
небо, какъ еще называются его тѣ же монголы, управляющее
миромъ и руководящее дѣлами человѣка, представляется суще-
ствомъ духовнымъ. Стало быть, при всемъ своемъ могуществѣ

многие почитаютъ шаманство богочестіемъ природы, или сбли-
жаютъ его съ зороастровской религіей. Нѣтъ нужды отыскивать
такъ далеко начало шаманства и стараться выводить его изъ
религиозныхъ системъ, вовсе ему чуждыхъ. Ближайшее знаком-
ство съ предметами показываетъ, что такъ называемая шаман-
ская религія, по крайней мѣрѣ у монголовъ, не могла произойти
отъ буддизма или другой какой нибудь вѣры, что она сама собою
могла возникнуть въ народѣ, и состоять не въ однихъ сувѣ-
ріяхъ и обрядахъ, основанныхъ только на шарлатанствѣ шама-
новъ. Черная вѣра монголовъ произошла изъ того же источника,
изъ котораго образовались многія древнія религиозныя системы;
внѣшній мѣрѣ — природа, внутренній мѣрѣ — духъ человѣка, и
явленія того и другаго — вотъ что было источникомъ Черной вѣры.

Такая основная идея въ религіи, повидимому, должна быть
произведеніемъ духа, вникающаго въ самого себя и наблюдаю-
щаго надъ природою, предполагать предварительное усмѣртіе,
чего нельзѣ ожидать отъnomada. Но вотъ, что говорить объ
этотъ знаменитый ученья, который лучше всѣхъ долженъ знать
дѣйствіе природы на необразованнѣе народы: то, что у нѣкото-
рыхъ лицъ, одаренныхъ замѣчательными способностями, говор-
ить А. Гумбольдтъ въ своемъ «Космосѣ», является зачаткомъ
философіи природы, разумѣніемъ созерцаніемъ, у нѣкоторыхъ наро-
довъ бываетъ произведеніемъ инстинктивной восприимчивости.
Такимъ образомъ въ глубинѣ этого тайнаго чувства возникаетъ
послѣ побужденіе къ обожанію, богочестію воспринятыхъ
естественныхъ силъ.

Если такая инстинктивная восприимчивость склоняетъ человѣка
къ богочестію природы, то подобное же неиспособное пред-
чувствіе поселяетъ въ немъ понятіе о бессмертіи душъ, о содѣ-
йствіи или противодействіи какихъ-то невидимыхъ существъ въ
дѣлахъ его. Подъ влияніемъ этой идеи, фантазія народа изо-
брѣтаетъ второстепенныхъ боговъ, и производитъ почитаніе
душъ усопшихъ. И какъ Черная вѣра не представляетъ ничего
различнаго съ брахманизмомъ или буддизмомъ, а еще менѣе
съ прочими религіями востока, то заключаемъ, что она возникла
въ народѣ, подъ влияніемъ природы и дѣятельности духа.

Изъ этихъ двухъ силъ, которыхъ руководятъ народомъ въ

небо такое, какимъ его представляли себѣ монголы, не должно
быть признаваемо тождественнымъ съ Богомъ. Между тѣмъ
ошибочное толкованіе слова *тенигы* (небо) и неосновательные
толки мусульманскихъ историковъ привели европейцевъ къ заклю-
ченію, что татары Чингисовыхъ временъ имѣли понятіе о чисто-
духовномъ, верховномъ Богѣ. «Они (татары), говорить Плано-
Карпини, вѣруютъ въ единаго Бога, котораго считаютъ творцемъ
всего видимаго и невидимаго; также вѣруютъ, что онъ есть какъ
творецъ блаженства на семъ свѣтѣ, такъ и каратель»). Гайтонъ
Армянскій говоритъ то же: «ils reconnaissent un seul Dieu-im-
mortel et invoquent son nom; mais c'est tout»¹⁾). Рубрукъ также
увѣряетъ, что татары или моналы (монголы) признаютъ единаго
Бога, но однако они дѣлаютъ идоловъ и пр. ²⁾). Мусульманскіе
историки упоминаютъ о единомъ Богѣ, которому поклонялись
монголы, и котораго почитаніе всѣмъ поставляетъ въ обязан-
ность законъ Чингиса. Все, что говорятъ эти христіане и маго-
метане о верховномъ божествѣ, которое почитаны татары, отно-
сится къ небу. Ошибка произошла отъ того, что европейцы и
мусульмане вообразили, что *тенигы* у монголовъ означаетъ
совершенно то же самое, что у нихъ значитъ Deus или Алла; отъ
этого они увѣрюются, что Чингисъ-ханъ выдалъ себѣ за сына
Бога, хотя тотъ называлъ себѣ сыномъ неба. Если бы монголы
имѣли понятіе о верховномъ существѣ, которое бы превосходило
могуществомъ неба, то они и обращались бы къ этому существу,
да бы ему особое имя.

Напротивъ, въ грамотахъ Чингисидовъ встрѣчаемъ слово
тенгри (небо), какъ название величайшаго Бога, отъ котораго
зависитъ судьба народовъ и ихъ правителей. Такъ монголь-
скіе ханы начинали свои грамоты словами: «съюю вѣчнаго неба». Европейцы или ихъ переводчики передавали эти слова такъ: *Per praeceptum Dei vivi*, или *Deo Fortitudo* или *Les commandements de Dieu éternel etc.* Въ самомъ дѣлѣ, монголы приписывали сво-

1) Его путешествіе въ Татарію. Гл. 8.

2) Hist. orientale, p. 71.

3) Его путешествіе, гл. XXVII.

ему небу такія качества, которыя легко могли ввести въ ошибку европеицъ. Въ новое время съ католическими миссионерами въ Китаѣ случилось нечто подобное этому. Понятіе китайцевъ (съ которыми монголы во многомъ сходятся) о небѣ, какъ бо-
жествѣ, тѣа близко подходить къ идеѣ Бога, что сами католи-
ческие миссионеры введенія были въ искушениіе: некоторые изъ
нихъ доказывали, что китайцы подъ именемъ тинь (неба) обо-
жаютъ истинного Бога; другіе восстали на это ученіе, убира-
ли же. Даже не должно быть первоначально на китайскомъ языке

Что касается до понятий монголов о небе, то они его представляли правителем мира, вѣчнымъ, правосудивымъ и источиномъ жизни. Не знаемъ, почему они приписывали начало міра въ первыхъ людяхъ. Изъ нѣкоторыхъ только намековъ въ молитвахъ можно заключить, что по мнѣнію монголовъ, небо и земля на-когда были сланы, соединены въ одну массу, въ родѣ хаоса. По крайней мѣрѣ, въ молитвѣ огню (см. ниже) говорится, что огнь зародился при отдѣлении неба отъ земли; въ другой рукописи (чертежъ звѣздъ и пр.) также говорится о томъ же. Это преданіе тѣмъ скрѣбъ могло существовать у монголовъ, что оно на-ходится у ихъ соцѣй, китайцевъ. Если стихія огня произошли отъ этого раздѣленія неба и земли, то монголы, по всей вѣро-ятности, полагали, что они этиимъ первородты дали начало всѣмъ вещамъ и разнообразнымъ формамъ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, монголы почитали небо мужскими, а землю женскими начальниками природы; первое даруетъ жизни, а вторая — форму предметамъ; первое въ нихъ называется отцемъ, вторая матерью. По этому небо даруетъ душу человѣку; это творческое его дѣль-ствіе означается у монголовъ словомъ **дэзая, дэз**, кото-рое обыкновенно переводится: судья. Но въ старину оно выражало понятіе отличное отъ судьбы или неумолимого рока (*fatum*); оно означало свободную волю неба, по опредѣлению кото-рой человѣкъ рождается на землѣ. Такъ Чинтсьхъ, по сло-вамъ монголовъ, родился между ними по опредѣлению (дэзага) неба или Хорумусы¹⁾; иначе говорятъ, что онъ явился по *позво-*

1) ପାତ୍ର ଏବଂ କାନ୍ଦିତ

льнію Хормусды . Стало бытъ дзаяга значить то же, что дзарлакъ, повелѣніе, изъявленіе воли.

Напримѣръ, у Санангъ-Сэцэна одна женщина проситъ себѣ дѣтей и говорить небу: (1).

Во вторыхъ, *дзяла* означаетъ самыи дары неба, *дуну* человѣка, въ томъ видѣ, какими есъ послано оно. Но обѣ эти мысли буду говорить ниже. Замѣчу только, что двоякое значеніе слова *дзяла* очень сходно съ понятіемъ китайцевъ о *мэнъ* «определение неба» и съ *сунъ* «природа человѣка». Свобода воли неба или дзяла доказывается и тѣмъ, что оно само нарушается, такъ сказать, обыкновенный законъ, по которому⁴ люди рождаются вообще. Оно иногда посыпаетъ на землю избранныго, которому назначено быть виновникомъ чего нибудь великаго; и они получаютъ свое сверхъ-естественнымъ образомъ, почему можно найти много примѣровъ въ преданіяхъ монголовъ. *Танинъ*, основатель могущественнаго племени *Синъби*, родился отъ градинки, которая упала, говорятъ, съ неба въ устья какой-то кратины⁵). Однѣхъ хань изъ дома *Хуринъ* посыпали небу двухъ своихъ дочерей, считая леди недостойными владѣть такими красавицами, каковы были онѣ; небо пришло приношеніе и послало волка къ царевнамъ, которымъ сдѣлялись родонаучальницами славнаго племени *Хойссъ* или *Уйгуровъ*. *Бодонцагъ*, родонаучальникъ Монголовъ, родился отъ сини, исходившаго отъ его мати. Эти преданія, имѣющія целью возвысить въ глазахъ народа извѣстные владѣтельныи роды, доказываютъ также заботливость неба о счастии народовъ: ибо также египетскіи обыкновенно являются яркими представителями крамоль, устройствами сильныхъ царствъ, послѣ раздробленія и упадка силъ кочующихъ народовъ. Китайцы также вѣрятъ, что небо, отъ времени до времени, посыпаетъ въ Срединное государство великихъ мужей, для того, чтобы они сдѣлялись законодателями и образцами китайскихъ добродѣтелей.

Небо, по мнению монголовъ, видитъ всѣ поступки и помыслы

1) Gesch. d. Ost-Mong. S. 180

2) Visdelou. Supplément à la Bibliothèque orientale, p. 85.

человѣка, который никогда не может укрыться отъ небесного правосудія; отъ этого монголовъ, чувствуя правоту, воскликнія: **Ч** **У** **С** **Ч** «оно! ты вѣдай (тѣ **Ч** **У** **С** **Ч** «небо! ты будь **Ч** **У** **С** **Ч** судею!»¹ Если народы, цари и даже частные люди **Ч** **У** **С** **Ч** дѣлать что либо противное благости и правосудію неба, то оно гибѣтъ свой на это обнаруживаетъ удивительными явленіями въ природѣ. Китайцы такъ объясняютъ явленіе кометы, неурожай, засухи, наводненія и другихъ подобныхъ несчастій: жители средней Азіи совершили одинакового мінѣнія съ ними: *Моган* ханъ (изъ дома Туго) долго задерживалъ китайскихъ пословъ, отпустилъ ихъ, и заключить миръ съ ними монархомъ потому, что небо продолжительно грозово извѣльло свой гнѣвъ на насъ (санскр. хана²). Въ XV столѣтіи монголы взяли въ пленъ китайского императора и осудили его на тяжкое рабство. Однажды ночью увидѣли, что изъ чашки, изъ которой пила пленница, выходило багровое сіяніе и императоръ съ честью препровожденъ былъ въ Китай; ибо, по мінѣнію народа, небо того хотѣло.

Оно, какъ источникъ добра, есть врагъ злыхъ духовъ и всего нечистаго; если ударъ грома разразился надъ жилищемъ или деревомъ, то значить, что тутъ поселился злой духъ или тутъ есть что нибудь нечистое.

Человекъ долженъ стараться сдѣлаться достойнымъ милости неба, безъ которой онъ не можетъ быть счастливымъ. Одно монгольское соченіе представляетъ Чингис-хана бесѣдующимъ съ своими братьями и полководцами о томъ, что такое счастье⁸⁾? Каждый изъ разговаривающихъ рѣшаетъ вопросъ по своему вкусу; въ заключеніе Чингисъ исчисляетъ предметы, отъ которыхъ зависитъ благо народа, и оканчиваетъ словами: «нокрови-тельство владыки земли, вѣчнаго неба — вотъ въ чёмъ состоится счастье, съ которымъ ничто не можетъ сравняться». Слова эти тѣмъ болѣе замѣчательны, что они вставлены въ уста Чингиса, который, какъ главное лицо бѣсѣды, долженъ быть разрѣзинить вопросъ самимъ лучшимъ образомъ.

1) Gesch. d. Ost-Mong. S. 146, 172, 190.

²⁾ Дегинь: *Histoire des Huns etc.* Г. I, Part. 2, p. 292.

3) См. Монгол. Хрестомат. для начинающихъ, стр. 65.

И такъ небо поставлено монголами выше всѣхъ ихъ божествъ, а второстепенные боги суть только орудія его воли, или различныи его силы, которыи оно употребляетъ для различныхъ цѣлей и которыи народъ олицетворилъ, въ видѣ особыхъ существъ.

Монголы долго поклонялись небу, какъ благородѣйшей части природы, не представляя его себѣ особымъ лицемъ и геніемъ; или безоговорочно воображали иногда духомъ, который являлся имъ въ формѣ синего неба; въ кромѣ этого послѣднаго названія, они не давали этому духу никакого собственного имени. Наконецъ иноzemное божество является у нихъ царемъ неба — *Хорムудъ*, персскій *Ормуздъ*, котораго исламъ изгналъ изъ Ирана. Многие уже замѣтили сходство изъ именъ Ормузы и Хормуды; между прочимъ г. Шимидтъ признаетъ, что это сходство не есть случайное¹⁾. Если къ сходству именъ прибавить сходство въ характерахъ и свойствахъ этихъ божествъ, то кажется несомнительнымъ, что Хормудъ есть не что иное, какъ искажено измѣненное Hormisdas. По словамъ аббата Фуше²⁾, первыи позднѣйшихъ временъ подъ именемъ Ормузы богочтвили все небо; неѣтъ сомнѣнія, что и монголы занимствовали у нихъ понятіе о Хормудѣ не въ самыи древніи времена. Стало бытъ Ормуздъ, переселся изъ своего отечества въ степи средней Азии, могъ сдѣлаться тамъ царемъ неба, безъ всякаго искаженія своего прежнаго характера. Мы не знаемъ ничего о времени, когда обитатели Монголіи получили отъ первосвященника новыи понятія о религіи. Если предположить, что Ормуздъ сдѣлялся имъ известныи въ одно время съ богочтвиемъ огни, то это случилось ранѣе VI вѣка по Р.Х.; ибо въ эту пору Земархъ уже нашелъ у хановъ Тутго обожаніе огни.

Съ другой стороны нельзя сомневаться, что у монголов Хормусда и Небо были выражениями одной и той же идеи. Буддисты, переводя санскритик и тибетскіи книги на монгольский язык, *Инду*, индійскаго Юпитера, переименовали по монгольски Хормусдово. Къ тому же Чингис - хант. называется то

1) Forschungen и пр., стр. 148.

2) Kleuker: Anhang zum Zend-Awesta 11. 18 s. 185.

сыномъ неба, то сыномъ Хормуды, что ясно доказываетъ тождество этихъ названий. Напримеръ, въ лѣтописи Синанъ-Сэндана (стр. 107) Чингисъ называнъ «львомъ людей, небожителямъ, которыи явился (между Монголами) по волѣ голубя и вѣчного неба» (Чингисъ, лѣтопись Синанъ-Сэндана); въ другихъ мѣстахъ той же лѣтописи онъ называется сыномъ Хормуды (Чингисъ, лѣтопись Синанъ-Сэндана). При томъ титулъ Чингисъ — ханомъ, дол жень соотвѣтствоватъ китайскому Тянь-дзы; слѣдовательно тутъ не значитъ не гений, а небо, какъ китайское тянь. Чингисъ называетъ себя сыномъ неба, чтобы сравниться съ китайскими императорами, и въ то же время старается подражать Хормуду; напримеръ, у Хормуды было девять геніевъ, ему подвластныхъ; у Чингиса — девять воеводъ на знамени его девять бунчуговъ.

Далѣе кажется, что монгольскій завоеватель принялъ имя
одного генія, почитавшагося сыномъ неба.

Въ первой изъ приведенныхъ многою рукописей упоминается геній Хаджир Чингисъ Тенгри (Хаджир Чингисъ Тенгри), одинъ изъ духовъ—сыновъ неба; его-то имя звать своимъ титломъ, по моему мнѣнію. Такое объясненіе эпитета Чингисъ болѣе достойно вѣроятнаго потому, что подтверждается обстоятельствами изъ жизни этого завоевателя. Мусульманскіе историки рассказываютъ, что энтигэ этотъ даны были Темучину однимъ шаманомъ, который обильнялъ молодому хану, что Богъ даетъ ему во владѣніе всю землю и повелѣваетъ ему называться Чиниссомъ. «По повелѣнію Бога, прибавилъ онъ, именъ твоего должно быть такое». Шаманъ зналъ, какъ видно, значение этого имени; его званіе давало ему право убѣдить народъ въ божественности происхожденія молодаго хана. Есть поводъ думать даже, что Бююкъ-тенгри (имя этого шамана) всенародно приписывалъ новому хану таковъ высокое происхожденіе по желанію самого же хана, которому онъ былъ родственникъ. Въ послѣдній разъ времена шаманъ этотъ не сталъ оказывать Чингису помощь въ начальномъ поченіи, можетъ быть потому, что почиталъ хана обиженнаго.

нымъ себѣ, или притомъ не умѣть сохранить тайну. Иначе нельзѧ объяснить, почему Чингисъ-хань вѣльзъ его умертвить, когда онъ не сдѣлалъ, повидимому, никого преступления: мусульманские историки говорятъ, что причиной его смерти было его честолюбие, что онъ стремился къ верховной власти — дѣло невозможное при Чингисъ-ханѣ. Решить удавитъ разрѣзыватъ это происшествіе какъ-то не ясно. Онъ говоритъ¹⁾, что Бота-тэнгри говорилъ съ ханомъ въ многихъ вещахъ слишкомъ открыто, что за послѣдній и вѣльзъ своему брату Джучи умертвить его: Чингисъ какъ будто опасался постороннему поручить казнь шамана, который передъ смертью могъ обывать тайну. Даѣшъ, геній Чингисъ носить привѣтственное имя *Хаджиръ* (большая и сильная птица изъ рода коршуновъ); слѣдовательно, эта птица была его символомъ. Съ этимъ обстоятельствомъ имѣеть связь одно мѣсто изъ надписи на кондуктѣ скамьи памятникъ, поставленномъ Чингисъ послѣ побѣды надъ своими врагами. Въ надписи между прочимъ сказано, что Чингисъ уничтожилъ какихъ-то злѣй (название злойчайшей птицы; по повѣрью монголовъ подъ видомъ ея, являлись злые духи). Слѣдовательно это темное мѣсто надписи хочеть представить Чингисъ-хана птицей хаджиръ, символомъ доброго генія Чингиса; а враговъ въ видѣ злѣй, символомъ злыхъ духовъ, т. е. надпись хочеть сказать, что Хаджиръ Чингисъ восторжествовалъ надъ злѣй — врагами Темучина, ханами разныхъ ордъ. И такъ если допустить, что Темучинъ принялъ титулъ Чингиса, какъ название бога, сына неба, какимъ онъ выдавалъ самъ себѣ, то оказывается, что этотъ титулъ былъ слѣдствіемъ политическихъ намѣреній, а не одного тщеславія.

Небесные тела и воздушные явления.

Боготвореніе ихъ было слѣдствіемъ почитанія неба и первое возникло въ одно время съ послѣднімъ. Такимъ образомъ уже первыя достовѣрныя извѣстія истории о монголахъ представляю-
ють ихъ почитающими *солнце* и *луну*.

По китайскимъ лѣтописямъ, ханы хунскіе задолго до хри-

1) Ученые Записки, изд. Каз. унив. 1841. IV, стр. 97 и слѣд.

стянской эры имѣли обычай выходить ежедневно утромъ для поклоненій солнцу, а вечеромъ лунѣ⁴). Почитаніе ихъ сохранилось и во времена Чингисидовъ, какъ видно изъ путешествія Пи, Карпинскаго⁵). Онъ же разсказываетъ: «называятъ (татары) луну, потому что она заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца⁶». Это одно изъ тѣхъ известий нашего путешественника, которымъ не знаемъ, какъ объяснялся. Едва-ли когда нибудьnomадъ любопытствовалъ знать, откуда луна получаетъ свой свѣтъ.

Незвестно, какую власть, какое влияние приписывали монголы, обращаясь къ солнцу, какъ божеству. Впрочемъ, влияние этого събты на природу такъ разительно, что оно у всѣхъ народовъ занимало высокое мѣсто между предметами ихъ почитаній. Безъ сомнія, монголы къ боготворенію солнца прислали тѣмъ же путемъ, какъ и другіе народы. Странно, что въ молитвахъ, въ коихъ призываются всѣ божества, не упоминается ни солнце, ни луна. Постепенно монголы почитали, какъ указательницу времени, и признавали ея влияніе на дѣла людей: монголы, подобно спартанцамъ, выступали въ походѣ, или вачинили другой важный дѣлъ, не иначе, какъ въ полуночіе или полдніе⁴). Такъ же обычаи соблюдались у Туту⁵).

Звезды также были обожаемы народомъ, который имъ присыпалъ власть доставлять человѣку здоровье и долголѣтие, увеличивать его богатство, умократъ стада и пр. Монголы особенно уважали созвѣздіе Семи старцевъ т. е. Большой Медведицѣ, которой были приносины: въ жертву кумысъ и молоко и посвящаемы животными. Не менѣе были почитаемы девять большихъ звѣздъ, которыхъ соотвѣтствовали девяти тенгриямъ. Отиѣ вмѣли на людей одинаковое же вліяніе, какъ и семи старцевъ.

Многія воздушныя явленія были олицетворены монголами.

Изъ этихъ боговъ упомянемъ: бога молний **الله**, бога имен
الله и наконецъ дракона **الله**.

Понятіе о послѣднемъ монголы, безъ сомнѣній, заимствовали у китайцевъ: самое название *лу* (кит. лунг, драконъ) доказываетъ это. Драконъ, гербъ китайской имперіи, почитается символомъ императорской власти, мудрости и силы, а иногда и женской силы природы (инь). Это баснословное животное обитаетъ, по мнѣнию китайцевъ, то въ воздухѣ, то въ водѣ; онъ покрытъ чешуей, какъ рыба, и одаренъ крыльями, какъ птица; но всѣмъ тѣломъ онъ походитъ, по изображеніямъ китайцевъ, на крокодила.

Монголы представляли себѣ дракона такими же, только изъ мѣнили его качества, потому что они не придавали ему никакого символического значенія. По ихъ мнѣнію, драконъ производитъ грозу; громъ есть его голосъ, молнія онъ производить, быстро свиная въ развившій свой хвостъ; онъ иногда исходитъ на землю, или держится на воздухѣ такъ близко, что человѣкъ можетъ усмотрѣть его. Всѣ эти повѣрья о драконѣ, которыя слышать и передавать намъ въ своей лѣтописи Решидъ-уддинъ, досега сохраняются между народомъ. Персидскій историкъ сообщаетъ, что монголы очень боялись грома; страшились проливать на землю молоко, кумысъ или вино, чтобы громъ не разразился надъ ихъ жилищемъ или стадами; ибо у кочевыхъ народовъ произведенія скотоводства весьма уважаются, какъ дары божества, которое можетъ прогнаться, ежели люди будутъ напирать ногами эти дары. Такими образомъ драконъ почтился орудиемъ гибели небесъ и быть уважаемъ наравнѣ съ другими второстепенными геніями. Неизвѣстно почему поколѣніе Урнанхъ или Урнанхайей одно пользовалось, какъ видно изъ Решидъ-уддина, инынѣ пользуется удивительной привилегіей—а именно, Урнанхайиѣ вѣрятъ, что громъ не можетъ поразить ихъ самихъ или ихъ стадо; они даже кричатъ, если начнется громъ, въ надеждѣ заставить умолкнуть дракона! Если бы Урнанхайцы были греческими поколѣніемъ, то ихъ почты бы за потомковъ тѣхъ титановъ, которые возставали противъ громоносного отца

боговъ. По принятіи буддизма монголы именемъ *лу* стали называть индѣйскихъ наговъ (змѣй).

Земля.

Выше было сказано, въ какомъ отношеніи земля, какъ сила природы и божество, находится къ небу, по мифологии монголовъ. Они начали поклоняться богинѣ Этугэнѣ съ незаламанныхъ временъ, вѣроятно въ одно время какъ стали небу приписывать качества божества. По китайскимъ лѣтописямъ, Хуну и Тутю приносили жертвы землѣ. Изъ записокъ европейскихъ путешественниковъ видно, что сѣ воздавали божескія почеты монголы во времена Чингисовой монархіи и что они ее почитали однимъ изъ главныхъ божествъ. То, что обѣ этомъ сообщаютъ намъ Плано Карпини, Иоаннъ Мандевильский и Марко Поло, весьма неясно и запутанно. Первый, между прочими толками о вѣрѣ татаръ, разсказываетъ, что они чрезъ чаордѣевъ вопрошаютъ чергѣй и, получая отъ нихъ отвѣты, думаютъ, что это съ ними говорятъ Богъ, «и сего Бога, продолжаетъ Пл. Карпини, называютъ *Итогою* (*Itoga, Ithoga*), а Команы (турецкіе народы) *Хамомъ*, т. е. великимъ императоромъ». Этой Итоги есть не что иное, какъ Итугэнъ или Этугэнъ — богиня земли у монголовъ, тѣмъ болѣе, что кроме ея не было у нихъ никакого божества, котораго название походило бы на Итогу у нашего путешественника. Но въ приведенныхъ выше словахъ странно то, что богъ Итога покомански назывался Хамомъ, т. е. шаманомъ, (а не великимъ императоромъ, какъ увѣряетъ Плано Карпини, смѣшивая слова хамъ или камъ и хант.). Путешественникъ, не зналъ ни монгольского, ни татарскаго языка, безпрестанно смѣшилъ тѣ слова, монгольский или татарскій, которыхъ звуки сходны между собою. Подобное же обстоятельство и было причиной того, что у него богъ Итога зовется по турецки шаманомъ. Шамана монголы называютъ *буз*, шаманку *уданка* и *иданка*. Послѣднее название звучитъ такъ похоже на Итугэнъ (т. е. богиню земли), что Плано Карпини счелъ ихъ за одно и тоже; а когда ему сообщили, что идоганъ покомански называется хамъ, то онъ затвердилъ или записалъ, что монгольский богъ Итога покомански называется Хамъ; ибо онъ вовсе

не полагалъ, что хамъ означаетъ шамана, а не императора, и что между Итога (Этугэнъ) и идоганъ есть какая нибудь разница. По его словамъ, монголы боялись этого божества, почитали его и приносили ему жертвы.

Иоаннъ Мандевильский также упоминаетъ обѣ эти божества: «хотя весь народъ (монгольский) язычникъ, однако, говорить онъ, императоръ и вельможи почитаютъ всемогущаго бога и клинутся имъ, и называютъ его Ирога (Угода, безъ сомнѣнія тоже, что Итога у Плана Карпини), т. е. богомъ природы¹⁾». У монголовъ не было мифологическаго лица, которое бы носило имя Ирога или подобное тому. По этому вѣтъ сомнѣній, что путешественникъ здесь говорить обѣ Этугэнѣ; тѣмъ болѣе, что Dieu de la nature соответствуетъ почти слово въ слово монгольскому *владыка, богъ свѣта, мира, природы, другому называемому Этугэнъ*. Авторъ несправедливо замѣчаетъ, что хамъ и князья у монголовъ своимъ религиозными понятіями отличались отъ простаго народа; это увѣреніе путешественника не подтверждается никакимъ другимъ писателемъ. Могло быть, что aristocratia монгольская не была столь суевѣрна, какъ чернь, что первая не столько боялась духовъ и шамановъ, какъ послѣдняя; но не более того.

Иоаннъ Мандевильский своего Ирогу, т. е. богиню земли считаетъ высочайшимъ божествомъ монголовъ, тогда какъ мы уже знаемъ, что выше ей были еще небо. Марко Поло также увѣряетъ, что главный предметъ почитанія монголовъ былъ *Namisai* (*Natigai*, можетъ быть испорченное Итога), богъ земли²⁾. Это показываетъ только то, что земля действительно была однимъ изъ главныхъ божествъ монголовъ. Ей приносили въ жертву молоко, кумысъ и чай; умоляли ее о плодородіи почвы и другихъ предметахъ, составляющихъ материальное счастье человѣка. Главнымъ качествомъ богини Этугэнъ считается *производительность*, которая является въ ней отъ влиянія неба; поэтому ее почитали источникомъ сокровищъ и называли ее *золотою* *Иногда*, вмѣсто одной богини Этугэнъ, насчитывали

1) См. у Бержерона: *Voyage et Observations etc.* p. 22
2) Voyage: L. I. ср. LVIII, и L. III. ср. XLVII.

семьдесятъ семь — число совершенно произвольное и составленное по примеру *девяносто девяти геніевъ неба*.

Горы и рѣки и прочія части земли или духи, которые ими владѣются, пользуются почитаніемъ монголовъ, вслѣдствіе богочтвиенія цѣлаго. Эти священные мѣста у монголовъ могутъ быть разделены на общія и частные.

Подъ именемъ частныхъ надобно разумѣть такъ называемыя *обо*, которыми устраивали каждое поклоніе въ своемъ владѣніи. Сооруженіе обо и жертвоприношеніе при нихъ дѣлались встаниции довольно просто. Шаманъ обявлялъ, что духи, покровители околодка, избрали мѣстомъ своего пребыванія такой-то холмъ или гору. На этомъ мѣстѣ дѣлали небольшую насыпь изъ земли и каменьевъ съ нѣкоторыми обрядами, и обо было готово. Это было нѣкотораго рода храмы, где жители приносили свои жертвы богамъ своей страны. Обо дѣлали большую часть при дорогахъ для того, чтобы всякий проѣзжающій могъ положить на него какуюнибудь вещь, напримѣръ: волосъ изъ гривы коня, какъ жертву Богу, пребывающему въ обо, чтобы снискать его покровительство въ предстоящемъ путешествіи. Въ извѣстное время года жители дѣлали при обо торжественное жертвоприношеніе.

По принятіи буддизма обо сохранились подобно многимъ другимъ религиознымъ обычаямъ народа, хотя они и подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ. Распространеніе новыхъ религиозныхъ понятій не могло уничтожить жертвоприношеній при обо, ибо это было родъ народныхъ праздниковъ, о которыхъ жители соѣдѣнія были больше всего. Лучше казалось дать обо нѣкоторое буддийское значеніе, нежели допустить, чтобы народъ оставался при шаманскихъ обрядахъ. Въ слѣдствіе такого расчета, лама Ваджрадара Мэргянъ Дзянгъ составилъ двѣ книжки: «обряды и молитвы, читаемыя при обояхъ и «о сооруженіи обо»¹⁾. Сочинитель

1) *Джанга* и *Джанга* и пр.; *Джанга* и *Джанга*; помѣщены изъ 4-мѣсячнаго тома его сочинений.

говорить, что есть одна старинная монгольская рукопись обѣ обо, но что она уже не повинна для буддистовъ, и потому рѣшился онъ составить новый обрядникъ на основаніи этой рукописи. «Хотя составленіе такихъ книгъ, говоритъ авторъ, само по себѣ не только постыдно (ибо времена ихъ уже прошло), даже непрѣятно для мудрыхъ; однако не возможно противиться желанию устроивать обо и пр.». Авторъ ничего не говоритъ о томъ, съ какими обрядами сопряженъ быть этотъ обычай въ древности, только замѣчаетъ мимоходомъ, что онъ существуетъ съ древнѣйшихъ временъ. Впрочемъ слѣдующій его слова показываютъ, что при шаманахъ надъ обо приносимы были кровавыя жертвы: «къ чему послужить, говорить онъ, тѣ нечистыи и грѣшныи жертвоприношенія, кои состоятъ въ побѣденіи безвредныхъ быковъ, барановъ и козловъ, подъ видомъ жертвъ, но собственно лишь для пирорванія и насыщенія народа; къ чему изъ нихъ¹⁾ сердце, лить ихъ кровь, разѣживать ихъ самъ кусками и обиватъ (обо) полосами мокрой кожи?»

Вотъ какъ должно быть устроено и освящено обо, по новымъ руководствамъ, составленнымъ Ваджрадаромъ.

Оно воздвигается, какъ мѣстопребываніе геніевъ и драконовъ земли и воды, которые покровительствуютъ жителямъ мѣста, и какъ мѣсто тѣхъ жертвоприношеній, которымъ совершаются въ чести этихъ существъ.

Мѣсто для обо выбирается пріятное по своему положенію, величественное, возвышенное, гористое, обильное травами и водою.

На избранномъ возвышеніи отмѣряется кругъ извѣстной величины; тутъ изъ земли и каменьевъ дѣлаются насыпи, въ которую кладутъ вещи: пашцы, шлемъ, оружія и пласти, всякия кушаны, посуду, шелковыя ткани и лекарственные вещества; по бокамъ должны быть также разнаго рода украшениія; на насыпь садятъ деревья или ставятъ изображенія птицъ гаруды; или, согласно съ древними обычаями, втыкаютъ въ нее лукъ, стрѣлы, конѣ и мечъ. Обо должно состоять изъ многихъ такихъ сюжетъ, и въ каждомъ слобъ свой привадлежности и украшениія: изображенія множества звѣрей, птицъ; камни и листы, съ надписанными на нихъ молитвами. Вокругъ большой насыпи дѣ-

1) Тутъ кажется пропущено слово: вырывать. Ред.

ляются еще двадцать малых, такъ что всѣ тридцать обо представляютъ весь міръ, какъ его изображаютъ будисты, т. е. средня насыпь соотвѣтствуетъ горѣ Сумуру, а прочія малыя — 12-ти динамамъ или частямъ міра.

Что касается до освященій обо и обрядовъ, совершаемыхъ при этомъ случаѣ, то они проходятъ со всѣми принадлежностями будийскаго богослуженія. Обрядникъ предписываетъ читать такъ много молитвъ, и приносить столы разнообразныи жертвы, что описать ихъ трудно. Кровавыи жертвы запрещены, и вмѣсто нихъ употребляются плоды, молоко, вино, сыръ и т. п. Съ молитвами и жертвами велико обращаться не къ однѣмъ мѣстнымъ божествамъ, называемымъ и , т. е. богамъ обо, но къ генію — всѣхъ странъ, чѣмъ либо важныхъ для будистовъ, каковы: Ма гада, Будала, Удина, Шамбала, Гридаракута, Тибетъ вообще, и, наконецъ, всѣ страны монгольскія. Во времена службы при обѣахъ рашнѣнгъ, т. е. святой водѣ, которую окропляютъ стада.

Авторъ, наконецъ, изображаетъ важность обо, какъ, сказано, по старинной рукописи (о которой упомянуто выше). Счастіе въ настонющей жизни, благоденствіе народа, умноженіе стадъ, увеличеніе богатствъ, удаление злыхъ духовъ, отвращеніе болѣзней — вотъ благодѣтельныи слѣдствія обо и жертвоприношеній его генію.

По окончаніи священныхъ обрядовъ при обо начинаются увеселенія: скачка, борьба и пиршество, согласно древнимъ обычаямъ народа.

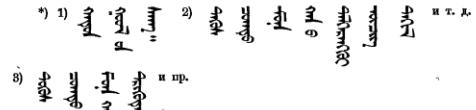
Общія священные горы и реки монголовъ суть тѣ, которыми воздаются почетные не одни какимъ нибудь поколѣніемъ, но всѣми монгольскими племенами. Почтеніе къ этимъ горамъ и рекамъ возникло въ древнійшій времена и поддерживается воспоминаниями народа. Хотя племя монголовъ размежевалось и разселилось по пространству всей нынѣшней Монголіи, все-таки оно не могло забыть священныхъ мѣстъ своего первобытного отечества. Такимъ образомъ почитаніе извѣстныхъ горъ и рекъ сохранилось у поколѣній, даже далеко отошедшихъ отъ нихъ, и сдѣлалось общимъ для всѣхъ монголовъ.

Одна рукопись предписываетъ дѣлать возленіе изъ кумыса

следующимъ горамъ и рекамъ: *Бурхан-халдану* ( ) знаменитой горѣ въ сѣверной Монголіи; около этой горы кочевали предки Чингіс-хана; *Гянгай-хану* ( ) лежащей недалеко отъ предыдущей; *Хамай-хану* ( ) которая лежитъ также въ сѣверной Монголіи; Муванджану , кажется, въ юго-западной части Монголіи и Дэлгэту-хану ( ) и другимъ, которыхъ гео гравическое по ложеніе неизвѣстно. Такую же часть велико воздавать следующимъ рекамъ, которая протекаютъ по сѣверной Монголіи: Селенгѣ, Онону, Карадуну и другимъ, которая неизвѣстны географически. Замѣчательно, что всѣ горы, которые здесь упоминаются, носятъ эпитетъ хана, т. е. царя горъ. Всѣ почти эти горы и реки находятся въ сѣверной Монголіи или Халхѣ, где живутъ истинные представители монгольского народа. Въ самомъ дѣлѣ, исторія показываетъ, что эта часть средней Азіи была древнійшимъ отечествомъ и всегдашнимъ пріютомъ монголовъ; они переходили на югъ только при важныхъ политическихъ переворотахъ.

Изъ горъ и рекъ южной Монголіи только гора *Мона-ханъ* (вѣроятно та, которая выше названа *Музы-ханъ*) и *Желтая река* почтятся священными. Въ сочиненіяхъ Ваджрадары помѣщены три небольшіи книги *), относительно жертвоприношеній имъ. Сочинитель приписываетъ большое могущество гению горы *Мона-ханъ* и представляетъ его покровителемъ будизма. Г. Шиндль полагаетъ, что около этой горы похороненъ Чингіс-ханъ; можетъ быть подъ геніемъ ся надобно разумѣть духъ этого завоевателя.

Нѣкоторые изъ монголовъ молились *Манихану* , богу лѣсовъ и зебрійной ловли. Народныи погѣры предъ ставляютъ его человѣкомъ огромнаго роста. Онъ владѣеть не только

лѣсами, но и животными, обитающими въ нихъ. Такимъ образомъ монголы всю землю окидали мѣбожествомъ геніевъ; во всякомъ предметѣ на землѣ они предполагали существование особаго духа. По словамъ одной молитвы, геній находится въ горахъ, водахъ, деревьяхъ, вѣтре, камняхъ. Но изъ этого не надобно заключать, что вѣра древнихъ монголовъ заключалась въ фетишизмѣ; они не оказывали никакого почтенія къ предметамъ, въ которыхъ поселяли духовъ; обожать генія, владѣющаго предметомъ, и обожать самыи предметъ не одно и то же.

Огонь.

Почтитіе огня, свойственное многимъ народамъ древнаго мира, началось въ средній Азіи въ отдаленной древности. Византийцы говорятъ, что алтайскіе турки (Тугю китайскихъ историковъ, смѣсь монгольскихъ и турецкихъ племенъ) боготворили огонь¹⁾. Земархъ, єздившій къ нимъ посломъ отъ византійскаго двора, долженъ былъ подвергнуться очищенню огнемъ. Извѣстно, что монголы, въ средніе вѣка, строго соблюдали этотъ обычай.

Нѣтъ сомнѣй, что боготвореніе огня перенесено въ Монголію изъ Персіи. Оно сначала проникло оттуда къ турецкимъ племенамъ, которымъ кочевали на сѣверо-восточныхъ границахъ персидской монархіи²⁾, и чрезъ посредство этихъ народовъ перешло къ монголамъ. Богиня огня у монголовъ носитъ турецкое название *Утг* или *Отг* , т. е. огонь. Къ этому имени монголы привыкли звать эпитетъ *Галайхана*, царичъ огня (   ).

Почтеніе къ огню у персовъ проистекало отъ основной идеи Зороастрова ученія. Они принимали нѣкоторый *первоначальный огонь*, который служилъ Ормузу средствомъ соединенія съ безграничнымъ временемъ, и изъ которого этотъ богъ создалъ всѣ чистыи существа. Первоначальный огонь, по учению Зендъ-Авесты, есть источникъ жизни и оживляетъ всѣ твари; онъ —

1) Memor. populorum etc., t. III, p. 70.

2) Говорятъ, киргизы и иныи приносятъ жертвы огню.

душа человѣка, источникъ его энергіи и душевныхъ способностей. Видимый огонь персы считали какъ изображеніе невидимаго, первобытнаго огня; они считали его проявленіемъ духа и силы Бога и символомъ его, и вѣрили, что огонь имѣеть силу доставлять человѣку знаніе будущаго, даръ слова, пищу, дѣтей³⁾. Сверхъ того огонь, по своему происхожденію отъ божества, почитаемъ былъ персами источникомъ физической и нравственной чистоты.

Эти понятія, перенесши въ Монголію, изказались значительно. У персовъ *Изедъ-Адеръ* (богъ огня) былъ богъ, а у монголовъ Утъ называется матерью () съдовательно считалась богинею. Почтеніе къ огню у монголовъ не могло имѣть такой важности, какъ у персовъ, потому что оно съ коренными религиозными понятіями монголовъ не было тѣсно соединено, какъ въ Персіи. Богиня Утъ почиталась подательницей счастія и богатства, но отличительное свойство ея — чистота, могущество очищать, сообщать свою чистоту. Въ этомъ монголы сходятся съ персами. Въ качествѣ очистителя огонь считался покровителемъ каждого дома, а очагъ () гдѣ его разводятъ — накимъ-то свитлицацемъ. Домъ безъ () огня не можетъ быть достойнымъ жильства человѣка; ого же, разведеній въ домѣ, очищаетъ его, какъ бы освящаетъ его. Такимъ образомъ богиня Утъ есть нѣкотораго рода хозяйка дома: кто хочетъ вступить въ члены семейства, живущаго въ извѣстномъ домѣ, долженъ прежде поклониться ей, какъ бы просилъ у нея позволеній на это и поручая себя ея покровительству. Потому-то у монголовъ есть обычай, что женщины и девицы въ день свадьбы совершаютъ поклоненіе передъ огнемъ, приносить ему жертвы, что у нихъ заступаетъ място вѣнчанія. Почтата огнямъ источникомъ и символомъ чистоты, монголы оказывали къ нему большое уваженіе, и старались держать его въ чистотѣ; они не бросали въ него вещества, отъ которыхъ происходилъ дурной запахъ, или которыхъ ослабляли его силу въ блескѣ; почитали грѣхомъ лить на него воду, плескать и т. д. И жертвы, огню приносимыи, должны усиливать пламя, какъ-то: вино, масло, жиръ. Кроме того огнь оказывали такое же поченіе, какъ изображеніемъ

3) Зенда-Авеста, т. I, стр. 147.

других божеств; запрещалось шагать через него, замахиваться на него острым оружием. Плано Карини утверждает, что монголы считали грехом рубить топором чю что нибудь близ огня, вынимать кожем я из котла, подъ которым горить огонь, и вытикат ожог в него¹). Многие болезни, особенно наружные, и покаруя почитались следствием гнева Ут.

Къ огню, какъ къ очистителю, монголы прибѣгали очень часто. Способъ очищеннія состоялъ въ томъ, что животное и вещь, которую надо очищать, проводили или проносили между двухъ огней, или держали ее надъ костромъ, или окуривали. Слuchaевъ къ такому очищению было очень много. Напримеръ, если кто нибудь умретъ, то къ огню, где лежала покойница, очищали огнемъ, и вещи, которыми тамъ находились, проносили между двухъ костровъ, если громомъ убить животное или человека близости огня, тогда шаманъ съ особенными церемониями очищалъ ее огнемъ²) и т. п. Изъбыточно, что у монголовъ иноземные послы проходили между двумя огнями, если хотели явиться къ хану, ибо посагали, что огонь отнимаетъ у человѣка возможность совершаючи что нибудь злое; а послы, какъ полагали тогда монголы, могли прийти къ хану съ преступными намѣреніями. Многіе изъ этихъ обычаявъ еще доселе сохраняются въ народѣ монгольскомъ.

Жертвоприношения были огнь ежедневно, каждый разъ, какъ хозяева дома начинали Ѣсть что нибудь. Сверхъ того торжественное дѣло было ему жертвоприношени въ годъ одинъ разъ. Но мы не знаемъ, какъ они происходили по шаманскому закону, потому что никуда не пѣть описание этого. Рукопись подъ заглавиемъ: «Книга о жертвоприношении богу огни» (упомянутая выше) содержитъ описание нового обряда, составленного буддистами; въ ней такая смѣсь старого съ новымъ, шаманского съ буддийскимъ, что изъ нее трудно составить себѣ понятіе о древнемъ обрядѣ жертвоприношения огня.

Гораздо любопытнѣе другая рукопись «молитва огню», въ которой старое, подлинное рѣзко отличается отъ нового, под-

1) Путешествіе къ татарамъ, стр. 89.
2) Тамъ-же, гл. 3.

Тенгри или второстепенные боги.

Слово *тенгри* въ обширномъ смыслѣ означало (у древнихъ монголовъ) небо, и вообще всякое божество; въ тѣсномъ смыслѣ оно было нарицательнымъ именемъ тѣхъ божествъ, въ которыхъ народъ олицетворялъ небесныя явленія или способности и страсти человѣческой души. Тенгри вѣчны, духовны и обитаютъ на небѣ. Къ этому же разряду боговъ надо отнести злыя духовъ.

Подробное описание всѣхъ тенгрий составило бы очень изобилітную статью, потому что въ ней всѣ страсти народа явились бы въ лицахъ. Но я принужденъ ограничиться упоминаниемъ только главныхъ генеръ.

Для человѣка, который ведеть кочевую жизнь, подверженную всѣмъ опасностямъ со стороны людей, звѣрей и самой природы, мужество есть важнейшая добродѣтель, безъ которой народъ нельзя обойтись, потому что онъ принужденъ воевать то съ людьми, то съ животными; онъ предоставляетъ самъ себѣ, у него неѣти ни крѣпкихъ стѣнъ, ни особенного, постоянного войска, подъ прикрытиемъ которыхъ могъ бы онъ жить спокойно. Поэтому легко понять, отъ чего богъ *храбрости* занимаетъ почетное мѣсто на монгольскомъ Олимпѣ. Народный гимнъ изображаетъ его могучимъ и важнымъ для людей всѣхъ разборовъ, называетъ его хранителемъ царей, онгономъ (покровителемъ) простолюдиновъ, главою храбрыхъ и источникомъ сокровищъ богатыхъ¹).

Авторъ гимна изображаетъ его начальникомъ небесныхъ войскъ, вооруженнымъ мечемъ и столь сильнымъ, что онъ скалы превращаетъ въ равнины. Этотъ Богатырь Тенгри вселяетъ му-жество въ воиновъ, но не участвуетъ въ войнѣ.

Во время походовъ монголы молились другому божеству, а именно *Дачинин-тенгри* (богу воинства). Они иногда приносили ему въ жертву пѣнныхъ людей, какъ видно изъ одной поэмы²). Побѣду приписывали третьему божеству

дѣльного. Она содержитъ въ себѣ молитву, которую читаютъ во время свадебъ, когда молодые поклоняются огню, въ юргѣ родителямъ жениха. Молитва или гимнъ этого не представляетъ никакого сходства съ тѣми, которые въ Зендъ-Авестѣ обращены къ огню. Повтореніе одной и той же мысли на несколько языковъ, простота мыслей и выражений доказываютъ, что она народное произведение. Молитва эта такъ оригинальна, что при первомъ чтеніи замѣчаемъ то, что будисты къ ней привыкли. Привыкну ее здѣсь, какъ образчикъ религиозной поэзіи монголовъ:

Матерь Утъ, царица огня, сотворенная изъ дерева ильма, растущаго на вершинахъ (горы) Хангай-хана и Бурхату-хана! Ты, которая зародилась при отдѣлѣніи неба отъ земли, произошла отъ стопы матери Этугэнъ и создана царемъ тенгриевъ! Матерь Утъ, кой отецъ—твѣрдая сталь; мать—кремень, предки—ильмовые деревья; — которой блескъ достигаетъ до неба и проникаетъ сквозь землю! — Огнь, высокий небожитель (Чингисъ) и разведеній царицею Улукэнъ (матерью Чингиса)! Богиня Утъ, которой приносимъ въ жертву желтое масло и блѣдаго барана, имѣющаго желтую голову! — у которой бодрый сынъ, прекрасная невѣста и стройная dochь! Тебѣ, матерь Утъ, всегда взирающая въверхъ, приносимъ въ жертву вино чашами и жиръ приоригинами! Даруй благополучіе царевичу (жениху) и царевичъ (невѣстѣ) и всему народу! Поклонимся!

Это только начало молитвы; далѣе повторяются тѣ же воскликанія, съ небольшими перемѣнами.

Надобно полагать, что не одни Хормузы и Утъ перешли изъ Ирана къ предѣламъ Гоби. При лучшемъ знакомствѣ съ шаманствомъ монголовъ найдется въ немъ, можетъ быть, много сходнаго съ учениемъ Зороастра. Такъ напримеръ, монголы вѣмѣтъ съ Ормузомъ должны были познакомиться и съ Арамономъ, известныемъ уже между турецкими племенами подъ именемъ *Шайтана*, въ которомъ узнаемъ *шетана* (обманщикъ, лукавый), эпитетъ бога зла, употребляемый въ Зендъ-Авестѣ. Нынѣ этимъ именемъ магометанскіе татары называютъ дьявола, а языческие — злыя духовъ. Между тѣмъ въ монгольской мифологии нельзѧ отыскать Арамона или божества похожаго на него. Можетъ быть, онъ известенъ у монголовъ подъ именемъ Эрликъ-хана, бога смерти.

Кисаганъ-тенгри . Покровительствуемый имъ воинъ, по словамъ рукописи, «убийца непрѣятеля, снимаешьъ съ него окровавленное плащъ, вѣщаешь его на сѣло, по правую сторону своего коня, а непрѣятельского коня ведеть за собою съ лѣвой стороны (въ знакъ побѣды надъ владѣтелемъ лошади). На пути Кисаганъ-тенгри не оставляетъ побѣдителя, конь его не даетъ спотыкаться, въ опасныхъ мѣстахъ бережетъ воина, въ тѣсныхъ мѣстахъ доставляетъ ему свободный проѣздъ».

Эти три тенгри изображаютъ собою одну изъ главныхъ стихій жизни монголовъ — войну; другая стихія ея — скотоводство. Сѣдоватоѣ и бѣгъ этого промысла должны быть почитаемы столько же, сколько воинственные тенгри, о которыхъ сейчасъ говорено. Богъ, покровитель стада и имущества, назывался *Дзяячи*, который является въ двухъ видахъ.

І. *Дзяячи-дзяячи*, т. е. Счастіе-Дзяячи. Хотя онъ въ самомъ дѣлѣ почитается виновникомъ счастія, однако между нимъ и фортуной древнихъ есть большая разница: фортuna благопріятствуетъ человѣку случайно, по прихоти, и рѣдко не измѣняетъ; напротивъ Дзяячи не оставляетъ своего клиента до тѣхъ поръ, пока это не велитъ правосудіе неба: онъ бѣгъ счастія разумнаго, а не случайнаго, сѣдаго, какъ фортuna. Сѣдоватоѣ, Дзяячи есть разумная, чистая, дѣвственная природа человѣка, которого она всегда старается отвлечь отъ всего дурнаго, противнаго природѣ; которого защищаетъ отъ покушеній злыя людей и духовъ. Это заключеніе подтверждается тѣмъ, что, по мнѣнію китайскихъ философовъ, человѣческая природа сама по себѣ добра и не содержитъ въ себѣ сѣмнадцати зла, которое прилагается къ ней со временемъ, въ слѣдствіе выѣзжихъ причинъ. Иравственно-философское вѣрованіе китайцевъ легко могло быть одицетворено монголами, не столь положительными и образованными, какъ послѣдователи Кунъ-дзы; а самое понятіе о первоначальномъ совершенствѣ человѣческой природы могло въ равной степени принадлежать обоимъ народамъ, потому что основанія ихъ религиозныхъ вѣрованій одинъ и тѣ же. Дзяячи, какъ бѣгъ счастія, почитается не только о здоровыя своего лю-

1) Книга о молитвѣ и жертвоприношени и пр.

2) На камыкскомъ языке, подъ заглавиемъ: Исторія Обуши-Хонгъ-Тайчича монгольского.

Бимца, но и о материальномъ его благосостояніи, онъ не только запечатлѣетъ его отънкостями, и удаляетъ отъ всего дурного, но и хранитъ его счастье и имущество. Поэтому-то мы к нему обращались съ молитвой: «пропуши счастия у Дзаягчи-тенги, который выкалываетъ глаза и перепибываетъ спинной хребетъ моему здѣлью... который опускаетъ панцы въ молоко и бросаетъ араканъ въ стадо мое»).

Дзоль-дзаягачи былъ въ большомъ уваженіи у народа; изображение его, равно какъ и Эмгэльджи, находилось въ каждой юртѣ, где ежедневно ему приносили небольшія жертвы.

П. Другой видъ Дзаягачи называется Эмэгэльджи-дзаягачи, которая считалась богинею дѣтей, ихъ здоровья и счастія.

было упомянуто о девяти-титанах; они обыкновенно называются *аха дагу* (искусство судьи титана), девять титаны — покровителей, родных братьев». Характеристический эпитет их судей (покровителей) выражает все их значение: стоят только объяснить смысл этого суда, чтобы понять что такое Девять Титанов. Молчали присыпающиеся особой пылью божественные, какое-то особенное могущество, которое невидимо хранит

1) Древность этой молитвы и прочее, находящееся в ней упоминание «Кирилла и Мефодия» и жертвеноприношения в т. д., свидетельствует о её древности. Следовательно, У него означает: монахийский язык. (Богородица—Христос—таким образом, прекращает калмыцкого предречения: «Семьбоязь!») Иса же говорит, что отец своему рукой выпустит мыло из-под кижевского, что почитается, прѣхомъ. Родерикен же говорит, что мыльный князь не хочет одно пріимъ называться винокурческимъ или пороховымъ, но чтобы выразиться более полно, построит слово из прѣхомъ вымытье мыло, потому что, какъ обиженностью выражается: если выпустят свою руку из-под кижевской, какъ бы зеленую мыло (важъ) говорится из-под кижевской, а это стадо). Такъ тексты для сличений.

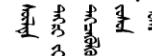
Молитва: **بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ** и т. д.

Если Баторъ-Хунъ Тайчжи гонорилъ это въ 1574 г., то молитва эта известна была еще задолго до этого времени.

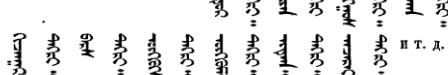
^{*)} Geschichte d. Ost.-Mong. S. 218

нить его подданныхъ, и это качествъ его называется *судъ*. Такъ говорится *аджан ханъ-у судъ боръ бидо монду* мы здравы подъ *судъ* государя, *sous les auspices du roi*. Небо пра витъ мирамъ, какъ царь, и имѣтъ свое *судъ*; оно-то олицетворено въ Девятіи Тенгри. Судъ царя есть отблескъ небеснаго *судъ*, девяти геніевъ. Чинпісъ-хантъ желаетъ представить въ своемъ лицѣ Хормусуду, царя неба, какъ мы уже видѣли; у него было девять у碌ковъ (воеводъ), вместо девяти геніевъ, а знамя его, состоявшее изъ девяти бунчуговъ, называлось *судъ*. Впрочемъ можетъ быть и прежде его монгольскіе ханы подражали небу, ибо многие восточные народы представляли царя своего видимымъ образомъ, намѣстникомъ Бога; персійские цари подражали Ормузду, въ организаціи своего государства; у индуистовъ, по закону Ману, въ особѣ Раджі соединяются качества восьми божествъ, хранителей мира (*Локапалы*). Кромѣ того, Девятія Тенгри, суть, можетъ быть, не что иное, какъ семи Амгустандовъ у персійнъ, отъ которыхъ монголы заимствовали ихъ вмѣстъ съ Хормусудою; а изъ 7 они могли сдѣлать 9, потому что послѣднее число у нихъ почиталось священнымъ. Судъ-тенгри, по своему характеру — по назначению всегда покровительствовавъ, — склонны также къ Амгустандамъ, которые подъ начальствомъ Ормузда борются съ Ариманомъ и защищаютъ твари отъ посѣданія. Судъ-тенгри изображаются воинственными, какъ бы имѣть предстояла борьба съ кѣмънибудь: въ видѣ всадниковъ, одѣтыхъ въ латы, вооруженныхъ мечами и копьями; на головахъ у нихъ шлемы; въ одной руѣ каждого изъ нихъ нагайка, въ другой флагъ; ихъ сопровождаютъ соколы, левъ, барсъ, медвѣдъ и собака¹⁾. Этихъ геніевъ не должно смѣшивать съ дзагачами: ихъ число — девять — незамѣтно и они защищаютъ отъ бѣдъ всѣхъ смертныхъ, а дзагачи бываestъ свой у всякаго человека.

1) Изображение Судэ-тэнгри взято изъ IV т. сочинен. Маргант-Дзянчи; онъ составилъ книгу о жертвоприношенихъ этимъ геніямъ:

Здесь умалчиваю о множествѣ тенгри, которые известны только по имевамъ. Таковы:

Злые духи — считались врагами людей, добрыхъ геніевъ и даже самого неба. Изъ нихъ замѣчательны:

Эти же $\frac{1}{2}$, которые являются въ видѣ птицы того же имени и предвѣтствуютъ своимъ явленіемъ несчастіе.

Ада летают по воздуху, пугают человѣка, распространяют болѣзни и внушают бѣшеные страсти.

Албинг любить обманывать людей, бродить по степямъ, около доро гъ, зажигаютъ ложные огни (блудницъ огонь). Путникъ, обманутый видомъ огня, Ѣдетъ къ нему и сбиваются съ пути.

Онгоны.

Поклонение предкамъ принадлежитъ къ числу похвѣй, находимыхъ у многихъ древнихъ народовъ. Я уже говорилъ, что источникъ его заключается въ мысли о безсмертнѣи души. Младенчество человѣка, который могъ имѣть только предчувствія, а не ясное понятіе о будущей жизни, въ разныхъ странахъ неодинаково представлялъ ее себѣ. Кроме различныхъ мнѣній о состояніи человѣческой души послѣ смерти, мысли о безсмертии души обнаруживаются у всѣхъ народовъ въ обрядахъ, сопровождаемыхъ послѣ смерти человѣка, каковы: похороны, поминки и другие обычая, въ которыхъ также видна горесть человѣка, нехотѣніе разстраиваться съ умершимъ. Отъ одного изъ такихъ обычая, если вѣрить преданію, началось въ средней Азіи поклоненіе предкамъ. «Когда умиралъ у кого инбургъ любимый человѣкъ, то его сыновья, дочери, старшіе и младшіе братья, сдѣлавъ фигуру на подобіе покойного »), хранили ее въ своихъ домахъ: они почи-
вались ею, какъ живымъ, и приносили ей пищу.

1) Обычай дѣлать изображеніе умершаго человѣка, до сихъ поръ существуетъ у самобѣдовъ. См. путешествіе Бѣляевскаго.

тали ее, ставили перед ней первое блюдо, дёлывали ее и поклонялись ей, говоря: «это изображение такого нашего (любимца)». Абулгази, которого слова приведены здесь, заключает: «что обыкновение мало по маду распространилось, и, наконецъ, явилось идолопоклонство». Это предание, которое Рубрук вися смысла из уст народа, находится, по словам г. профессора Казембека, у одного арабского историка. Подъ тымъ, что Абулгази въ разсказѣ своемъ называетъ идолопоклонствомъ, надо разуметь не все шаманство, но только поклоненіе предкамъ, возникшее въ отдаленной древности у монголовъ и китайцевъ. У последнихъ оно начинается со времени основания монархіи ихъ. Конфуций считалъ весьма важной обязанностью — совершасть поклоненіе передъ предками и ставить предъ ними кушанья: о добродѣтельныхъ государяхъ Ву-вянь и Чэу-гунъ, говорить онъ, что они «служили своимъ умершимъ предкамъ, какъ бы живыми». У кочевыхъ народовъ средней Азии поклоненіе предкамъ началось также очень рано: его встрѣчаемъ у нихъ еще до Р. Х.¹). История свидѣтельствуетъ, что разы въ династии, владѣвшей Монголіей до Чингиз-хана, почти всѣ соблюдали этотъ обрядъ. Монгольская династія сохранила его весьма строго. Плано Карпини говоритъ, что татары дѣлали поклоненіе Чингису²). Хубилай, потомокъ сего завоевателя, воцарился на китайскомъ престолѣ въ 1263 г. выстроилъ въ Пекинѣ храмъ въ честь своихъ предковъ. Изъ этихъ фактовъ видно, что оба народа, монголы и китайцы — издревле почитали своихъ предковъ; но очень трудно решить: занимались ли первые въ этомъ случаѣ что нибудь у посыдѣнныхъ. У китайцевъ почтение къ предкамъ логически выводится изъ сыновней почтительности, составляющей у нихъ основу добродѣтелей, тымъ не менѣе этотъ обычай могъ родиться у самихъ монголовъ, какъ разъказываетъ Абулгази. Сверхъ того обычай приносить жертвы предкамъ существовалъ при начальѣ династіи Хунну: въ ту пору номады гордились своими грубыми приемами, не желая ничего заменять отъ остальныхъ китайцевъ. Наконецъ прибавимъ къ этому, что почтити

1) Дегинь: *Hist. génér. des Huns etc.*, t. I. S. p. p. 26.
2) Путеш., стр. 85

предковъ находились у многихъ южныхъ и западныхъ народовъ, которые изъ одной мифологической идеи не принимали отъ жителей Срединного государства.

Первоначальное простое почтение къ предкамъ подверглось исказению и породило онгоновъ. Такъ называютъ монголы души умершихъ людей, сдѣлавшися предметомъ уваженій или страха народа. Въ самыя древнія времена каждое семейство оказывало почтение однѣмъ только своимъ покойникамъ, ибо, можетъ быть, ихъ изображеній, какъ свидѣтельствуетъ Абулгази, ставило предъ ними пищу и питье. Это было простое уваженіе къ умершему, какое было и теперь есть у китайцевъ; тогда члены семейства не приписывали душѣ своего покойника никакаго влияния на живыхъ. Но монголы съ течениемъ времени стали вѣрить, что душа умершаго человека действуетъ во вредъ или пользу живыхъ, и изъ нихъ народъ создалъ новый родъ боговъ — онгоновъ. Такимъ образомъ исчезло простое уваженіе къ тѣмъ предковъ, а мѣсто его заступило служеніе добрымъ и злымъ онгонамъ, душамъ людей чужихъ, непринадлежащихъ къ семейству поклонника. Чья душа сдѣлалася онгономъ — это опредѣляло шаманъ, ибо не вскій могъ сдѣлаться онгономъ; а тѣлько могъ имъ быть, кто прославился въ этомъ мірѣ добрыми или злыми; люди, оказавшие большую пользу народу, дѣлаются онгонами добрыми; а злодѣи — злыми.

Въ этомъ дѣлѣ душъ на два рода проглядывается уже нѣкоторое понятіе о будущемъ: возмѣдій за дѣла. По мнѣнію монголовъ, души добрыхъ людей живутъ спокойно на томъ свѣтѣ; напротивъ, души людей злобныхъ остаются на среднѣмъ¹, т. е. они не могутъ переселиться въ тотъ свѣтъ и остаютъ ся между зѣмлю и тѣмъ мірѣмъ: это наказаніе за ихъ грѣхи. Злые онгоны блуждаютъ на поверхности земли и, по старой привычкѣ, вредятъ человѣку. Они вселяются въ человѣка, производить въ немъ болѣзни, истребляютъ дѣтей. Шаманъ узнаетъ, какъ именно онгон причинаетъ страданія и изгоняетъ его изъ человѣка и его жилища. Всѣхъ чаще онгонами дѣлаются души шамановъ.

Смотря по мѣстамъ и поколѣніямъ, онгоновъ такъ много, что невозможно определить ихъ число: ибо каждый околотокъ

имѣеть своихъ онгоновъ: есть однако и признанные всѣми монголами. Между ними замѣчательно семейство Бордосинновъ, т. е. ханскій родъ, изъ котораго произошелъ Чингисъ и большая часть нынѣшнихъ монгольскихъ владѣтелей. Народъ считаетъ душа всѣхъ членовъ этого огромнаго семейства добрыми онгонами и молится имъ наравнѣ съ тенгрими. Молитва, обращенная къ нимъ, намекаетъ на многочисленность бордосинновъ, сдѣлавшихся ханами и онгонами при всѣхъ горахъ и пригоркахъ²). Могущественнѣйшимъ изъ нихъ былъ Чингисъ, который и въ могилѣ не пересталъ быть покровителемъ и судей своихъ потомковъ. Его престолъ не могъ быть занять ни кѣмъ изъ его потомковъ, безъ невидимаго дозвolenія на это императора, т. е. Чингиса. Читая лѣтопись Сананть-Саэнъ, видимъ, что поклоненіе предъ гробомъ завоевателя какъ бы застутило у монгольскихъ хановъ обрядъ коронованія и восхествія на престолѣ³). Каждый вступающій на престолъ пріѣзжалъ къ восьми бѣлымъ юртамъ «сананна шанна кър», приносилъ жертву тѣни знаменитаго своего предка и совершилъ поклоненіе. Кто дерзъ не признавать замогильную власть Чингиса, того онъ наказывалъ немедленно. Тогонъ, сынъ Эсена, калмыцкаго владѣтеля, убѣйствомъ проложилъ себѣ путь къ монгольскому престолу, съ небреженіемъ отозвался о Чингисѣ и мечетъ изрубилъ его священные юрты. Не смотря на сорѣвнѣ монголовъ, онъ не хотѣлъ просить прощенія у Чингиса; цепокорный Тогонъ не успѣлъ отойти отъ гроба завоевателя, какъ кровь хлынула изъ его носа и онъ — палъ мертвый. Такъ разсказывается Сананть-Саэнъ, по словамъ, котораго народъ гибель Тогона приписываетъ гибѣ императора⁴).

1) Книга о монголахъ и жертвоприношеніяхъ.

2) Geschichte der Ost-Mong. S. 146, 152, 170, 184, 186, 192.

3) Ibidem 150.

4) Липовцовъ: Уложение китайской палаты виѣннинхъ сношеній.

8

Шаманы.

Происхожденіе шамановъ, жрецовъ шаманской вѣры, относится къ глубокой древности. Первое достовѣрное извѣстіе о существованіи ихъ у средне-азійскихъ народовъ сообщаютъ намъ китайскій лѣтописецъ въ начальѣ VI вѣка по Р. Х. во время жужанскаго хана Чеуну¹). Но начало шамановъ относится къ городамъ древнѣйшей поры. Много было толковъ о происхожденіи ихъ и значеніи слова *шаманъ*. Уже Фишеръ приводитъ нѣсколько мнѣній объ этомъ²): одни думали, что оно означаетъ *воздѣлывающаго и стеница*; другіе говорили, что оно означаетъ человѣка безъ страсти — и всѣ эти толкованія дѣлались были на языкахъ народовъ, неизвѣстныхъ въ Сибири, живущихъ весьма далеко отъ насъ. Наконецъ, ученые, по привычкѣ все выводить изъ Индіи, начали въ ней отыскивать древнѣе отечество шамановъ.

Извѣстно, что буддийскіе отшельники въ Индіи назывались по санскритскому *шраманас* (аскеты); греки, вѣроятно, слѣдуя произношенію какого нибудь мѣстнаго индійскаго нарѣчія, называли шрамановъ *Саманеями*. Сходство словъ *шраманъ* и *шаманъ* такъ обмануло ориенталистовъ, между прочими и Ф. Шлегеля, что они безъ всякихъ соображеній стали шамановъ выводить отъ шрамановъ. По ихъ мнѣнию, шраманы, среди грубыхъ жителей средней Азіи, изъ отшельниковъ превратились въ шамановъ. Но спрашивается: отъ чего буддизмъ, который послѣ эпохи Чингисъ-хана такъ глубоко укоренился въ Монголіи, не могъ тамъ утвердиться въ древности? Огъ чего онъ не устоялъ тогда противъ грубыстей кочевыхъ народовъ, которую побѣдилъ въ послѣдствіи? Почему онъ не оставилъ въ народной вѣрѣ монголовъ никакихъ слѣдовъ по себѣ? При томъ же странно предполагать, чтобы буддийскіе проповѣдники могли забыть все свое и сдѣлаться шаманами, — чтобы они забыли свои священные книги, свои обряды и одѣяніе. Призываю духовъ, бѣснованіе шамана и его нарядъ не имѣютъ ничего общаго съ буддизмомъ. Любопытно было бы знать, какими доводами Шоттъ,

германскій ориенталистъ, доказываетъ тождество шрамановъ съ шаманами. Онъ, говорить, написалъ вѣдью диссертацию объ этомъ. Впрочемъ и до него многіе находили какое-то небывалое сходство между буддизмомъ и шаманизмомъ. Вотъ, что говоритъ Фишеръ¹) о ламайской вѣрѣ: «Сія вѣра не можетъ однакожъ хвалиться никакою особенностью древности. Она составлена изъ древнаго шаманскаго съвѣтѣрія и изъ христіанской вѣры. Изъ шаманской удѣржала она Фо и переселеніе душъ. Отъ христіанъ, а именно отъ несторианъ, приняла, какъ кажется, обряды, одѣянія и другіе наружныя украшенія». Г. Стенланъ называетъ Шакьямуни, основателя буддизма, шаманомъ, не знаю почему. Георгій уѣряетъ, что шаманскій законъ есть корень брахманскаго, ламайскаго и другихъ языческихъ толковъ.

Если шаманы не индійскіе шраманы, то где искать начало и значеніе этого загадочнаго слова? Оно чисто иное какъ маньджурское *самане*, которое у пѣкторыхъ тунгускихъ племенъ въ Сибири произносится, вѣроятно, шаманъ. Въ словаряхъ вѣдѣ переводятъ его помонголски *шаманъ*, т. е. шаманъ. Отецъ Іакинъ говоритъ также, что слово *шаманъ* есть маньджурское *самане*, но не объясняетъ его этимологически²). Самана происходить отъ корня *самъ*, къ которому относятся пѣсколько словъ маньджурскихъ и монгольскихъ; таковы: маньдж. *сам-арамъ*, мѣшать жидкость, монг. *сам-громъ*, мѣшать, плавать, биться; *сам-ау* — беспорядочный, распутный, возмущающійся, бунтовщикъ, маньдж. *сам-дамъ*, пашущій. Значеніе этихъ словъ вообще выражаетъ *беззаконное, возмущенное состояніе, слѣдовательно саманъ означаетъ человѣка *взломанного, испутленного, воссторженного*, какими дѣйствительно являются шаманы*. Русскіе, вѣроятно, взяли это слово у тунгусовъ, живущихъ въ енисейской и прутской губерніяхъ; ибо у другихъ сибирскихъ народовъ это слово не извѣстно, — а каждыи изъ нихъ имѣетъ свои слова для означенія шамановъ: *тарыбъ* (у самоѣдовъ), *тадыбъ* (у остыковъ), *камъ* (у татаръ), *бѣли* (у бурятъ) и др.

И такъ происхожденіе шамановъ надобно искать не въ Индіи —

1) Suppl. à la Bibl. Orient., p. 89.

2) «Китай», стр. 316.

8*

или других южных странах, но в средней Азии, где возникло самое шаманство.

У всех народов являлись люди, отличные от прочих по ментальности, особенно наклонностью к мистическому и чудесному, пламенным воображением и знанием некоторых сил природы. Они являются мудрецами, волхвами, знахарями, смотря потому, чтобы удобнее действовать на умы народа. В этом классе людей получили свое начало шаманы, которые, как выражается о. Иакинт, соединяют в себе качества жреца, врача и волхва. Бэльявский, который хорошо описал шаманство остиков, так думает о происхождении шаманов¹⁾. Волхвы, жрецы и им подобные люди у образованных народов пользуются положительными знаниями в науках для поддержания своего влияния на народ; но шаманы, — хотя бы онь и чувствовали привязанье к чему-то, но не имели средств, которыми бы могли действовать на своих диких и кочевых единоменцев; увлекаемый беспокойным правом, онъ привыкал къ обману, который легко ему удавался при легковѣріи и невѣжествѣ народа. Старался привлечь къ себѣ внимание его, эти выродки, какъ ихъ называет Бэльявский, должны были присыпать себѣ качества, предъ которыми черни более всего благоговѣтъ; — власть надъ духами, способность сообщаться съ богами, потому что положительныхъ средствъ действовать на нее они не знали. Такимъ образомъ приобрѣть уважение и довѣріе народа, они уже смѣясь стали действовать, переходя отъ одного обмана къ другому. Нѣкоторые изъ шамановъ должны были дойти до того, что сами начинали вѣрить тому, чѣмъ хотѣли сначала обманывать другихъ, какъ случается со многими мечтателями и обманщиками. Выдумки или мечта одного шамана дѣлались истиной для того, который слѣдовалъ за нимъ и т. д. Что нѣкогда шаманами были люди особенного настроения духа, какъ вдохновенные, а не простые обманщики — это доказывается тѣмъ, что и нынѣ шаманы бываютъ истинные и ложные. Послѣдніе суть тѣ изъ нихъ, которые принимаютъ на себя званіе шамана для выгодъ своихъ безъ особыхъ качествъ къ тому.

1) Пѣдадка къ Ледовитому морю, стр 111.

народовъ они отправляютъ обязанность жертвоприносителя. Что касается до монголовъ, то исторически известно, что у нихъ жертвы, хотя не все, приносили шаманы. «По монгольскому обычью, говорить китайская лѣтопись, обрядъ жертвоприношения состоялъ въ томъ, что убивъ скотину и дѣланъ возлѣніе изъ кобыльго молока, заставляли шамана молиться¹⁾». Джулуанъ говоритъ о бурятскихъ шаманахъ, что они суть распорядители жертвъ²⁾. Жертвоприношения у монголовъ были постоянны и случаинны.

Первые происходили по случаю праздниковъ, которыхъ, по словамъ Георгия, три у всѣхъ шаманскихъ народовъ: *весенний, летний и осенний*.

Достовѣрно известно, что монголы праздновали первый и последній изъ этихъ праздниковъ, съ весьма древнихъ временъ. Во времена династіи Хунь, еще задолго до Р. Х. народъ собирался ежегодно (въ 5-ю луну, по кит. календарю) для жертвоприношений предкамъ, небу, земѣ и духамъ³⁾. Это тотъ самый праздникъ, о которомъ упоминаетъ Рубрукъ⁴⁾, потому что времена, показанное имъ, приходится въ 5-ю луну китайцевъ. Онъ пишетъ, что монголы 9 мая ежегодно собирали кобыльницъ изъ своихъ сѣадъ, чтобы посвятить ихъ богамъ, разливали кумысъ по земѣ и дѣланъ большой праздникъ. Этотъ же праздникъ и нынѣ исправляется камылками и изысканными татарами, и называется у нихъ *чурч-сара*, мѣсяцъ урусс; у другихъ татаръ ему соответствуетъ сабанъ. Урусс есть праздникъ обновленія природы и наступленія той поры въ году, когда земля одѣвается зеленою, когда стада приносятъnomadu новый приплодъ и обильное молоко; по этому и жертвы, которые въ это время благодарный народъ приноситъ богамъ своимъ, состоятъ изъ молока, кумыса, пива и травъ. Въ то же время выбрасывались свои стада покровительству божествъ, посвящая имъ животныхъ, преимущественно лошадей. Для этого монголы собирали кобыль и привозили ихъ къ веревкѣ, протянутой между двумя столбами; одинъ человѣкъ

1) Тунь-дзянь-гансу маньдя. I т., 1261 г., стр. 21.

2) Библиотека для чтенія, т. VII, 1834.

3) Voyage en Tartarie, chap. XL, 11.

4) Voyage. Liv. I. Chap. LXV.

Между бурятами случалось, что нѣкоторые, послѣ тщетныхъ попытокъ сдѣлаться шаманомъ, должны были отказаться отъ своего намѣренія: ибо они не могли приводить себя въ шаманско вдохновеніе. Напротивъ, истинный шаманъ не самъ выбираетъ себѣ это званіе, а его принуждаетъ къ тому природное влечение, привлекающее, въ такомъ человѣка съ малыхъ еще ѣть замѣтается какое-то тревожное, раздражительное расположение духа. «Онъ чувствуетъ грусть, отчужденіе отъ родства, наполняетъ родительский домъ стечаніями и вспышками¹⁾. Онъ самъ и его ближніе всѣ видятъ тутъ дѣйствіе сверхъестественной силы. Убѣжденіе въ этомъ, онъ принимаетъ званіе шамана, будучи самъ обманутъ на счетъ себѣ, и едва-ли всегда съ цѣлью обманывать другихъ. Сдѣлавшись шаманомъ, онъ посвящается въ тайны искусства действовать на умы народа, изучаетъ слабую его сторону, и для своихъ выгодъ не хочетъ открыть глаза толпѣ. При томъ онъ такъ усвоиваетъ себѣ сущѣбрьныя понятия и частными упражненіями въ шаманствованіи до того распространяетъ свой организмъ, что самъ убѣждается въ томъ, что можетъ быть не вѣрить прежде²⁾.

Какъ посвящаются шаманы, почему ихъ учать наставники шаманы же — это ихъ тайна, которой они не сообщаютъ профанамъ. Только известно, что предъ принятиемъ своего званія они подвергались нѣкотораго рода испытанію. Говорятъ даже, что у бурятъ шаманы въ это время соблюдаются посты.

Относительно своихъ обязанностей шаманъ является жрецомъ, врачомъ и волхвомъ или гадателемъ. Онъ способенъ исправлять всѣ эти должности потому, что имѣть способность сноситься съ богами. Онъ жрецъ, потому что знать волю боговъ, опредѣляетъ, чего желаютъ они отъ человѣка и совершаетъ жертвоприношеніе, какъ знатокъ обрядовъ и молитвъ. Степановъ несправедливо говоритъ, что «шаманы не отправляютъ священныхъ дѣйствий, не приносятъ мольбы, не прославляютъ между человѣкомъ и божествомъ». Изъ описанія Бэльявского и другихъ путешественниковъ можно видѣть, что у сибирскихъ

1) Енисейская губернія, ч. II, стр. 59.

2) Cf. Pallas Reise, t. III. p. 59.

вѣкъ садился верхомъ на кобылу, другой на жеребца и послѣдній обвязывалъ кругомъ собранное стадо, а первый, взявшись въ руки сосудъ съ кумысомъ, обливая имъ животныхъ; къ гривѣ посвященному лошади привязывали красный лоскутъ матеріи. Разумѣется, все это дѣлялось по проштѣніи шаманомъ прыличныхъ молитвъ.

Осенний праздникъ у монголовъ надобно считать столь же древнимъ, какъ весенний. При династіи Хунь жители средней Азии ежегодно осенью приносили жертвы богамъ полей и плодородія, какъ свидѣтельствуютъ китайские историки. Изъ путешественниковъ среднихъ вѣковъ, Марко Поло упоминаетъ объ этомъ праздникѣ¹⁾. Хубилай-ханъ, по словамъ этого путешественника, ежегодно, въ какой-то странѣ Монголіи, приносить въ жертву кумысъ, проси боговъ продолжить здоровье и жизнь его и его жены и дѣтей. Для приготовленія кумыса долги бѣлыхъ кобыль, потому что монголы уважали этотъ цѣлый. Марко Поло увѣряетъ, что этотъ обрядъ совершился 28 августа, и что онъ существуетъ у монголовъ съ незапамятныхъ временъ.

Осенний праздникъ у монголовъ называется *цаган-сара* (Чаган-сара) бѣлый мѣсяцъ (такъ обыкновенно переводятъ это название), съ которого въ древности начинался новый годъ между монголами. Буряты, сдѣлавшіе шаманству, до сихъ поръ сохранили древнее времисчисление и начинаютъ годъ съ осени; безъ сомнѣнія, нѣкогда у монголовъ было также, потому что до сихъ поръ они первый мѣсяцъ нового года и самый праздникъ называются цаганъ-сара, хотя нынѣ это у нихъ бываетъ въ концѣ зимы, не осенью. Новый годъ перенесенъ съ сентября на январь, вѣроятно при Хубилай, который перенималъ всѣ китайскіе обычай и учреждѣнія; а изъ Китая съ древнѣйшихъ временъ годъ начинался въ концѣ зимы. Этотъ мудрый ханъ, желая угодить и монголамъ и китайцамъ, встрѣчалъ новый годъ по обычаямъ того и другаго народа; онъѣздилъ въ Монголію, чтобы тамъ приносить жертвы (28 августа, какъ сказано выше) и, вѣроятно, присутствовалъ при народныхъ увеселеніяхъ; между тѣмъ у него ежегодно, при пекинскомъ дворѣ, происходило вели-

1) Voyage. Liv. I. Chap. LXV.

колхиное празднество, по случаю наступлений нового года по китайскому календарю; въяроти и монголы, которые тогда жили въ Китае, слѣдовали китайскому времисчислению. Долговременное владычество монголовъ надъ Китаемъ, принятие ими буддизма и другій обстоятельства были причиной, что цаганъ-сара на-всегда перенесены были къ концу зимы. Что касается до самаго названия этого праздника, то его толкуютъ различно. Марко Поло, сообщая описание праздника нового года, происходившаго при Хубилеевомъ дворѣ, утверждаетъ, что въ это время всѣ одѣвались въ бѣло, отъ чего и праздникъ называется *la fete des blancs*¹⁾. Можетъ быть Хубилеу угодно было завести такой обычай при своемъ дворѣ, но въ стени онъ никогда не могъ существовать, потому что монголы рѣдко носили платья бѣлого цвета, и еще реже употребляли на одѣяніе что нибудь другое, кроме кожи. Название цаганъ-сара можно объяснить гораздо проще. Монголы, подобно всѣмъ кочевымъ народамъ, мѣсяцами склоняли имена, сообразными съ перемѣнами природы, или означали именемъ того произведения, которое въ известную пору доставляло скотоводство, или которое они преимущественно употребляли въ извѣстный мѣсяцъ. Такъ ионь у бурятъ называется мѣсяцемъ *травы*, августъ мѣсяцемъ *молока*. Цаганъ-сара слѣдовала за августомъ, какъ должно заключить изъ словъ Марко Поля, что ежегодное жертвоприношеніе происходило 28 августа; въпротивъ это было первое число слѣдующаго мѣсяца, которымъ начиналася новый годъ и которымъ называлася цаганъ-сара, т. е. *творожный мѣсяцъ*, такъ какъ предыдущий (августъ) назывался *молочнымъ*²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, монголы и буряты осенью больше Ѵдѣть творогъ, приготовленный лѣтомъ, потому что молока въ это время становится мало. И такъ цаганъ-сара значить творожный мѣсяцъ, и въ древности онъ соотвѣтствовалъ сентябрю. Во время этого праздника шаманы приносили въ жертву богамъ лошадей,

1) Voyage Liv. II, Chap. XV.

2) Творогъ помонгольски называется *чана* , а прахательное отъ него будетъ *чанак* (творожный); бѣлы такие называются *чономъ*; приемъ *чанака* въ послѣднемъ, бѣлы извѣстномъ значеніи его, европейцы называютъ новый годъ монголовъ *бѣльмъ мѣсяцемъ*. И монголы сами ошибаются такимъ же образомъ.

можно заключить, что шаманы у всѣхъ сибирскихъ народовъ совершаютъ этотъ обрядъ одинаково. Готовясь къ нему, чародѣй надѣваетъ свой служебный нарядъ, который также у всѣхъ народовъ имѣеть большое сходство. Онъ состоитъ изъ кафана, уѣвшанного различными бляхами и погремушками, и изъ шапки или шлема (*орой*), сдѣланной изъ кусковъ жѣлѣза и шелковыхъ матерій. Потомъ беретъ въ руки бубенъ (*каза*) и, удариа въ него изрѣдка, читаетъ молитвы, сидя на полу. Удары въ бубенъ участаются съ каждымъ разомъ, и шаманъ бѣлье одушевляется, лицо его принимаетъ дикое, удивленное выраженіе, какъ будто ему является духъ. Увеличивающееся изступленіе увлекаетъ шамана: онъ встаетъ, оставляя бубенъ, начинаетъ плясать, прыгать, кружиться, бѣсть, произнося заклинанія и испуская ужасные вопли такъ, что пѣна выступаетъ изъ рта. Тутъ присутствующие схватываются его и стараются удержать, употребляя на это большій усиія потому, что сила шамана въ это время бываетъ чрезвычайна. Наконецъ успокоившись, онъ начинаетъ дѣлать фокусы, велитъ проколотъ себѣ животъ мечемъ, выкалываетъ себѣ глазъ, извергає изъ рта разныя вещи и т. п. Надобно отдать справедливость шаманамъ въ томъ, что они весьма искусно дѣлаютъ свои штуки, которымъ дивятся даже европейцы. Все боеніе шамана, по его утвержденію, происходитъ отъ того, что духъ изъ тѣла большого переходитъ къ шаману, и падаетъ отъ того вызыдоравливаетъ. Иногда случается, что шаманъ не можетъ прійти въ изступленіе; тогда всѣ присутствующіе стараются воодушевить его: кричатъ, поготѣ пѣсни, хлопаютъ въ ладоши. Этотъ обычай называется монголы *тогогу*. Кроме того шаманы лечатъ напаштываніемъ, наговорами и пр.

Третье качество шамана — даръ пророчества, который ему даетъ большую силу. Способность къ пророчеству онъ получаетъ со временемъ посвященій въ свое званіе. Онъ предсказываетъ просто, или по гаданью. Изъ способовъ гаданія ихъ замѣчательно гаданіе по лопатѣ: они жгутъ баранью лопатку и по трещинамъ, которыя происходятъ на ней отъ огня, предсказываютъ будущее; гадаютъ они также по полету стрѣлъ и т. п.

Жертвоприношеніе и вызываніе духовъ и другіе обряды происходили въ домахъ, потому что храмовъ не было у монгол-

рогатый скотъ, овцы, и козы; изъ мяса ихъ дѣлалось пиршество для всего народа, сопровождаемое скачкою, борбой и виномъ. Такимъ же увеселеніями оканчивалася и урусь-сара.

Случайныхъ жертвоприношеній было весьма много. Важнѣйшіе поводы къ тому были:

1) Начатіе какого либо предприятия. Жертву приносили тому божеству, которое считали покровителемъ человѣка или противникомъ его въ предстоящемъ дѣлѣ.

2) Болезни. Шаманъ обзываилъ, какъ богъ или злой духъ вину болѣзни, и чего онъ требуетъ отъ человѣка. Большею частію божества соглашается, вмѣсто душъ больного, взять какое нибудь животное извѣстной шерсти. Когда шаману приведутъ назначеннаго животнаго, то онъ разными обрядами и кривляніями переводить демона изъ своего тѣла въ животное, а въ себѣ предварительно переселяться духа изъ больного. Потомъ животное колютъ, мясо сѣдѣаютъ все на томъ мѣстѣ, где совершилось жертвоприношеніе, а кожу вѣшаютъ на деревѣ.

3) Падежъ скота, частые набѣги волковъ на стада, вообще упадокъ благосостоянія. Шаманъ узнаетъ причины всему этому, и обзываютъ средства противъ несчастія. Средства эти почти всегда состояли въ жертвоприношеніи, столъ выгодномъ для шамановъ.

4) Возлініе небу, по случаю грозы, по случаю первого грома весной, приношеніе обо и т. д.

Къ обязанностямъ шамана, какъ жреца, относится очищеніе огнемъ и жертвоприношеніе богинѣ Уть.

Шаманъ, какъ человѣкъ знающій волю боговъ и умѣющій прогонять злыхъ духовъ, является *брахманомъ*; но не надобно думать, чтобы онъ для излеченія больного употреблять медицинскія средства; напротивъ того, онъ даже ихъ не любить. Чтобы по-дѣлать помощь больному, шаманъ предписываетъ принести жертву какому нибудь богу или обзываютъ, что въ больномъ находится духъ, котораго надобно изгнать.

Для послѣдней цѣли онъ вызываетъ духа, или, какъ говорятъ монголы, (бугалзумъ) *шаманстуетъ*.

Этотъ страннѣй обрядъ описанъ почти всѣми путешественниками, которые когда либо посѣщали Сибирь. Изъ словъ ихъ

ловъ; но у некоторыхъ народовъ есть особыя мѣста для моленій, какъ у чувашъ кереметы.

Образъ моленій у монголовъ во времена шаманства состоялъ въ томъ, что они складывали больной, указательный и средний палецъ, прикладывали ихъ ко лбу, и наклонили голову. Ниже калмыки дѣлаютъ это въ знакъ почтительного привѣтствія предѣкнямыми. Вайнѣ шамановъ не народъ было чрезвычайно велико; никто не могъ не вѣрить шаману, чего бы онъ не говорилъ: ибо шаману приписывали могущество дѣлать добро, и злъ людямъ чрезъ спонсіе со богами и духами. Изъ биографіи одного знаменитаго ламы¹⁾ видно, что, по мнѣнію народа, шаманы владѣютъ силой производить бурю, дожди, громъ и молнию; то же самое объ нихъ разсказываетъ Марко Польо съ большою наивностью²⁾. Не только черный народъ, но и ханы имѣли неограниченное довѣріе къ шаманамъ. Они часто прибѣгали къ нимъ, желая узнать: будетъ ли успѣхъ въ чемъ либо, напр. въ походѣ. Уверенность всѣхъ въ сверхъестественнѣомъ могуществѣ шамана была такъ велика, что по мнѣнію народа, онъ непремѣнно долженъ быть вылечить больнаго. Если послѣдний умрѣль, то думали, что чародѣй не хотѣлъ возвратить ему здоровье. Мусульманскіе историки разсказываютъ, что подобное подозрѣніе было причиной кровавой вражды между двумя поколѣніями: монголами и татарами.

Падение шаманства.

Начало шаманства теряется въ мракѣ древности; впрочемъ история свидѣтельствуетъ о существованіи его у монголовъ еще задолго до Р. Х. Но, сообщая первыя извѣстія обѣ этой религіи, китайскій лѣтописецъ въ то же время извѣщаютъ о появленіи въ средней Азіи другой вѣры, которой шаманство должно было уступить власть надъ умами. Такимъ образомъ исторія его должна состоять изъ поѣвѣствованій обѣ его упадкѣ и торжествѣ новыхъ идей.

Было время, когда шаманство владычиствовало надъ всѣми

— 1) Найджи-тойна.

2) Voyage Liv. I, chap. LXV.

народами, обитавшими от Волги до восточного океана, отъ сѣверныхъ предѣловъ Тибета и береговъ Сейхуна до полуночныхъ странъ. Но религія, возникшія въ южныхъ странахъ Азіи, начали его тѣснить уже рано. Первою изъ нихъ былъ буддизмъ. Индійскіе проповѣдники задолго до христіанской эры перенесли Гималай и распространялись по берегамъ Окса, въ нынѣшнемъ восточномъ Туркестанѣ и Китаѣ. Въ послѣдней изъ сихъ странъ буддизмъ какъ бы покорился характеру ея жителей и оставался внутри Великой стѣны, не выступая къ предѣламъ Гоби. Изъ восточного Туркестана новая вѣра сдѣляла гораздо болѣе успѣховъ, нежели изъ Срединнаго царства. Буддизмъ введенъ былъ въ степи впервые официально Тобо-ханомъ изъ династіи Тугу, подъ конецъ VI вѣка. Такимъ образомъ шаманство стало ослабѣвать изъ западныхъ частинъ Монголіи, куда еще раньше проникло и христіанство, если вѣрить византійцамъ. Съ паденiemъ дома Тугу усилился «ахор», который также содѣствовалъ успѣху буддизма, утверждавшагося около того же времени въ Тибете, откуда онъ впослѣдствіи нанесъ рѣшительный ударъ шаманству. Такимъ образомъ оно уступило мѣсто новымъ вѣрованіямъ, когда возникъ исламъ. Успѣхи магометанъ противъ шаманства были такъ велики, что они, чрезъ несколько столѣтій послѣ своей эры, обратили въ свою вѣру множество турецкихъ племенъ на западѣ отъ Монголіи. Кроме того вѣкоторыи монгольскіе поколія основали въ сѣверномъ Китаѣ царства, и оказывали покровительство индійской вѣрѣ. Наконецъ, начались завоеванія Чингиса и его преемниковъ; они рѣшительно дали преимуществу буддизму передъ другими религіями. Впрочемъ, кажется, при монгольской династіи Юань, буддизмъ имѣлъ успѣхи больше при дворѣ пекинскомъ и между знатью, нежели между монгольскимъ народомъ, который еще не оставилъ шаманства. Иначе трудно объяснить совершение уничтоженія буддизма въ Монголіи послѣ изгнанія монгольской династіи изъ Китаѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы бѣдствію не было положеніе Монголіи при преемникахъ Тогонъ-Тимура, послѣ того какъ этотъ императоръ бѣжалъ изъ Пекина, все-таки неизвѣстно, чтобы народъ, единственno по причинѣ безпорядка въ правлениі и другихъ бѣдствій, могъ забыть религію, если онъ ее исповѣдувалъ дѣйствительно. Упадокъ же

буддизма при ханскомъ дворѣ въ эту эпоху между прочимъ объясняется тѣмъ, что ханы смотрѣли на ламъ, какъ на виновника паденія своей династіи; ибо китайцы приписываютъ, по неизвѣстности къ буддизму, паденіе монгольской династіи чрезмѣрному усилію ламъ при дворѣ императоровъ.

Какъ бы то ни было, послѣ Тогонъ-Тимура шаманство опять взяло перевѣсъ надъ буддизмомъ, а послѣдній какъ бы предѣль былъ забытъ, но не надолго. Какъ скоро монголы сосредоточили свои силы подъ властію Даинъ-хала, буддизмъ опять явился между монголами, которые навсегда отказались тогда отъ шаманства. Изъ среды народа вышли отличные проповѣдники новой вѣры и истребители старой. Между ними замѣчательны *Найджеситонг* и *Дзаань-Бандида*.

Первый вся жизнь (род. 1593, ум. 1680 года) ходилъ по Монголіи, истребляя шаманство¹⁾. Почти въ одно время съ нимъ *Дзаань-Бандида* стремился къ той же цѣли въ Джуңгаріи между калмыками. Первый старался уничтожить силу шамановъ своей простотою, добродѣтелими и простымъ нравоученіемъ; второй, человѣкъ весьма ученый, занимался проповѣдью религіи по порученію далай-ламы и банчанъ-эрдзинъ и, кажется, для всѣхъ успѣховъ употреблялъ въ пользу свое влияніе на владѣтелей калмыцкихъ. По его желанію падать была законъ: «если кто будетъ поклоняться онгонамъ (изображеніямъ шаманскихъ боговъ), то сжечь онгоновъ, а съ самого виновника взять лошадь и овцу; если кто заставитъ шамана или шаманку совершать службу, съ того взять лошадь, а шамана или шаманку обкуривать алононіемъ»²⁾. Такимъ образомъ шаманство стараниемъ *Найджеситонга*, *Дзаань-Бандиды* и многихъ другихъ ламъ изъ Монголіи истреблено было въ XVII столѣтіи. Оно сохранилось у монголовъ, подвластныхъ Россіи, до начала нашего столѣтія, когда ургинский хутукту уничтожилъ его однѣмъ посланіемъ къ народу. Изъ монгольскихъ племенъ теперь придерживаются шаманства большая часть бурятъ; многие изъ нихъ и изъ тунгусовъ уже приняли буддизмъ, а другіе христіанство.

1) См. его біографію.
2) См. біографію его на калм. языке.

На западѣ шаманство также истреблялось дѣятельно. Потомки Чингиса въ Золотой и Синей ордахъ приняли исламъ, который, при помощи чингисидовъ, перешелъ въ киргизскій и астраханскій стѣнѣ и уничтожилъ шаманство у сибирскихъ татаръ. Наконецъ Россія, съ своей стороны, также подвигалась на этомъ поприщѣ и до сихъ поръ продолжаетъ распространять христіанство между финскими, турецкими и другими племенами. Такимъ образомъ шаманство, уступивъ побѣдносному шествію трехъ вѣръ, склонилось на сѣверъ, въ пустыни Сибири. Больше всѣхъ сдѣлять буддизмъ. Причины этого заключаются, кроме превосходства буддизма въ нравственномъ и другихъ отношеніяхъ, еще въ уступчивости буддийскихъ проповѣдниковъ, въ нихъ схождительности къ мѣстнымъ народнымъ привычкамъ. Также много содѣствовали успѣхамъ буддизма политическая событий, покровительство властей, и, наконецъ, познаніе ламъ. Они замѣнили народу шамановъ во всѣхъ отношеніяхъ: ибо они были и суть не только жрецы, но и врачи, астрономы и астрологи. Слѣдовательно, при краткихъ правилахъ буддизма, народъ легко могъ забыть шамановъ.

Теперь шаманство, въ разныхъ видахъ, существуетъ у многихъ чувашъ, черемисъ, вогуловъ, ногайцевъ, осталковъ, самодѣвъ, у некоторыхъ сибирскихъ татаръ, тунгусовъ и прочихъ народовъ Сибири, на островахъ Восточного океана и, наконецъ, у маньчжурівъ. Для окончательного уничтоженія шаманства, остается еще много сдѣлать: оно исчезнетъ еще не скоро, будучи защищаемо сурою природою отъ предпримчивости образованыхъ народовъ.

ПАЙЗЕ,

или

МЕТАЛЛИЧЕСКІЯ ДОЩЕЧКИ СЪ ПОВЕЛѢНИЯМИ МОНГОЛЬСКИХЪ ХАНОВЪ.

(Записки Археологическ. Общества т. II, стр. 72.)

Изученіе въ Европѣ исторіи монголовъ и ея памятниковъ быстро подвигнулось впередъ съ тѣхъ поръ, какъ ориенталисты принялись за монгольскій языкъ. Благодаря трудолюбию ученыхъ, Европа познакомилась въ переводе съ произведеніями потомковъ Чингиса. Кроме лѣтописи Санангъ-Санъя, переведенной и изданный покойнымъ академикомъ Шмидтомъ¹⁾, трудолюбивый Абелъ-Ремюзъ обнародовалъ два письма на монгольскомъ языкѣ хановъ Олджайту и Аргунѣ, писанныхъ къ французскому королю Филиппу прекрасному²⁾. Между тѣмъ привезли въ Петербургъ

1) Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fuerstenhauses, verfaßt von Sanang Sætzen Chung-talshi der Ordus; aus dem Mongolischen ubersetzt und mit dem Originaltexte, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus anderen unedirten Originalwerken herausgegeben von Is. Jac. Schmidt. St. Petersburg. 1829.—Observations sur l'Historie des Mongols orientaux de Sanang-Sætzen, par M. Abel-Rémusat, въ Nouveau Journal Asiatique, seconde sÃ©rie 1832, tome VIII et XI.

2) Mémoire sur les relations politiques des princes chrétiens avec les empereurs mongols, par M. Abel-Rémusat, Paris, 1824. — Philologisch-kritische Zugeabe zu den von Hrn. Abel-Rémusat bekannt gemacht, in den königlich französischen Archiven befindlichen, zwei mongolischen Original-Briefen der Könige von Persien, Argun und Olsdaiatu an Philipp den Schönen; von Is. Jac. Schmidt. St. Petersburg, 1824.

II. C.

гранитную плиту с надписью, найденную среди развалин, близ берегов Онона. Любопытство ориенталистов взвуждено было особенно именем Чингис-хана, которым начинается надпись; она, по толкованию Шмидта, значит: «от Чингис-хана, когда он, покорив сартагольский народ, воротился и положил конец враждебным временем всех монгольских народов, вскырь тремя стами тридцати пятью Еле (демонам)… въ знакъ изгнания»¹⁾.

Но ближайшее разсмотрение надписи на самом камне, который ныне находится в сбоях Азиатского музеума Императорской Академии Наук, можно замутить, что член и перевод не такъ вѣрны, какъ думали покойный монголист²⁾. Эти памятники писаны такъ называемыми уйгурскими буквами, т. е. пышущими монгольскими. Онъ извѣстны въ исторіи подъ именемъ юйгурскихъ потому, что взяты были монголами отъ племени Уйгур (турецкого или монгольского), и употреблялись ими даже задолго до Чингис-хана, если вѣрить одному преданию, сообщенному мусульманскимъ историкамъ. Гораздо позже явились у монголовъ письмена четвероугольные или квадратные. Хубилай-ханъ, внукъ Чингиса, основателя монгольской династіи въ Китаѣ, повелѣлъ ученымъ тибетскому ламѣ, по имени Пакба, составить для монголовъ новые буквы. Поводомъ къ такому нововведению было, кроме династической гордости, которая хотѣла, чтобы монголы писали собственными буквами, и несовершенство уйгурской азбуки. Хубилай, какъ поклонникъ конфуциевской мудрости и поборникъ буддизма, желалъ, чтобы китайская и буддийская книги были переведены на родной его языкъ; но немногочисленными буквами уйгурцовъ невозможно было передать звуки индийские,

1) Bericht über eine Inschrift aus der ältesten Zeit der Mongolen-Herrschaft, von L.J. Schmidt, въ Mémoires de l'Acad. Imp. des Sciences de St. Petersburg, VI série, Sciences politiques, etc., tome II (1883).

2) Известно, что еще до привнесения въ Петербургъ памятника Чингисовъ надпись, сдѣланная быть въ Сибири переводъ ее по пограничнымъ монголисту-академику Г. Шмидту, разобрать перенесъ съ большою аккуратностью, нежели справедливостю, неправедливо приписать его е. Іакину. Возникшая по этому поводу полемика перепечатана была въ Отчетѣ. Запискахъ 1899, т. VII, подъ заглавиемъ: «Процессъ о монгольской надписи на памятнике Чингис-хана».

Тэри-ин кучунг-дур
Мёнкэ
Хаанъ нэрэ хүтүүктай
болжай. Кэн улуу бу-
ширэку, алдаху, уруку.

О. Аввакумъ, которому пришлось разбирать эту квадратную надпись, перевелъ ее такъ: «Сило неба, имя Мунка-хана да будетъ свято! Кто не уважитъ, (тотъ) погибнетъ, умретъ».

Съ первого взгляда переводъ этотъ казался совершенно вѣрнымъ, потому что не противорѣчило ни грамматикѣ, ни правиламъ письменности монголовъ. Но при дальнѣйшемъ объясненіи надписи возникло не малое затрудненіе: Мунка-ханъ, которого имя упоминается въ надписи, былъ предшественникомъ Хубилая и умеръ въ 1259 году, десятью годами ранѣе обнародованія квадратныхъ письменъ. Какъ могло случиться, что повелѣніе, принадлежащее этому хану, написано буквами, которыхъ при немъ не было? Г. Григорьевъ, издававший надпись и переводъ о. Аввакума съ своими примѣчаніями, объяснилъ дѣло такимъ образомъ: хотя китайцы и монголы и говорятъ, что квадратные буквы изобрѣтены Пакбою, однако слово «изобрѣтение» въ устахъ восточныхъ народовъ не имѣеть такого строгаго значенія, какъ у европейцевъ; о Пакбоѣ могли сказать, что онъ «изобрѣтъ» азбуку, хотя бы заслуга въ этомъ случаѣ ограничивалась однимъ примѣненіемъ ея къ монгольскому языку, взявлъ ее готовую у когонибудь; такъ и слѣдовательно полагать, по мнѣнію г. Григорьева: Пакбоѣ взялъ ту самую азбуку, которая въ 1036 году была составлена тангутскимъ государемъ Юань-хѣо для его подданныхъ; по способству и частыи спонсированія, тангутская азбука могла быть въ ходу и между монголами, и слѣдовательно наша надпись, безъ нарушенія исторической истины, можетъ и должна быть отнесена ко времени Мунка-хана: она писана тангутскими буквами, до передѣлки ихъ Пакбою¹⁾.

1) Монгольская надпись времена Мунка-хана, найденная въ восточной Сибири. Членъ и переводъ архимандрига Аввакума, бывшаго начальника российской духовной миссии въ Пекинѣ. Издана, съ присовокупленіемъ испльдованія о письменахъ у монголовъ, В. Б. Григорьевымъ, бывшимъ профессо-

тибетскіе и китайскіе, которые неизбѣжно должны были попасть въ переводъ. Пакба взялъ основы новой азбуки тибетскую, придалъ буквамъ ея четвероугольныя формы, отъ чего произошло въ название *дөржчин*, «четвероугольныхъ» или *квадратныхъ*; они были обнародованы въ 1269 году, но не смотря на особое посвѣтѣніе Хубилая, не вошли въ народное употребленіе. Ориенталисты долгъ не знали самой азбуки, потому что памятниковъ ея осталось мало, да и тѣ сдѣлались намъ извѣстны весьма недавно. Въ 1839 г. германскій филологъ Конопъ фонъ деръ Габеленъ издалъ отысканный имъ въ одномъ китайскомъ сборнике ярлыкъ Баянту-хана, одного изъ китайскихъ чингисидовъ. Это была тарханская грамота, данная этимъ ханомъ въ 1314 году некоторымъ буддийскимъ монастырямъ въ Китаѣ, писанная по монгольскими квадратными буквами²⁾.

Около того же времени, на другомъ концѣ сѣча, въ столице Китаѣ, открывали и изучали тѣ же памятники членъ нашей миссіи, архимандриг Аввакумъ Честный. По просьбѣ китайцевъ, которые не могли разобрать древнюю грамоту, выѣзданную на камнѣ въ городѣ Бао-динь-фу, постенный архимандриг началъ трудиться надъ нею, и руководясь сходствомъ ея букви съ тибетскими, прочелъ ее. Оказалось, что это была грамота, данная одною изъ ханший буддийскимъ монастырямъ. При разысканіи по этому случаю, о. Аввакумъ нашелъ въ одномъ китайскомъ археологическомъ сборнике и ярлыкъ Баянту-хана. Третій памятникъ квадратныхъ письменъ есть похвальный отзывъ о кнѣгѣ Джуни-юнѣ, написанный на китайскомъ языке, но монгольскими буквами. Присоединивъ еще легенды изъ монетахъ китайскихъ чингисидовъ, мы исчислили всѣ памятники четвероугольныхъ письменъ, какъ были досѣтъ извѣстны. Но недавно открылся новый любопытный памятникъ ихъ.

Въ 1846 г. купецъ Аянанынъ нашелъ въ минусинскомъ округѣ енисейской губерніи серебряную дощечку съ монгольской надписью четвероугольными выѣзданческими буквами. Она состояла изъ слѣдующихъ четырехъ строкъ:

1) Zeitschrift fur die Kunde des Morgenlaend, Bd. II, S. 1 — 21: Versuch ueber eine alte mongolische Inschrift. H. C.

Вскорѣ академикъ Шмидтъ объявилъ переводъ о. Аввакума и примѣчанія Григорьева неправильными по двумъ главнымъ причинамъ: во-первыхъ потому, что слово *мёнкэ* въ надписи не есть собственное имя хана, а простой эпитетъ къ слову *тэнэри* (небо) и значитъ «вѣчный», и во-вторыхъ потому, что основанные на членѣ о. Аввакума предположенія объ употреблѣніи монголами тангутскихъ письменъ не имѣютъ основаній³⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, большая часть письемъ и грамматъ чингисидовъ, которая дошла до насъ въ подлинникахъ и переводахъ, начинается фразой: *Мёнкэ тэрикэн кучунг-дур*, «сило вѣчного неба». Но въ нашей надписи слово *Мёнкэ* вынесено на красную строку, какъ будто оно собственное имя владѣльца лица, потому что это одно изъ важнейшихъ дипломатическихъ формъ у китайцевъ и монголовъ, и это всего болѣе и склонило г. Григорьева принять *мёнкэ* за собственное имя; въ добавокъ къ тому, имъ это стоитъ между двумя строками нѣсколько выше, такъ что приходится позади слова *тэнэри*, и впереди *хана*, и слѣдовательно должно быть отнесенъ къ посѣдѣнію. Шмидтъ убралъ, что оно поставлено между строками для симметріи и за недостаткомъ мѣста, — объясненіе, которое недостаточность доказала Григорьевъ въ своемъ отвѣтѣ⁴⁾. Возраженіе Шмидта заключалось преимущественно въ этихъ двухъ пунктахъ, не касаясь другаго главнаго вопроса: точно ли тангутская азбука употреблялась у монголовъ? Правда, онъ предложилъ еще нѣкоторыя поправки въ переводѣ о. Аввакума, а отъ иныхъ потомъ и самъ отказался.

Между тѣмъ ко мнѣнію Григорьева присоединилъ свою авторитетъ патріархъ напись синологъ, о. Іакинъ⁵⁾. Въ изданной

ромъ восточныхъ языковъ и проч. (Отпечатано изъ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1846 г., т. XVI).

1) Ueber eine mongolische Quadrat-Inschrift aus der Regierungszeit der mongolischen Dynastie Juan in China, въ Bulletin scientifique, tome IV, № 9. Эти замѣчанія Шмидта напечатаны были и на русскомъ языке въ Библиотекѣ для чтенія, 1846 (внѣбр.) и С.-Петербургскіхъ Вѣдомостяхъ 1846 г., № 249. H. C.

2) Отвѣтъ г. академику Шмидту на замѣчанія его о монгольской надписи, найденной въ восточной Сибири (1846). — Второй отвѣтъ г. академику Шмидту на новые замѣчанія его и пр. (1847). H. C.

3) Замѣчанія по поводу слова о монгольской надписи времена Мунка-хана, въ Финикѣ, Вѣстнѣкѣ, 1847 (новы). H. C.

по этому поводу статьи, они объясняли, что лётопись китайская, говоря об изобретении письмен Юань-хэо и Пакбо, употребляют такие выражения, которые не выражают вполне изобретения новых вещей, потому что этого изобретения и не было на самом деле: ни Юань-хэо, ни Пакба не изобрели ничего. Юань-хэо, хорошо знавший языки китайский и тибетский, взял в основание своему труду тибетскую азбуку и только приспособил ее к произношению тангутских звуков; а Пакба-лама взял в основание тангутские буквы Юань-хэо и только приспособил их к произношению монгольских звуков. Другими словами: письмена, «изобретение которых приписывается» в Европе Пакбо-ламе, вовсе не были его изобретением, а составлены Юань-хэо, которого изобретение состояло лишь в переделке на иной лад тибетской азбуки, задолго до него существовавшей. После столь ясного признания со стороны ориенталиста, которого мнение так уважаются, мнение Григорьева казалось утверждением очевидческим; но и Шмидт продолжал упорствовать в своем мнении, и вопрос оставался не решенным.

Недавно явился новый памятник подобного рода и поднял дебаты снова.

В марте 1848 года, баронъ Штиглиц доставил в Императорскую Академию Наукъ серебряную дощечку съ монгольскими надписями уйгурскими буквами. Дощечка эта, по своей форме совершенно сходная съ тою, которая подала поводъ къ полемикѣ, была вырыта еще въ 1845 году въ имѣніи барона, въ селѣ Грушевѣ, екатеринславской губерніи. Надпись на ней и украшены сверху, которыхъ не было на прежней дощечкѣ, вызолочены и сохранились въ совершенной целості: она читается весьма легко, слѣдующимъ образомъ:

*Монъ таги-инъ күчүн-дург,
екъ су доками-инъ изязн-дург:
Абдула-инъ докарыкъ кана улу
буширку кумунъ алдаху, укуку.*

Т. е. «Вѣчного неба силу, величимъ соизволеніемъ и могуществомъ (его), Абдулы повелѣнію который человѣкъ не повинуется, (тотъ) проступится, умретъ».

указали. Говорили, что споръ состоится изъ двухъ вопросовъ: 1) собственное ли имя или нарицательное въ надписи — слово *монъ*, и 2) употреблялись ли у монголовъ тангутскія письмена Юань-хэо? Стоитъ решить только одинъ изъ этихъ вопросовъ, чтобы опровергнуть или доказать другой.

Шмидтъ ссыпалъ доказать, что *монъ* въ надписи значить не больше, какъ «вѣчный», хотя тутъ онъ или всякий другой долженъ быть доволѣствоваться предположеніями и догадками; ибо *монъ* попадаетъ въ собственныя имена только по своему положенію въ красной строкѣ, безъ всякаго подтвержденія со стороны исторіи. Мы возьмемъ другую методу и воспользуемся темъ, что Шмидтъ упустилъ изъ виду: постараемся изъ достовѣрныхъ фактовъ исторіи, безъ всякихъ предположеній, вывести что-нибудь про то илиcontra мнѣнія Григорьева объ употребленіи монголами тангутскихъ письменъ.

Китайская и монгольская лѣтопись ни слова не говорятъ обѣ этомъ. Если бы монголы взяли у тангутовъ ихъ азбуку, то это по всей вѣроятности было бы записано въ китайской лѣтописи подъ тѣмъ годомъ, въ который Чингисъ покорилъ Тангутъ. Но ни лѣтопись династіи Юань, ни «Гань-му» (сводъ лѣтописей всѣхъ китайскихъ династій) не упоминаютъ о заимствованіи письменъ отъ тангутовъ, тогда какъ о паденіи ихъ царства онъ сообщаютъ довольно много данныхъ. Изъ мусульманскихъ историковъ ориенталисты выбрали множество фактовъ обѣ уйгурской письменности, но ни слова о тангутскихъ. Возможно ли, чтобы Рашидъ-аддинъ не знать, если бы монголы употребляли эти письмена? Обратимся къ свидѣтельствамъ современныхъ.

Вотъ что говорить Ройсбруку о письменахъ, тангутовъ (chap. XXXIX): «Ces (жители) de Tanguth écrivent de la droite à la gauche, comme les Arabes, et en montant en haut multiplient leurs lignes».

Если наша надпись писана, какъ предполагается, азбукой Юань-хэо до приспособленія ея Пакбою къ монгольскому языку, то отчего же въ ней строки расположены перпендикулярно, а не горизонтально, отъ правой руки къ левой? Кто еще передѣлывалъ тангутскую азбуку до Пакбы? — Это свидѣтельство Ройсбрука тѣмъ болѣе важно, что онъ былъ въ Монголіи въ

Въ этой надписи нова для насъ вторая строка, которая впрочемъ находится въ языке Буйнту-хана. Разберемъ ее подробнѣе. *Су* значитъ «авторитетъ, величие, власть; лица, дѣйствовавшія отъ имени хана, ставили въ началѣ своихъ актовъ: *ханан-су-дург* «авторитетомъ» или «въолею хана»; такъ въ письма Аргуна, въ языке (еще неизданномъ) одной ханши, и то же самое въ началѣ письма Байджу, монгольского полководца, къ папѣ: *dispositione divina*, «божественнымъ расположениемъ». *Джали* значитъ «могущество», «чудесное могущество»; *изязн* «заступление, покровительство». Вся эта фраза выражаетъ ту защиту, то покровительство, которое небо даруетъ хану. Первый дѣлъ строки нашей надписи переведены были на русский языкъ, кажется, еще очень давно; въ началѣ языка, данного Узбекомъ митрополиту Петру, говорится: «Вышнаго и бессмертнаго Бога (*Монъ таги-инъ*) силы (*кучун-дург*) и волю (*су*) и величествомъ (*джали*) и милостью его многою (*екъ*). Этотъ переводъ намъ кажется вѣрнѣ, искаженъ тотъ, который мы видимъ у Марко-Поло. Нѣтъ сомнѣнія, что дощечка эта принадлежитъ Золотой ордѣ, и Абдула, здѣсь упомянутый, царствовалъ по монетамъ съ 1362 или 1363 по 1368 или 1369 годъ¹⁾. Историческаго обѣ немъ ничего неизвѣстно, кроме того, что онъ имѣлъ много совѣтниковъ; можетъ быть въ 1368 и 69 годахъ онъ царствовалъ вторично; въ русскихъ лѣтописяхъ онъ называется Абдуль и Орудъ; въ лѣтописи подъ 1362 годомъ сказано, что пришелъ во Владимира «посоль изъ Мамаевы орды отъ царя Абдула съ приложениемъ величайшаго вложениѣ владимирскаго». Первый отчетъ о вновь найденной дощечкѣ помѣщенъ мною въ «Бюллетенѣ историко-филологического класса Императорской Академии Наукъ²⁾. Но съ тѣхъ поръ открылось многое къ объясненію предмета, что и побудило меня приняться за новую статью о дощечкахъ. По этому поводу нельзѧ было не вспомнить полемики между нашими ориенталистами, которой кратко содергованіе мы

1) См. Франа, Монеты хановъ Золотой Орды, переводъ М. Волкова, стр. 20.

П. С.

2) Bulletin de la classe hist philol., tome V, № 9: Erklrung einer mongolischen Inschrift aus einer im Jekaterinoslawchen Gouvernement ausgegrabenen Silberplatte, von Dordshi Bansarow. Nachtrag, ibid. № 12. П. С.

1253 году, при дворѣ того самаго Монка-хана, котораго имя хотятъ найти въ надписи. И о письменахъ монголовъ въ то время Ройсбрука выражается весьма опредѣлительно и вовсе не въ пользу заимствованія ихъ отъ тангутовъ. «Les Jugurs (уйгуровъ), продолжаетъ онъ, écrivent de haut en bas, et въ другомъ мѣстѣ (ch. XXVII: les Tartars ont pris leurs (уйгуровъ) lettres et leur alphabet; ils commencent par en haut, qui comme une ligne va finir en bas etc.... Les lettres que le chan Mangu (Монка-ханъ) envoie à votre Majesté (къ Людовику Святому) sont érites en langue Moal (монгол), mais en caractères Jugurs».

Плано-Карпини, бывшій въ Монголіи въ 1246 году, при Гуюкѣ-ханѣ, пишетъ (см. Путешествие его, кн. 2, глава V): «Il alla (Чингисъ-ханъ) attaquer les Huires (уйгуровъ) qui étaient chrétiens Nestoriens, qu'il vainquit: et les Tartars prirent leurs lettres et caractères; car auparavant cela ils ne savaient ce que c'était que d'écrire, et aujourd'hui on appelle ces lettres-là, lettres des Mongales».

Въ китайской лѣтописи разсказывается, когда именно и по какому случаю монголы заимствовали свои буквы у уйгуръ. Въ 1204 году Чингисъ-ханъ разбилъ владѣтеля племени Найманъ и между прочими взялъ въ пленъ главнаго сановника побѣженного хана, по имени Та-та-тунъ-о. Онь имѣлъ при себѣ печать своего повелителя, Чингиса, пѣнишника и сдавалъ его хранителемъ своей печати. Та-та-тунъ-о зналъ уйгурское письмо, которому выучилъ старшаго сына Чингисова и другихъ монголовъ, и такимъ образомъ ввелъ его между монголами³⁾.

Мусульманскіе историки также сообщаютъ не мало извѣстий о письмѣ уйгурскомъ и о заимствованіи его монголами. Уже приведенные нами свидѣтельства прямо доказываютъ, что, кроме династіи Юань, всѣ чингисиды писали уйгурскими буквами, которые вывезли гулаги въ Персию и джучиды въ Кинчакъ, и употребляли его, какъ официальную азбуку, во всѣхъ дѣлахъ внутри и вѣтъ государства своихъ. Что же за нужда была Монка-хану вдругъ писать свое повелѣніе тангутскими буквами? Марко-

1) Abel-Rémusat, Nouv. Mélang. Asiat. T. II, p. 61 et suiv.

Поло, который долго жил между самыми тангутами, ничего не говорить о замысловатой монгольской их лексике; но онъ сохранилъ намъ два перевода подобныхъ надписей (см. ниже) и въ обоихъ нѣтъ собственного имени хана, хотя одни надписи очевидно однозначуща съ нашимъ. Слово «Богъ», которымъ онъ переводитъ монгольское *тэнчи*, въ обѣихъ надписяхъ его сопровождается эпитетами. Если дадимъ больше вѣроятія историческимъ фактамъ, нежели сомнительному положенію слова *мэнж* въ вашей надписи, то надобно будетъ сознаться, что въ ней имени Монг-хана не должно быть потому, что она писана квадратными буквами, а ихъ по Хубилья монголы не могли знать.

Переходя к самой надписи, не находим в ней ни кромбъ мѣнѣ, ничего такого, что бы говорило въ пользу предположеній нашихъ ориенталистовъ; напротивъ того, въ ней есть такие признаки, по которымъ можно заключить, что она писана настоющими Пакинскими буквами. Шмидтъ утверждалъ, что слово *ханъ* имѣло бы въ себѣ знакъ родительного падежа (*y*), еслибы *мѣнѣ* было собственнымъ именемъ. Когда Григорьевъ всорвалъ на это съ своей стороны, то академикъ началъ доказывать, что въ *ханъ* заключается «центральное понятие», Centralbegriffъ всей фразы, отъ чего и вѣтъ при немъ знака родительного падежа. И въ томъ и другомъ случаѣ Шмидтъ ставилъ въ авторитетъ собственное убѣжденіе, не объяснявъ, почему онъ такъ лумастъ.

Г. Поттог говорит⁴), что тут ошибкой не поставлено значение убийства, не быть может оно таки думать. Г. Поттог говорит⁴), что тут ошибкой не поставлено значение убийства, не быть может оно таки думать.

Знакомство с языком, то есть труда замытый бы, что хан отнести къ кэр «имя», какъ прилагательное къ своему существительному, и въ этомъ случаѣ пѣть нужно изъ падежей для ихъ соединенія: *хаанъ-наръ* значить не имя какого нибудь хана, а вообще имя ханское, царское имя; въ противномъ случаѣ надобно было бы сказать *Мёнкъ хаану наръ*, т. е. «имя хана Мёнка». Это одна изъ самыхъ обыкновенныхъ правилъ монгольского языка. Такимъ образомъ фраза: *гаана-наръ күнүүкъ болтой*, *жын учу бүчинеку*, *алдаху ууку*, является какъ парадигмой изъ монгольскихъ законовъ, общепринятой въ монгольской грамматикѣ.

1) Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. Bd. VI, S. 326.

что онъ взяты имъ отъ тангутовъ, если это было въ самомъ дѣлѣ такъ? Неужели этого бы не знали при дворѣ Хубилая?

Мы здесь перебрали все возможные факты, чтобы решить вопрос, и, куда ни обратись, нигде не находим ни малейшего доказательства в пользу того, чтобы монголы в надписи было имя хана; напротив, все удостоверяется настолько, что оно попало в красную, не какъ имъ царствующаго хана, а по непостижимой для насъ случайной причинѣ. Можно думать, что оно попало в красную строку по ошибкѣ гравера-китайца, не знаявшего монгольской грамоты, или что это еще слѣды обычая царствования Монгола-хана. При немъ, какъ мы увидимъ ниже, эти дощечки уже были въ употреблении у монголовъ. Изъ лести или для приданія надписи современной важности, могли монгольские секретари хана Монгола ставить нарочито слово монголъ, которое собственно должно стоять передъ изнери, сверху между двумя строками, такъ, чтобы оно могло быть отнесено къ обѣимъ: въ первой строкѣ оно значило «вѣчный», а во второй являлось собственнымъ именемъ царствующаго хана. Но въ последствій, когда при Хубилай стали переписывать эти надписи новыми буквами Пакы, которыми велико писать не вѣсъ государственныхъ дѣлъ, слово монголъ могло оставаться, благодаря привычкѣ китайцевъ держаться строго старины, въ томъ положеніи, какъ оно писалось при Монгол-ханѣ. Конечно, это догадка; но только ею и можно объяснить, почему монголъ странными образомъ поставлено въ надписи между строками.

Теперь о назначении этих дощечек. Когда появился ойф, все согласны были в том, что ойф давался чиновникам на дорогу, каки открыты листы. Объясняется вновь открытую дощечку, я придала ей слишком большую важность: ошибка была тут очень естественна, потому что мы не имели тогда никаких помощниковых доказательств, которые бы могли разъяснить вопрос. Статья о новой надписи уже была напечатана, как я напечатал в «Путешествии» Марко-Поло, объяснения этих памятников; вскорь оказалось, что Катермер, Д'Осонн и Гаммерер уже приводили эти извѣстія венеціанскому путешественнику, именно говоря о такъ называемыхъ папізѣ, о которыхъ часто упоминаютъ персидскіе историки эпохи Гулагидовъ.

муюло. Въ самомъ дѣлѣ, послѣднюю строку находимъ въ такъ называемомъ завѣтѣ Чингисхана, присланномъ отъ Байджу, при письмѣ къ папѣ. Великий хань, который съ своей стороны присыпалъ этотъ завѣтъ къ Байджу для обнародованія между западными народами, представляетъ неообходимость покориться ему безъ сопротивленія: «Сие мое постановленіе, — пишетъ онъ, — да достигнетъ до сѣйдѣйнія каждого невѣжды и ученаго. И такъ, кто услышитъ это и не станетъ выполнять, тотъ да встрѣбуется, погибнетъ, умретъ» (*destructur, perdetur et morietur!*) Безъ сомнѣнія, послѣдніе слова суть неоксуский переводъ нашихъ *къна узу башаржу, алдау, укуру*, а вся папа надпись содержитъ въ себѣ общую формулу законную, въ которой собственнаго имени хана не должно быть.

Но вновь найденной надписи *мёнкэ* стоит въ начаљѣ, въ значеніи «вѣчный»; если присоединить къ этому два перевода подобныхъ надписей, которые сохранились у Марко-Поло, и тѣхъ вовсе неѣ собственного имени, то аналогически надоѣло будетъ принять *мёнкэ* въ обыкновенномъ его значеніи «вѣчный», и допустить, что, какъ бы подобныи надписи ни варьировались, *мёнкэ* все-таки сопровождало слово «небо», потому что вѣчность, по стариннымъ религиознымъ понятіямъ монголовъ, счищалась, отличительнымъ свойствомъ неба, какъ верховаго божества. Впрочемъ, въ серединныхъ фразахъ и на монетахъ встречается просто: *тэгэрэн-кучна дур*.

Еще один факт из самой надписи: если она писана азбукой Юань-хадо, до приноровления ее Пакбою, то пристрой написи должен был иметь каких либудь особенности против настоящей Пакбинон азбуки, потому что языки монгольский и тангутский принадлежат к двум разным семействам; но, сравнивъ нашу надпись въ отношении почерка и орографии съ позднѣйшими тиблыками, которые написаны буквами Пакбы, не находимъ ни малѣйшей разницы между ними; даже замененное слово мёнхъ въ надписи написано такъ же необычно, какъ и въ ярлыкъ Буйнту-хана, именно монгкса. Наконецъ еще одинъ вопросъ: почему же китайскіе историки, которые довольно подробно говорятъ объ изобрѣтѣніи буквъ Пакба-ламо, не упоминаютъ,

«Въ словарѣ Бурхани-кати, говорить Катрмеръ¹⁾, находится слѣдующее толкованіе: слово пайзѣ означаетъ грамоту, которую царь жалуетъ какому либо лицу и которая доставляетъ сему послѣднему право на общее повиновеніе». Пайзѣ, замѣчаетъ тутъ же ориенталистъ, не были исключительно золоты; ибо авторъ Джиганъ-кюшай упоминаетъ о золотыхъ и серебряныхъ. Тотъ же авторъ говорить о пайзѣ съ львиною головой; въ его твореніи читаемъ: «Онъ имъ показалъ особенное вниманіе, показалъ имъ пайзѣ со львиною головой и ярлыкъ».

таким, показывая им пизе со львиными головами и крыльями. Таким образом нашлось настоящее название наших донцеек. Марко-Поло не упоминает о названии пизе; но темъ не менѣ объясняется ихъ назначение чрезвычайно ясно и обстоятельно. Вотъ цѣлая глава (Cap. III, lib. 11) изъ его Путешествий:

«Великій ханъ» (монгольскій, — въ его времѧ Хубилай) «на-значаетъ 12 самыхъ мудрыхъ изъ своихъ князей для того, чтобы они узнавали о подвигахъ офицеровъ и начальниковъ его армій, въ особенности во время походовъ и сражений, и доносили ему объ этомъ, чтобы ханъ, извѣщеніемъ о нихъ заслуживъ, воз-вышалъ ихъ по достоинству». Такъ производится онъ сотни-ковъ въ тысячики, жалуетъ имъ много серебряныхъ вещей и обычныя дощечки или значки, показывающіе приказъ или благородство. Дощечки, которыя даются сотникамъ, бываютъ серебряныя, тысячики золотыя или серебряные позо-ложеныя; а темники (или десятитысячики) получаютъ золотыя дощечки съ изображеніемъ львины головы; первыя имѣть въ 120 saggii²), а послѣдніи 220. Надписи на нихъ начинаются слѣдующими словами: «Силою и могуществомъ великаго Бога, и милостью, которую онъ намъ даровалъ наше царство, да будетъ имя хана благословлено, и всѣ тѣ, которые не повинуются приказу (вырѣзанному) на до-щечкѣ, должны претерпѣть смерть и уничтоженіе».

Очевидно, что это та самая надпись, которая вырезана на дощечкѣ квадратными буквами, со вставкой только второй строки

1) Histoire des Mongols de la Perse. T. I, p. 138.
 2) Венеціанський сагіо розвиняється шестої дали уніці.

надписи на другой известной намъ дощечкѣ. *Тэнчи* переведено словомъ «Богъ», потому что европейцы въ средніе вѣка думали, что монголы подъ именемъ *тэнчи* почитаютъ Бога; странно, что здесь небу придается звание «великий», неупотребительный у монголовъ. Фраза «и милостію, которою онъ намъ даровалъ наше царство» есть возможно понятный, но вольный переводъ словъ *эхе су джами-ин чалэн дүр*, которая занимаетъ вторую строку на Абуллинскомъ пайзѣ; а конецъ перевода опять соответствуетъ квадратной надписи. Слова *ханнанго хутуктай болтгай* и т. д. переведены почти такъ, какъ у о. Аввакума.

«Начальники», продолжаетъ Марко-Поло, съ которыхъ есть эти дощечки, пользуются сопряженными съ ними привилегиями, и въ надписи прописывается, какъ именно обязанности и какая власть вручена имъ. Начальникъ стягиваетъ войска или главнокомандующий надъ большою арміею имѣть золотую дощечку, въсюю въ 300 салли (*saggi*); на ней находятся вышеупомянутые слова, а сверху изображены левъ, солнце и луна. Онъ пользуется преимуществами своего высокаго званія, какъ они дарованы ему на его великотѣшную дощечку. Когда онъ выйдетъ, надъ его головою держать зонти, знакъ его сана и власти; когда онъ сидитъ, сидить въ серебряныхъ креслахъ. Великий хань жаждетъ нѣкоторыхъ велиможъ своего царства дощечками, на которыхъ изображены кречеты; въ силу этихъ дощечекъ нѣкоторые важные князья водятъ за собою, какъ стражу своей особы, цѣлью арміи. Они могутъ брать, по своему произволу, лошадей изъ императорскихъ конюшень для своего употребленія, и присвоиваютъ себѣ лошадей офицеровъ ниже ихъ чиномъ. — Когда дядя и отецъ Марко-Поло побѣхали въ Европу съ порученіемъ отъ хана, то онъ велѣлъ имъ дать золотую дощечку, на которой было вырезанъ ханскій знакъ, по обычаямъ, введенному Его Величествомъ: тотъ, кому она дана, долженъ быть безопаснѣе провожаемъ, вмѣстѣ съ своею свитою, отъ станций до станций, губернаторами всѣхъ мѣстъ, въ ханскихъ земляхъ, и во время своего пребыванія въ какомъ-либо городѣ, замѣкѣ или дворѣ, имѣть право требовать жизненныхъ припасовъ и всикую вещь, необходимую для его удобства. Она имъ очень пригодилась на

пути, где имъ, по предѣвліеніи дощечки, давали все нужное и конное. Они воротились въ Китай съ Марко-Поло. Наконецъ всѣ трое опять отправились въ Европу моремъ, въ сопровождѣніи невѣсты, назначенной для Аргунь-хана. И въ это путешествіе хань велѣлъ дать имъ золотую дощечку, на которой было вырезано его почетнѣйшее, чтобы имъ оказывали свободный и безопаснѣйший пріемъ во всѣхъ частяхъ его царства, равно какъ и всякой необходимой защищѣ имъ и ихъ свитѣ. Когда они высадились на берегъ въ Персіи, представили принцессу и собралисьѣхать въ Венецию, то правитель Персіи далъ имъ «много золотыхъ дощечекъ, изъ которыхъ каждая была 1½ лотка длиною и 5 дюймовъ шириной, а вѣсомъ въ 3 или 4 марка. На нихъ было написано: Силою вѣчнаго Бога, имя великаго хана всегда должно быть всходу почитаемо и восхвалляемо, и всякий, кто не будетъ повиноваться ему, долженъ умереть, а имѣніе его конфисковать. Далѣе написано было, что трое посланы, какъ его (великаго хана) представители, должны быть во всей землѣ признаными стольниками уваженіемъ, всѣ требованія ихъ исполнены, необходимымъ конвой имъ данъ. Все это было въ точности исполнено, и изъ многихъ мѣстъ ихъ прохожала стража въ дѣлѣ человѣкъ».

Изъ всего, что говорено о пайзе, должно полагать, что они были двухъ родовъ: одни были знаки отличія, и давались за важныя заслуги; другіе же—простыя дорожные документы, охраняныя грамоты для чиновниковъ, посланныхъ куда нибудь отъ хана.

Называніе пайзе, которое ориенталисты нашли у персидскихъ писателей, пришло изъ Персіи вмѣстѣ съ монголами изъ восточной Азіи¹⁾; оно не что иное, какъ китайское пай-дзы, «дощечка, табличка»; въ сложныхъ названіяхъ *чин-пай*, *хо-пай* оно употребляется безъ пріавочнаго дзы, его опредѣляющаго. Въ монгольскомъ языке осталось это слово въ двухъ своихъ зна-

1) Мы сохранили во всей статьѣ русскую транскрипцію слова, введенную г. Банзаровымъ, хотя признаемъ ее не совсѣмъ удачно, потому что пайзе, не имѣя обрученной формы, отступаетъ и отъ персидской транскрипціи *پایه* (съ первымъ долгимъ слогомъ) и отъ китайской *পাই-চৰ*. Ужъ не лучше ли употреблять форму *байса*, сохраненную въ языкахъ, даннныхъ Алексѣю митрополиту?
П. Савельевъ.

ченіяхъ, которые мы ему придали выше. *Бай* дослѣдѣ по-монгольски значить между прочимъ «призъ, награда», которую получаютъ на играхъ борцы и бѣгуны; а *мурунин-бай* означаетъ особое украненіе на попонѣ, которое даетъ право брать на дорогѣ подводы и кормы.

Въ Китаѣ употребленіе значковъ, болѣе или менѣе похожихъ на пайзе, восходить до глубочайшей древности. По нашему же лаванию, нашъ синонимъ о. Палладій Кааровъ взялъ на себя трудъ выписать изъ китайскихъ книгъ нѣкоторыя подробности объ этомъ рода значкахъ; съ благодарностью сообщаю часть ихъ, какъ введеніе въ исторію пайзе.

«При разныхъ китайскихъ династіяхъ дѣлали эти таблички или значки изъ металловъ, камней, дерева и даже шелковыхъ матерій. Назначеніе ихъ было также разнообразно: одѣгъ (гуй и тѣ-циланъ), грамматы, писанные золотыми буквами) давали право на вассальное владѣніе; другія (тио-цизы, замѣтки, гуань-фани, охраняли) означали простое поданіе или служили охраной, какъ пайзе; иныи (фу, бѣртельная бамбуковая дощечка) собирали вассаловъ ко двору ихъ верховнаго властелина; на цин-пай (золотая дощечка) и синь-пай писали объявленіе или приказаніе, посылаемое куда нибудь; съ цинь-цизы-пай (дощечка съ золотыми буквами) курьеръ долженъ былъ проскальзать 200 verstъ въ день; хо-пай были то, что наши дорожныя и проч.

Замѣчательно также, что до династіи Хань (съ 206 до Р. Х. по 23 по Р. Х.) у китайскихъ императоровъ символомъ ихъ власти была такъ называемая вѣрительная дощечка изъ краснаго нефрита, длиною 3 фута и шириной въ 8 дюймовъ; на обеихъ краяхъ ея было по отверстию для спирковъ изъ бѣлого нефрита. Надпись золотыми буквами гласила: тянъ чи ди фу си, т. е. «снѣба почетнѣйшемъ императора вѣрительная печать». Императоръ Цинь-ши-хуань-ди приказалъ вырезать на этой печати слова: шо у минъ юй тянъ, т. е. «принадлежать волю отъ неба».

Когда пайзе взяты монголами отъ китайцевъ — опредѣлить трудно; но Марко-Поло несправедливо говоритъ, что этотъ обычай введенъ Хубилаемъ. Изъ истории видимъ, что въ 1218 году Чингисъ далъ своему знаменитому полководцу Мохоли титулъ

ко-ванъ, право рѣшать дѣла своимъ именемъ, клятвенную граммату и золотой значекъ).

Достовѣрно, что при Монга-ханѣ они уже употреблялись монголами. По словамъ армянского историка Орбеляна, Монга-хань далъ царю Сембаду пайзу золотую, т. е. дощечку, на которой вырезано было имя Бога и имя хана. Рюисбрюкъ разъясняетъ: *Mangga donna à ce Moal* (посланному въ Европу) ses tablettes d'or, qui est une plaque d'or, large comme la main et longue de demi-coudée, où son ordre était gravé. Celui qui porte cela peut demander et commander tout ce qui lui plait et tout est exécuté sans délai²⁾. Въ 1260 году Хубилай-хань далъ одному своему полководцу, за одержанную имъ победу надъ претендентами на велико-ханскій престолъ, «золотой значекъ тигра», *анжени-тасгай тамзату*, съ изображеніемъ тигра? Безъ сомнѣнія, пайзе давались великими ханами весьма часто, какъ видно изъ словъ Марко-Поло.

Вмѣстѣ съ завоеваніями монголовъ, распространялись по Азіи и пайзе. Мы уже знаемъ, что ихъ раздавали гулаги въ Персіи, и джучиды въ Кипчакѣ; кроме подлиннаго пайзе Абуллы, принадлежащаго къ разряду дорожныхъ документовъ, знаемъ, что Тимуръ-Пуладъ далъ какому-то Бей-хаджи *тайджикъ ярлыкъ*, т. е. ярлыкъ съ пайзѣ; такъ сказано въ ярлыкѣ Тохтамыша, данномъ Бей-хаджи въ 1382 г.³⁾.

Теперь естественно спросить: давались ли пайзе русскимъ князьямъ и сановникамъ отъ джучидовъ? Бывали они въ ордѣ въ великой милиции у хановъ, получали ярлыки, сѣдовательно и пайзе; но и нашесть одинъ только примеръ полученія пайзе русскимъ человѣкомъ. Въ рукописномъ перевѣдѣ ярлыка, даннаго Бердібекомъ Алексѣю, митрополиту кievскому и всемъ Руси чудотворцу, сказано: «байсу да ярлыкъ съ алою тамго дали есьмы на утверждѣніе вами»⁴⁾. Передѣлка пайзе въ байсу показываетъ,

1) Въ маньжуровскомъ перевѣдѣ сказано *анжени-тамзату*, «золотой знакъ, а не дара, печать», которую вѣрчива часто въ томъ перевѣдѣ. О. Іакинъ (въ «Исторіи четырехъ хановъ», стр. 89) перевѣзъ однако «печать». Кто правъ, точно я выразился нашъ синонимъ?

2) Voyage Chap. XXXV.

3) См. Записки Одесского Общества Исторіи и Древностей. Томъ I, стр. 338.

4) Одного изъ казахскихъ учениковъ, А. И. Артемьевъ, хранится руко-

что это слово было в употреблении у русских, стало быть и самая вещь была хорошо известна им. Может быть найдется въ русской истории и другой известий о пайзе³).

пись, заключающая въ себѣ множество любопытныхъ отрывковъ, и въ томъ числѣ перевѣти шести прыжковъ, данныхъ ханомъ Золотой Орды русскому духовенству. Прыжки эти тѣ самые, которые уже издаѣтъ Григорьевъ («О достоинствахъ ярыковъ, данныхыхъ ханомъ Золотой Орды русскому духовенству». Москва, 1842). Въ изданіи Григорьева въ текстѣ вѣтъ слова байсъ, но въ выпискѣ приведено: «вайдуса ярымы», вѣроятно имѣетъ байсу да ярымы, что будеъ согласно съ рукописью; видусъ въ поясненіи въ мотъ перепечатки.

Примечаніе П. Савельевъ. По замѣнѣ этой рукописи для вопроса о пайзѣ, сообщается описание ея, доставленное пашею И. Артемьевымъ.

«Рукопись моя, обширникъ конца XVII вѣка или даже начала XVIII, заключаетъ въ себѣ страницы различного содержания, преимущественно же духовенства. На листѣ 115—120 посыпаны писать ярыковъ: 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й въ 7-й приткну ярыковъ, поданныхъ Григорьевымъ. Разница моего списка съ ярыками Григорьева неизначительна; вѣроятнѣйший вариантъ именно слово байсъ. Въ подлинникѣ слово это находится въ 5-мъ ярыкомъ (у Григорьева 6-й) и вѣтъ въ какомъ писѣ: «Гайдъ речи байсу да ярымы съ алонъ тамгю дали есемъ на сутвердѣніе паша, тетику яѣта, десятаго мѣса, въ 10 новыя сълаты мѣса въ есемъ сорѣ османовъ».

(Рукопись листъ 119-й на обратной сторонѣ). Справа. стр. 128 диссертации г. Григорьева. Слова этого у него иѣтъ, а въ выпискѣ (121) сказано: «вайдуса съ ярымъ».

3) Примѣчаніе, принадлежащее не Банзарову, а Савельеву, отмѣчено initialsами П. С. или полными его именемъ.
Ред.

О ВОСТОЧНЫХЪ НАЗВАНІЯХЪ НѢКОТОРЫХЪ СТАРИННЫХЪ РУССКИХЪ ВООРУЖЕНИЙ.

(Записки Археологического Общества, т. II.)

Въ статьѣ: «О татарскомъ вооруженіи, хранившемся въ музеумѣ Его Императорскаго Величества въ Царскомъ Селѣ», читанной въ одномъ изъ первыхъ засѣданій Общества, замѣчено, что, «по общепринятому мнѣнію, русскіе заимствовали у татаръ вооруженія ихъ изъ колецъ и чешуй»¹). Но, совершенно-ли достовѣрно это мнѣніе? спрашивается даѣзъ автору. Вопросъ этотъ, говорить онъ, легко могъ бы быть разрѣшенъ, ежели бы по-средствомъ сравненія было опредѣлено, что большая часть выражений, употребляемыхъ на русскомъ языкѣ для означанія оружія и вооруженій съ XIV до XVI столѣтія, происходія татарскаго. Рѣшеніе вопроса, по его мнѣнію, могутъ содѣствовать ориенталисты сличеніемъ стариныхъ русскихъ названій вооруженій съ монгольскими, татарскими и т. д.²). Имѣю честь предложить Обществу истолкованіе нѣсколькихъ такихъ названій, въ видѣ первого опыта. Названія эти объясняны монгольскимъ и турецкимъ языками, по близкому средству которыхъ ихъ нельзя решительно отнести къ тому или къ другому изъ нихъ исключительно.

1) Записки Археологико-Нумизматического Общества, томъ I, стр. 47.
2) Тамъ-же, стр. 48 и слѣд.

Между оборонительными оружіями древнихъ русскихъ находились, между прочими, бахтерецъ, куликъ и тегиель; между наступательными, джидъ и сайдакъ. Предлагаютъ, на первый разъ, истолкованіе этихъ пяти напіменованій.

I. Куликъ, доспѣхъ изъ круглыхъ или четвероугольныхъ металлическихъ пластинокъ или бляхъ, которая набирались на сукнѣ, на бархатѣ и т. п. У монголовъ доспѣхъ существуетъ зуякъ , который дѣлается изъ жѣлезныхъ бляхъ, пришитыхъ къ кожѣ или къ какой-либо матеріи.

Плано-Карини описываетъ подъ именемъ «златъ» (logica) доспѣхъ монголовъ его времени, который дѣлался у простолюдиновъ изъ ремней, связанныхъ между собою веревочками такимъ образомъ, что они составляли чешуйчатую полосу; у богатыхъ и знатныхъ людей эти доспѣхи дѣлались изъ жѣлезныхъ бляхъ, нанизанныхъ уступами на ремни. Такъ одѣты были у монголовъ не только воины, но и лошади ихъ. Кулики и хуяки сходны, стало быть, между собою въ общемъ устройствѣ своемъ: они состоятъ изъ бляхъ, набраныхъ на матеріи.

II. Бахтерецъ или бахтерепъ, родъ кольчуги, у которой, на боковой, нагрудной и спинной частяхъ, было, вместо колецъ, поѣскольку рядовъ металлическихъ дощечекъ. Название этого доспѣха передѣлано, безъ сомнѣній, изъ монгольского бокхэрзъ, по турецкому (по словарю Бланка «кираса»). Мнѣ неизвестно хорошо устройство монгольского бахтера; словари толкуютъ, что это хуяки, которые носятъ отборное войскоъ бодгожана. Изъ всѣхъ соображеній можно заключить, что это тѣ же хуяки, но покрытый матеріатомъ или суконнымъ чалхомъ. Слѣдовательно, бахтеръ немногимъ отличается отъ русскаго бахтерца.

III. Тегиель былъ доспѣхъ съ короткими рукавами и высокимъ стоячимъ воротникомъ, томсто подбитый хлопчатою бумагою или пенькою. Подобный доспѣхъ и доспѣхъ существуетъ у монголовъ подъ именемъ «обокъ» , между тѣмъ, какъ тегиель или доспѣхъ называется тѣ у нихъ хуякъ безъ наплечника и поги. Но самое название тегиель (отъ существительного тегиель «шилье, стежка», происходящаго отъ шить) показываетъ, что первоначально подъ этимъ названіемъ

монголы разумѣли тотъ доспѣхъ, который нынѣ они называютъ обокомъ, то-есть древне-русскій тегиель.

Части, изъ которыхъ состояли доспѣхи, носятъ всѣ названія чисто-русскія: таковы: подборъ, подзоръ, ожерелье, запонъ, доски, кругъ, зарукавы, наколѣники, наручы и т. п. Только часть, защищавшая ноги, называлась батарлыкъ или бутурыкъ, называемый турецко-татарскимъ (бутурумъ), которое значить «панталонникъ» или «напоянникъ».

Между наступательными старинными орудіями русскихъ находимъ:

IV. Джидъ, метательное копье. У монголовъ и нынѣ копье вообще называется не иначе, какъ джисда или джада . Чахоль для лука у русскихъ назывался тохтуѣ; у монголовъ токтуй или доктуй означаетъ вообще чахоль, а въ тѣсномъ смыслѣ кожаный чахоль, сдѣланый по формѣ лука и употребляемый для защиты лука отъ сырости и для ношения его на плечѣ.

V. Сайдакъ, сагадакъ или садакъ, называли русскіе весь приборъ для стрѣляній, т. е. лукъ съ токтаемъ и стрѣлы съ колчаномъ. У монголовъ и татарь приборъ этотъ называется сайдакъ , сайдакъ и садакъ.

Вотъ оцѣнть объясненій изъ множества восточныхъ названій, означавшихъ у насть, въ старину, предметы вооруженій.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что русскіе очень мало измѣнили татарско-монгольскіе слова; но что самыя вещи, ими означаемыя, у русскихъ далеко отличались отъ настоящихъ монгольскихъ и отѣлко въ богатствѣ матеріала. Это весьма естественно. Монголы и турецкіе племена привезли съ собою грубыя произведенія стечныхъ мастеровъ къ народу болѣе ихъ образованному, который ихъ усовершенствовалъ въ теченіи времени, сохранивъ имъ однако родное ихъ название и основную, первоначальную форму.

Сверхъ того, сохранившіеся до нынѣ въ Россіи доспѣхи и

оружия принадлежали царям и знатным лицам. Приобретенные заказами, покупкой или в подарок от азиатских владыц, эти доспехи отличаются роскошью, далеко недоступною для простого воина.

Все это наводит на мысль: заимствование русских от монголов и татар, в предметах вооружения, не составляли ли одну только роскошь богатого класса народа?... Чтобы отвечать утвердительно на этот вопрос, требуется весьма подробное знакомство с памятниками древней Руси. Не принимая на себя такого труда, могу однако же заметить, что заимствование от востока вооружений не должно было изгонять собою древнего, собственно русского, но служило только к дополнению и усовершенствованию последнего. У русских были и до XIII столетия мечи, копья, луки, стрелы, колчуги и щиты, которые остались и после того в употреблении, потому что новые предметы, как например джиль, бахтерец, северга и тому подобные, составили только особые виды известных уже до того русских оружий.

Некоторые части этих предметов вооружения обозначались словами чисто восточными, как-то: елань (широкая часть меча), кибит и мадиян (части лука), набалдашник, — доказательство, что и в устройстве (технической части) этих предметов русские многое заимствовали от востока.

Но сравнивая древне-русскую колчугу с монгольским тегилем, надобно согласиться, что последние были выработаны для небогатых людей простого устройства, деревянного материала, из которого делались, и легкостью. И потому, мне кажется, можно допустить, что эти заимствованные предметы вооружения были во всеобщем употреблении. Это мнение ни сколько не лишено правдоподобия, если даже допустим, подобно автору статьи о татарском вооружении¹⁾, что сохранившимся до насъ вооружением, которая необходимо заставляют предполагать большее познание въ выѣздахъ и обработкѣ металловъ, деланы мастерами какказского племени Кубечи, или научившимися у нихъ татарами, у которыхъ эти вооружения должны все-таки сохра-

1) Записки, I, 49.

нить наименование татарское: ибо привычки, нужды и вкусъ татар заставили ихъ отыывать свою вооруженія въ особенномъ родѣ. Но, какъ простой воинъ не могъ употреблять богатое вооруженіе, то куники, бахтерцы, тегиляи и т. п. должны были у простаго народа сохранить ту простоту въ формѣ и отдалѣ,

которую они отличались у самихъ монголовъ и татаръ.

Говорить, что русские, признавъ превосходство монгольского вооружения, заимствовали его у нихъ для побѣждѣнія врага его же оружіемъ. Мне кажется, къ этому можно прибавить еще другія причины заимствования. Извѣстно, что побѣдленные народы обзываются выставлять монголамъ войско для ихъ походовъ, а потому и русскіе нѣрѣдко должны были участвовать въ ихъ войнахъ междусобныхъ или вѣщніхъ. Тутъ не только русские зналились близкѣ съ вооруженіемъ побѣдителей, но и послѣдніе сами могли требовать, чтобы русскіе воины вооружались, какъ слѣдуетъ, ибо Чингисъ-ханъ въ своемъ «санѣ» установилъ относительное вооруженіе известныхъ правилъ, которыми потомками строго соблюдались. Наконецъ яжалованье и дары, по восточному обычая, оружіемъ со стороны хана и его вельможъ не мало распространяли между русскими монгольское вооруженіе. Сверхъ выше приведенныхъ названий, остается еще множество восточныхъ, для объясненія которыхъ нужно близкое знакомство съ языками турецко-татарскими, персидскимъ и арабскимъ; таковы: байдана, колонтарь, юшманъ, кончерь, томарка, северга, чалдаръ и т. п.

преданія прямо съ Бортчию (сѣрого волка). Монгольскія лѣтописи говорятъ, что онъ былъ сынъ одного тибетскаго государя, Бѣкала изъ Тибета, онъ пришелъ въ Монголію, где нашелъ племя Бата или Батга, избавившее его своимъ ханомъ, и женился на дѣвѣ Гоя-маралѣ (прекрасной лани), отъ которой имѣлъ двухъ сыновей: Батачи или Батчи, и Батасъ или Батэсъ. Это самое поголовье, какъ увѣряетъ Сананъ-Саидъ, было названо при Чингисъ-ханѣ Монголъ. По китайскимъ историкамъ Батачи, родоначальникъ монгольскихъ хановъ, родился отъ волка небесно-голубаго цвета и бѣлой дикой лани¹⁾, т. е. у нихъ монгольскія имена Бортѣ-чин и Гоя-маралъ приняты въ нарицательномъ смыслѣ. Тибетскіе царевичи съ монгольскими именами, женатый на дѣвѣ, которой имя также означаетъ животное, едавали можетъ быть принять за историческое лицо. У самого Сананъ-Саидъ есть мѣсто, где онъ говоритъ, что Чингисъ-ханъ, собираясь на охоту, предсказываетъ, будто на охотѣ явится сѣрый волкъ (бортѣ-чин) и прекрасная лань (гоа-маралъ), и запрещаетъ убивать ихъ; это преданіе содержитъ намекъ на то, что чингизиды производили свой родъ отъ этихъ животныхъ, что, впрочемъ, не рѣдкость въ преданіяхъ Средней Азіи. Монголы, не зная родословной своихъ владыцъ далѣе Батачи, по общему обыкновенію, прибѣгали къ самовыслу, и чтобы воззвысить родъ своихъ хановъ, приписывали ему необыкновенное происхожденіе. Въ глазахъ падожныхъ буддистовъ еще почетѣ было происхожденіе отъ тибетскихъ государей, и вотъ почему Бортѣ-чинъ произведенъ ими въ тибетскіе царевичи. Если Бортѣ-чинъ дѣйствительно существовалъ, то вѣроятнѣе всего онъ былъ изъ племени Курласть, какъ пишутъ мусульманскіе историки.

Такимъ образомъ достовѣрная генеалогія чингизидовъ начинается съ Батачи-хана, который, можетъ быть, имѣлъ еще другое имя, ибо Батачи-ханъ значить просто «ханъ Батасъ», ханъ племени Батасъ. Можетъ быть Батачи первый сдѣлался самостоятельнымъ княземъ этого племени, и отъ него получилъ это имя: отъ того-же монголы не помнятъ его предковъ. Имя Бата, Батъ (Бата, Батъ) надѣжало шуму, когда оно, по изданіи лѣтописи съ Са-

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИМЕНИ „МОНГОЛЬ“.

(Библиотека Восточныхъ Историковъ, И. Березина, т. I. (Казань 1849). Приложение II, стр. 1—IV).

Мусульманскіе историки рассказываютъ, что у Илинджа, пропавшаго Яфетова¹⁾, было два сына: Монголь и Татаръ, которые сдѣлялись родоначальниками двухъ народовъ монгольского и татарскаго или турецкаго. Близкое родство не помышляло этимъ народамъ поссориться: произошла кровопролитная война, окончившаяся совершеннымъ истреблениемъ монголовъ. Изъ всего народа осталось только двое мужчинъ Иргусъ и Калынъ или Халинъ и дѣвъ женщины, которые бѣгали вѣтъ вмѣстѣ и укрылись въ долинѣ Эргунъ или Эргизъ-хонъ. Здѣсь въ продолженіе четырехъ-сотъ-дѣтинъ пребыванія поколѣніе монгольское такъ размножилось, что уже не могло помѣщаться въ долинѣ и искало изъ нея выхода, но троинку, по которой предки пробрались въ долину, потомки забыли: только догадливость одного кузеня²⁾ дала монголамъ возможность выбраться изъ Эргизъ-хона³⁾. Въ это время ханомъ у монголовъ былъ Бартчанъ. Здѣсь монгольские писатели сходятся съ мусульманскими, потому что первые не знаютъ ни монгола, ни татара, ни вражды ихъ потомковъ, а начинаютъ свои

1) Здѣсь, издателемъ «Библиотеки» г. Березина было сдѣлано примѣчаніе: «Этотъ Илинджъ въ нашей рукописи» (т. е. въ рукописи Шелбани-наме, текстъ и переводъ которой и составлены содержаніе первого тома «Библиотеки») «называется Азиджъ». Ред.

2) Объ этомъ см. ниже въ ст. «О названіи Эргизъ-хона».

3) См. ниже въ той же статьѣ.

1) Mém. relatifs à l'Asie, par Klaproth, 204.

нангъ-Сээнза, сдѣлалось извѣстно оренталистамъ, какъ древнее название поколѣній Монголъ; некоторые совсѣмъ отвергали существование этого имени; г-н Шмидтъ отыскивалъ его въ историкахъ западныхъ и китайскихъ, но прибранный имъ извѣстій едва ли относится къ этому поколѣнію, которое до Чингись-хана всегда было незначительно. Если надобно допустить, что поколѣніе Монголья когда-то называлось Бата, то по какому случаю и когда возникло имя Монголья? По монгольской лѣтописи Алтанъ-тобчи оно произошло еще въ то время, когда Борт-чинъ прѣбылъ изъ Тибета въ Монголію; г-н Шмидтъ, слѣдуя Санангъ-Сээнзу, думалъ, что оно дано монголамъ самимъ Чингись-ханомъ и произведено отъ корня *мона*, «строительный», «дерзкий»¹), а мусульманские историки производятъ его отъ *мунга* «слабый», «вечальный».

Чтобы ни значило слово *мона* или *мунга*, по свойству самого языка монголовъ не могло ихъ имъ произнести отъ этого корня; безъ всякой натяжки оно разлагается на Мон-голь, «рѣка Монъ». Значеніе этихъ словъ прямо указываетъ, откуда произошло это имя, т. е. отъ рѣкъ, на которой жилъ самый народъ; такимъ-же образомъ отъ рѣки Салданъ называны Салдануты, отъ рѣки Охко-Охонуты, отъ Хуанъ-хо или Желтой рѣки (Шира-голь) Ширатоголы, и проч. Производство названій Монголь имѣло отъ этихъ двухъ словъ доказывается тѣмъ, что первое изъ нихъ (монъ) встрѣчается въ собственныхъ именахъ владѣтельныхъ лицъ поколѣній Монголъ; Буданцарь Мон-ханъ «хань монголь», Мона-лунъ (жена Махадокна) «книжка монгольская»².

Слѣдовательно бы теперь представить эту рѣку Монъ, но мы не отыщемъ ея въ географіяхъ и на ландкартахъ, а найдемъ только гору Мона, которая зовется еще Мона-ханъ, т. е. царемъ горъ. Она возвышается въ южной Монголіи на сѣверномъ берегу Желтой рѣки противъ области Ордосъ. Изъ европейцевъ только миссионеръ Жербильонъ, путешествуя съ китайскимъ императоромъ

1) Этотъ отрывокъ взятъ Санангъ-Сээнзомъ, вѣроятно, изъ какой-нибудь старинной поэмы, потому что онъ написанъ аллитерацией, а между прочимъ на слогъ *мо*, *мона*; авторъ поэмы, занятый подборомъ рифмы, вовсе не думалъ объяснять происхожденіе слова «монголь».

2) Это имя произведено такимъ-же образомъ, какъ другія китайскія имена: Тумалунъ отъ Тумонъ, Алталунъ отъ Алтанъ.

коій питалъ къ горѣ Мона. Кромѣ того изъ горъ южной Монголіи Мона одна удостоилась жертвоприношений у древнихъ монголовъ. Все это показываетъ, что какое-то историческое воспоминаніе связывало монголовъ съ этой горою.

Впрочемъ, чтобы подтвердить мое мнѣніе, я приведу факты, которые показываютъ, что поколѣніе Монголъ, по всѣмъ историческимъ указаніямъ кочевавшее постоянно въ сѣверной Монголіи, жило нѣкогда около горы Мона-ханъ. Извѣстно, что монголы до Чингись-хана составляли части сильного племени татаръ (о. Яакинъ) перенесли это имя въ Татаанъ и повторяется, что Татаанъ означаетъ сильное племя, къ которому принадлежали монголы и поколѣніе Татаръ, съ которыми не должно смѣшивать Татаанъ, но еще г. Клапротъ доказывалъ, что у китайскихъ историковъ Та-та и Та-танъ означаютъ одно и то-же, т. е. татаръ. Въ началѣ IX столѣтія по Р. Х. татары (Татани о. Яакинъ) изъ сѣверной Монголіи перекочевали къ Ордосу, и усилившись здесь, перешли опять на сѣверъ и заняли Халху¹), а поколѣніе Монголъ составляло часть татаръ; Клапротъ говорилъ, что этотъ переходъ татаръ на югъ случился вскорѣ послѣ 824 года²). Одна китайская лѣтопись пишетъ, что когда Киданъ разрушилъ государство народа *Мозго* (въ нынѣшней Маньчжурии), то часть этого народа перешла на югъ къ горамъ Инь-шанъ (изъ пѣнъ этихъ горъ находятся наши Мона-ханы), и здесь называлась Та-та, т. е. здесь они впервые сдѣлялись изѣбѣстами китайцамъ подъ именемъ татаръ³). Монголы же, составляя часть татаръ, разумѣются, пріоночевали съ ними вмѣстѣ на югъ, и именно къ тѣмъ мѣстамъ, где находятся горы Мона-ханы. И такъ, если монголы въ началѣ IX вѣка кочевали около горы Мона-ханъ, то отчего-же имъ было не получить своего имени точно такимъ-же образомъ, какъ въ XIV вѣкѣ монголчины? До этого времени составляя часть татаръ, они вѣроятно назывались Бата, какъ говорятъ у Санангъ-Сээнза преданіе. Принятіе какимъ-либо поколѣніемъ нового имени всегда соприкасалось у кочующаго народа съ пріобрѣтеніемъ боль-

1) Записки о Монголіи, II, 175.

2) Клапротъ, Mém. relatifs à l'Asie, 467.

3) Schott, Aelteste Nachrichten von Mongolen und Tataren, 25.

Кань-си, имѣло случай видѣть ее¹). Около этой горы должна протекать эта рѣка, которая называлась и можетъ быть теперь называется Мон-голь; по крайней мѣрѣ въ XV-мъ столѣтіи она называлась этимъ именемъ; доказательствомъ этому служитъ то, что одно поколѣніе, поселившееся около горы Мона-ханъ и составлявшее одни изъ шести тумановъ (корпусовъ, союзовъ), получило название Монголчинъ по мѣсту своего кочеванія²). Этимъ обстоятельствомъ я былъ наведенъ на мысль искать тутъ же объясненіе общаго нынѣ имени Монголь. Не должно думать, чтобы это Монголчинъ было то самое древнее поколѣніе, изъ котораго произошелъ Чингись-ханъ; старинное поколѣніе Монголь само дѣлилось на множество малыхъ ордъ, которыхъ, при общемъ переборѣкъ племенъ во времена Чингись-хана, распалась на части, и со-брательное имя ихъ монголъ стало означать весь народъ монгольский; новое же поколѣніе союзъ Монголчинъ состояло изъ разныхъ ордъ, не принадлежащихъ древнему поколѣнію Монголь, и притомъ это было союзъ поколѣній, а не ханство, и следовательно не было господствующаго поколѣнія, которое сообщило бы свое имя другимъ; по-этому союзъ назывался по кочеванію своему около горы Мона, Монголчинъ, прибавивъ конечную частицу *чин* для отличія отъ общаго тогда всему народу имени Монголь, которое нѣкогда возникло на тѣхъ-же мѣстахъ.

Монголы имѣютъ особенное почтение къ горѣ Мона. Преданіе говорятъ, что Чингись-ханъ, проѣзжая мимо ея въ Тангутъ, сказалъ: «Вотъ гора, достойная служить убѣжищемъ для погибающаго народа, обитателемъ для благоденствующаго, для дряхлыхъ оленей жилищемъ въ ихъ старости, и для старцевъ мѣстомъ успокоенія». — Когда-же Чингись-ханъ, по словамъ Санангъ-Сээнза, скончался въ Тангутъ, и когда похоронная процесія его проходила мимо горы Мона, то колеса телегъ, на которой везли тѣло монгольского монарха, упали въ землю такъ, что телеги не могли движнуться стъ мѣста³). По замѣчанію лѣтописи Алтанъ-Тобчи это случилось по пристрастію, которое по-

1) Duhalde, Description de l'Empire de la Chine, IV, 474.

2) Geschichte der Mongolen, 151, 153, 157, 189, 207, 243.

3) Geschichte der Ost-Mongol., 99 и 107.

шѣй или менѣшей самостоятельности; такъ и начало имени Монголь должно принять одновременнымъ съ началомъ вражды монголовъ съ проклятыми ими повелителями татарами, врандзами, оконченной Чингись-ханомъ; съ другой стороны Китай легко могъ быть причиной отпаденія монголовъ отъ татаръ: приближеніе сильной орды татаръ къ границамъ Китая не могло не беспокоятъ китайцевъ, которые въ этихъ случаяхъ считаютъ за лучшее рассорить опасныхъ имъ народовъ.

И такъ для начала имени Монголь и политической значительности въ стенахъ самаго поколѣнія, подъ этимъ именемъ извѣстнаго, надобно принять первую половину IX столѣтія. И дѣйствительно, извѣстіе о монголахъ, находимыя въ китайскихъ лѣтописяхъ, не простирается далѣѣ этой поры: въ первый разъ упоминается въ истории династіи Тань (618—907) народъ Монгъ-у, жившій на южномъ берегу нынѣшней Аргуни¹); стало быть извѣстіе это относится къ тому времени, когда монголы опять перешли съ береговъ Желтой рѣки на сѣверъ.

Имѣя въ виду эти факты, нельзя придавать поколѣнію Монголь ни той древности, ни той важности до Чингись-хана, какую хотѣть прѣдать имъ г. г. Шмидтъ, Дегинъ и о. Яакинъ. Г-н Шмидтъ, вполнѣ вѣрѣ тибетскому происхожденію Борт-чину, полагалъ, что Борт-чинъ жилъ около 73 года по Р. Х.²). При своемъ вычислѣніи знаменитый оренталистъ основывался на числѣ поколѣній потомковъ Борт-чину до Чингись-хана, которыхъ было до двадцати пяти, но число владѣтелей другихъ поколѣній средней Азіи, какъ-то Хунну, Сянъ-би, Жужанъ, Уйгуръ, Тугъ, Киданъ и Ю-чики, попремѣнно владѣвшихъ Монголію отъ Р. Х. до XIII столѣтія, т. е. до Чингись-хана, составляетъ не двадцать пять, а пѣсколько сотень, и невозможно, чтобы монгольские владѣтели одни были такъ долговѣчны, что каждый изъ нихъ, по смерти своего отца, царствовалъ пятьдесятъ лѣтъ. Такъ выходить по вычислѣнію г-на Шмидта. Столъ же несправедливо Дегинъ, Шмидтъ и о. Яакинъ старались доказать, что эта маленькая орда монголовъ владѣла среднею Азіею подъ именами Хун-

1) Schott, Aelteste Nachrichten v. Mongolen und Tataren, 19.

2) Schmidt, Forschungen, 75.

ну и Тугю. Г. Шмидтъ считаетъ Тобо-хана изъ династіи Ту-гю за одно лицо со Добо-маргэномъ, одиннадцатымъ предкомъ Чингисъ-хана; между тѣмъ онъ не сообразилъ своей мысли съ изданною имъ Абтоносю Сананъ-Саэнза, въ которой Добо-маргэнъ представлена ничтожнымъ княземъ, бродящимъ съ своимъ народомъ около нынѣшней Урги, а одному изъ сыновей его Буранцару, при раздѣлѣ наслѣдства, достается одна только паршивая лошадь, тогда какъ Тобо-ханъ оставилъ послѣ себя цѣлую имперію.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛОВА ЧИНГІСЪ.

(Баба. Восточн. Истор., т. I. Прилож. III, стр. 18—19.)

Существуетъ много толкований на это знаменитое слово. По Абуль-гази оно происходитъ отъ *чина*, которое будто по-монгольски значитъ «великий», и *изэ*, окончанія превосходной степени, а по Д'Оссону отъ *чинг* «могущественный» и *изэ*, знака множественнаго числа. Правда есть монгольское слово *чингэ*, но оно значитъ «твърдый», а не великий или могущественный, окончаніе же *изэ* въ монгольскомъ языке не находится. Монголы и китайцы рассказываютъ, что Чингисъ взято съ крика одной птицы. Г. Шмидтъ справедливо замѣтилъ, что это слово нынѣ не имѣть на монгольскомъ никакого значенія, да и искать этимологію его почти неѣть нужды. Кому извѣстно политическое состояніе Монголіи въ эпоху появленія Чингисъ-хана, тотъ легко пойметъ, что монгольскому завоевателю не нужно было принимать титула великаго, могущественнаго, воинственнаго и т. п., ему нуженъ быть титулъ въ другомъ смыслѣ. До появленія Чингисъ-хана Монголія, состоя подъ вліяніемъ Китая, дробилась на множество мелкихъ племенъ, которымъ назывались *плами*, и владѣтельнъ ихъ присваивалъ титулъ *иль-хановъ*; некоторые изъ нихъ укрѣпились китайскимъ титуломъ *вансъ*, князь. Если владѣтель успѣвалъ соединить подъ свою власть неѣсколько пловъ, что называлось *гуръ*, то онъ получалъ титулъ *гуръ-ханъ*. Въ этомъ смыслѣ ханы Хара-китайские назывались *гуръ-ханами*, и по-этому же врагъ въ соперника Чингиса Джамуха, на собраніи боровшихся съ

Чингисъ-ханомъ племенъ, былъ провозглашенъ ими *гуръ-ханомъ*¹⁾. Когда Тамуджинъ покорилъ себѣ всѣ племена средней Азіи, ему нуженъ былъ приличный его положенію титулъ; побѣдивъ иль-хановъ и гуръ-хановъ, онъ бы унизовъ себѣ, если бы усвоилъ себѣ ихъ званіе, ихъ, которые были его подданными. Эту самую мысль высказалъ шаманъ Бутъ-тэнгри въ рѣчи, обращенной къ Тэмучину на курилтѣ. Не смотря на эти слова, я не могу допустить, что Чингисъ-ханъ, собравши нарочно курилтѣ для возшествія на престолъ и принятія нового титула, предоставилъ присказки этого титула шаману. Бутъ-тэнгри былъ только исполнителемъ воли Чингисъ-хана; послѣдній не только не хотѣлъ, какъ выше сказано, титула подобного гуръ-хану, но еще хотѣлъ быть равнымъ китайскому императору. Для этого онъ объявилъ себѣ сына неба, и потому принятый имъ титулъ Чингисъ долженъ былъ означать нечто выше гуръ-хана, соотвѣтствующее китайскому *хуанъ-ди* «императоръ». Я думаю, что Тамуджинъ возстановилъ древній титулъ великихъ хановъ народа Хіунъ-ну, владѣвшаго всемъ Монголіемъ съ 214 г. до Р. Х. по 93 по Р. Х.²⁾, титулъ *Tchen-uyi*, Чентъ-ю, а по сѣверному китайскому или пѣрвѣшнему произношению *шанъ-юй*. Китайцы, выражая эту титулъ по возможности своими іероглифами, толкуютъ, что это слово значитъ то-же, что ханъ; они же говорятъ, что Хіунъ-ну называли своихъ хановъ также тэнгри-кубу, т. е. «сынъ неба»³⁾. Я уже замѣтилъ, что у монголовъ былъ шаманскій бого Xаджиръ Чингисъ тэнгри «сынъ неба»⁴⁾. Слѣдовательно Хіунъ-ну распользовали китайцамъ значеніе *Tchen-uyi* (Чингисъ) другими монгольскими словами тэнгри-кубу, и потому можно, не входя въ этимологію слова Чингисъ, принять, что они равносильно титулу

1) О. Іакиновъ, Истор. четыр. хановъ, 20, въ подлинникѣ пишется *цанъ-гуръ* (король) ханъ въ перевѣдѣ о. Іакиновъ, не извѣстно почему, перемѣнено въ Чу-ханъ.

2) О. Іакиновъ, Записки о Монголіи, II, 9.

3) Хотя Maila говоритъ, что имъ Чентъ-ю можетъ по-китайски читаться еще *Танъ-ю* (Tan-jo), изъ чего онъ заключаетъ, что это можетъ быть исченное китайское *Tien-tsé*, тянъ-зи, т. е. сынъ неба, однако эти слова, по свойству монгольского языка, не могли быть пренаписаны въ Чингисъ (Maila, Hist. de la Chine, III, 142—143).

4) Ученые Записки, 1846, III, 69.

«сынъ неба» или «императоръ». На это можетъ быть возразить, что въ безграмотномъ и дикомъ народѣ не могло такъ долго сохраняться преданіе о народѣ Хіунъ-ну и титулъ его хановъ; но кто будетъ спорить, что можетъ быть самое имя народа, дурно переданное памъ китайцами, существуетъ еще и нынѣ въ Монголіи, а тѣмъ менѣе можетъ кто-либо утверждать, что преданіе о первомъ могущественномъ ханствѣ, давшемъ сильное движеніе всѣмъ племенамъ средней Азіи, не могло сохраниться въ Монголіи до Чингисъ-хана; всякий допустить, что преданіе могло быть искажено, могло забыть самыхъ Хіунъ-ну, но легко могло сохранить мысль, что ханъ, владѣющій всюю Монголію, называется «Чингисъ». Я даже имѣю поводъ думать, что Рашидъ-Эддинъ сохранилъ средне-азійское преданіе о Хіунъ-ну, но обѣ этомъ говорить здесь не мѣсто.

долина). И такъ Эргэн-хонъ значить по-монгольски ложбина, падь съ отвѣсными краями, долина, окруженнаго отвѣсными горами, какою и представляетъ ее преданіе. У монголовъ есть обыкнавать горамъ имена самыхъ простыхъ венцей, по сходству наружной ихъ формъ: такъ находимъ Алтанъ-табынъ (золотое блѣдо), Тобо (дымникъ у юрты), Муна (палца, колотушка), и наконецъ мысъ, на которомъ стоитъ Тобольскъ, назывался у татаръ Алтанъ-Аргинакъ. Нынѣ у монголовъ *эрзэнъ* значить «шакаль»; можно допустить, что настоящее имя нашей горы было не Эргэнъ, а Эргэнъкъ, где окончательный изъязвъ отъ следующей горы. Гора Эргэнъкъ существуетъ еще и нынѣ въ южной Монголии, и тамъ-же встрѣчается название Хонъ въ именахъ нѣкоторыхъ горъ, какъ-то: Хара-хонъ, Уланъ-хонъ и проч. По-этому можно нѣкоторымъ образомъ признать, что древняя Эргэнъ-хонъ находилась въ щѣли горъ, идущихъ по южной Монголии рядомъ съ Великою Стѣною, тѣмъ бѣлье, что покойные Монголы нѣкогда кочевали въ этихъ мѣстахъ (см. выше ст. «О происхожденіи имени Монголь»). Впрочемъ, надобно замѣтить, что кочевые народы переходятъ иногда огромныя пространства, заселяютъ новые места, которымъ даютъ имена мѣстностей старыхъ кочевьевъ; оттого нельзѧ утверждать, чтобы не нашлось горы съ именемъ Эргэнъ-хонъ въ сѣверной, западной или восточной Монголии; съ открытиемъ такой горы наша догадка о мѣстоположеніи Эргэнъ-хона уничтожается сама собою, но во всякомъ случаѣ должно признать, что объясненіе Рашидъ-Эддина справедливо.

حون سکان، حون سکان، حون سکان т. е., *حون*, и наконецъ Киргизы (I. c. 69, 17, 123; Журн. Мин. Нар. въ Просвѣщ. 1843, май, Отд. II, 97). О лѣсныхъ народахъ Рашидъ-Эддинъ говоритъ: «между монголами есть много *حون* такихъ племенъ.... Такъ и Тайджуты суть лѣсной народъ, потому что живица ихъ расположена между землями Монголии, Киргизовъ и Баргутовъ. Словомъ, есть много сортовъ лѣсныхъ народовъ». Эти лѣсные народы, отдѣлены отъ прочихъ монголовъ самою природою, говорили языкъмъ нѣсколько отличнымъ отъ языка прочихъ монголовъ, что замѣтъ и Рашидъ-Эддинъ, говоря объ Ойратахъ; они также въ образѣ жизни и занятіяхъ нѣсколько отличались отъ прочихъ монголовъ, будучи по преимуществу зернодѣлами; Ойраты, живиши, какъ говорить Абуль-Гази (Родосл. Истор. о Татарахъ, т. I, стр. 156), по рѣкамъ, владѣющими въ Ангару, были настоящими лѣсными народомъ. Обыкновенно объясняются названіе Ойратъ черезъ «чингизъ», «согозникъ», производя его отъ монгольского *обро облизакъ* (*Nachricht über die Mong. Völk. 6; Шмидта Forschungen*, 45; Записки о Монголии, I, 134; Истор. Обозрѣніе Ойратовъ, 3, 24), не стѣсняясь тѣмъ, что это производство не только грамматически невозможно, но несогласно и съ исторіей. Изъ исторіи Чингисъ-хана видно, что до него Ойраты составляли обыкновенный монгольский пѣль или орду, а не союзъ племенъ. Покоренные Чингисъ-ханомъ Ойраты при немъ еще менѣе могли составлять какой-либо союзъ. Угэтий-ханъ, сынъ Чингисъ-хановъ, оставилъ много сыновей, которыхъ при избрании великаго хана, послѣ смерти Угэтия, быди обойдены выбо-ромъ. При Мунж-ханѣ эти сыновья были сосланы въ Джунгарію за покупщеніе на ханство. Съ тѣхъ поръ западная Монголія не разъ была поприщемъ восстаний потомковъ Угэтия противъ великихъ хановъ. Эти обстоятельства безъ сомнѣнія были источникомъ ненависти калмыковъ къ монголамъ и къ дому Чингиса. Какъ скоро монголы были изгнаны изъ Китая (1368 г.) и торжественно китайцы начали тѣснить ихъ, калмыки выступаютъ немедленно на борьбу съ монголами; въ 1393 г. калмыкъ Батула-Чинсангъ досталъ себѣ у слабаго монгольского хана власть надъ четырьмя Ойратами, Дурбизъ-Ойратъ. Здѣсь начало явленіе Ойратовъ въ видѣ самостоительного народа, когда они на самомъ

О НАЗВАНИИ ЭРГЕНЪ-ХОНЪ.

(Библіот. Восточн. Истор., т. I. Прилож. IV, стр. ۱۴—۱۵.)

Название *ار کنه قون*, по принятой Рашидъ-Эддиномъ ореографіи монгольскихъ словъ, слѣдуетъ читать Эргэнъ-Хонъ (Хунъ, Гонъ, Гунъ), а не Эргэнъ-Конъ. Рашидъ-Эддинъ и другіе историки не опредѣляютъ мѣстоположенія этой долины, и потому европейскіе ученые отыскали ее произвольно по всей Монголіи. Шмидтъ считаетъ ее за уроцище Гунъ-эрги около Кѣкѣ-пора (*Geschichte der Ost-Mongol.*, 372); Миллеръ (*Сибирск. История*, 35) и о. Іанкіевъ (Истор. Обозр. Ойрат. 7) предполагаютъ ее между Алтайскими горами; Фишеръ (*Сибирск. Истор.*, 22) окколо береговъ нынѣшней Аргуни. Эти разногласія мнѣній основаны у каждого писателя на своихъ причинахъ: согласить ихъ невозможно, да и принять которое-нибудь изъ нихъ тоже нельзя. Поэтому мы удовольствуемся объясненіемъ самаго названія, которое Рашидъ-Эддинъ tolкуетъ какъ «круглой горной скатъ». Въ нынѣшнемъ монгольскомъ языке это название не известно, однако можно доказать, что оно монгольское. Эргэнъ происходит отъ *حون*, яръ, берегъ (какъ *حون* чахолъ, бурка отъ *حون* форма, *حون* все въ родѣ шашеп *حون* пиши, отъ *حون* рѣзать (*حون*) и *حون* будетъ значить «берегообразный, отвѣсный, круглой». Отъ слова *حون* остались только производные, какъ-то *حون-خور*, «углубленіе», «ложбина», *حون-خا*, «дупло», *حون-داجا*, «ушка»; изъ значеній этихъ словъ видно, что корень *حون* долженъ означать «углубленіе», «ложбина», «скатъ» (въ якутскомъ *хону*

ОБЪ ОЙРАТАХЪ И УЙГУРАХЪ.

(Библіот. Восточн. Истор., т. I. Прилож. V, стр. ۱۶.)

Мусульманскіе и китайскіе лѣтописцы упоминаютъ обѣ одной части Монголіи, называвшейся Баргузинъ - Тумумъ (*برغۇزىن*; *تۇمۇم*); это название, которое можно перевести «Западная область», китайцы переводятъ «ущелье Ба-р-ху-чженъ» (История четырехъ хановъ, 16, 21, 361; Maila, Hist. IX, 20). Подъ этимъ именемъ разумѣлась, по словамъ Рашидъ-Эддина, часть сѣверной Монголіи, лежащая на западѣ отъ Селенги (Учн. Зап. Каз. Унив. 1841, IV, 120; ср. 81), иначе называемая Баргу (*برغۇ*); Марко Поло также упоминаетъ о равнинѣ Баргу, лежащей на сѣверѣ отъ монгольской столицы Хара-Хорума и простирающейся до Океана¹⁾.

Въ этой странѣ жили, по Рашидъ-Эддину, Бургуты (*بۇرغۇتى*), Бураты или Буруты, Хори (*تۇرى*), нынѣшніе Хоринскіе Бураты) и сходные съ ними Туматы (*تۇمات*), называемые общимъ именемъ Баргутъ (*برقۇت*), «Западные» (Учн. Зап. 1841, IV, 119—129). Тутъ-же обитали Ойраты, Каракумчины (ловцы блоковъ), Булагачинъ (ловцы соболей), Ойнъ-Урзинха (*ئۆئىن اور با تەكىت*) лѣсные Урзинхайы), Урасутъ, Теленгутъ, Кастаны, «похожіе на монголовъ», называемые лѣсными народами, по-монгольски

1) Имя Баргу сохранилось доселе въ названіяхъ Баргу-Бурятъ и Баргузинъ (рубка, на которой стоятъ Баргузинскіе, городъ въ Иркутской губерніи).

дѣлъ начали дѣйствовать въ видѣ союза, но союзъ этотъ заключается въ единодушіи противъ монголовъ, а не въ имени, которое существовало задолго до того времени; прибывочное же *Дурбэн* «четыре» явилось не потому, чтобы калмыки составили тогда союзъ четырехъ племенъ, но по другому поводу и притомъ еще въ XIII столѣтіи. Чингисъ-ханъ поставилъ всѣхъ монголовъ на военную ногу, всѣдѣствіе чего всѣ племена были раздѣлены на тумэны или десятитысячные корпуса, которые служили вмѣстѣ съ тѣмъ и административными дѣлами народу.

Изъ Ойратовъ оно составило четыре тумэна: по-этому-то монголы вместо *Дурбэн* *Ойрат* говорятъ еще *Дурбен*, *Дурбэн түмэн* и *Дурбэн түмэн Ойрат*. Это дѣлѣніе на тумэны сохранилось въ Монголіи до владычества монголовъ. — Въотъ гдѣ начало Четырѣкъ Ойратовъ, а не въ формальномъ составленіи настоящаго четвернаго союза. По-этому я думаю, что Ойратъ происходитъ вовсе не отъ *айро*, а состоялъ изъ словъ *ай-ратъ* *ж*, которая соотвѣтствуетъ Рашидову *Ойын Ирген* и турецко *ж* му *Лаччи*, т. е. «лѣсной народъ». Мы выше видѣли, что *ж* Ойраты до Чингисъ-хана, живя въ Баргуджинъ-Тукумѣ, принадлежали къ лѣснымъ народамъ. Такимъ образомъ вѣроятно они жили въ лѣсахъ южной Сибири, и въ извѣстную эпоху, за-долго до Чингисъ-хана, присвоили себѣ нарицательное Ойратъ въ видѣ собственного имени. Въ этомъ еще болѣе уѣдѣмся, если разберемъ составъ племенъ, образовавшихъ изъ себѣ Ойратъ. По монгольскому преданию, сообщенному Санангъ-Сэнцономъ (Gesch. der Ost-Mong., 56), четыре Ойрата состоятъ изъ племенъ: 1) Углазъ, 2) Багатутъ, 3) Хонгъ и 4) Каргутъ. Это безъ сомнѣнія дреѣйшій составъ ойратскихъ тумэновъ. Новѣйшій извѣстій калмыковъ считаютъ четырьмя Ойратами: 1) Углазъ, 2) Хонгъ-Багатутъ, 3) Баргу-Бурягъ (вмѣсто Каргутова), 4) Дурбеть, Даунъ-таръ, Хонгутъ и Торгутъ. Въ этомъ дѣлѣніи очевидно представленъ составъ Ойратовъ двухъ различныхъ эпохъ, ибо первыи четыре поколѣнія суть тѣ самыи, изъ которыхъ, по словамъ Санангъ-Сэнцона, нѣкогда состояли Ойраты, тогда какъ въ новѣйшее время они состояли изъ послѣднихъ четырѣхъ племенъ (Даунъ-таръ, Дурбеть, Хонгутъ и Торгутъ). Палласъ, пользуясь ими, неизвѣстно какими источниками,

считаетъ такъ: 1) Ойлѣтъ (Углазъ), 2) Хойтъ, 3) Тумэть (по другому его источнику Батутъ) и 4) Баргу-Бурягъ (Sam. hist. Nachr. über die Mong. Völkerschaften, B. I, 5); Абуль-Гази же говоритъ (Родос. Ист. о Татарахъ, 156, 157), что Хори, Тумэты, Теленуты, Урасуты и Кастамы произошли отъ Ойратовъ. Изъ этихъ народовъ Углазъ, Хонгъ, Багатутъ, Дунгары (Чорости), Хонгуты и Торгуты не упоминаются въ числѣ монгольскихъ народовъ во времена Чингисъ-хана. По-этому надобно полагать, что эти племена возникли уже послѣ XIII столѣтія или они входили въ составъ древнаго поколѣнія Ойратъ. Баргу-Бурягъ суть Бургуты и Хори Рашидъ-Эддинъ, а Каргуты — Каргуты, того-же писателя; въ спискѣ Ойратовъ Санангъ-Сэнцона они поставлены вмѣсто Баргу-Буряга калмыцкихъ преданій. Очень вѣроятно что эти два поколѣнія нѣкогда составляли въ обратствѣ одинъ народъ (Geschichte der Ost-Mong., 373). Между калмыцкими племенами въ новѣйшее время было поколѣніе Киргизъ (о. Іакиновъ, Истор. Обозр. Ойратовъ, 29). Слѣдовательно нельзя отвергнуть, что Киргизы принадлежали нѣкогда Ойратамъ. Тумэты, до переселенія своего на югъ, принадлежали также къ Ойратамъ, ибо, кроме приведеннаго обѣ этомъ калмыцкаго извѣстія, Абуль-Гази подтверждаетъ это, да и по кочевью своему въ Баргуджинъ-Тукумѣ они необходимо должны были войти въ составъ Ойратовъ. Въ вышеприведенныхъ спискахъ замѣчается разногласіе въ племенахъ четырехъ тумэновъ, изъ которыхъ состояли Ойраты, но это доказываетъ только одно, что въ разныи времена по разныи обстоятельствамъ то или другое изъ поколѣній обратскихъ составляло особый тумэнъ. Подобный примеръ можно найти и въ новѣйшей исторіи Ойратовъ: когда Торгуты откочевали въ Россію, то отъ поколѣнія Даунъ-таръ были отдѣлены Дурбеты, заступившие мѣсто Торгутовъ. По-этому въ разногласіи приведенныхъ нами извѣстій о составѣ Ойратовъ должно видѣть не ошибку писателей, но только то, что эти извѣстія относятся къ различнымъ эпохамъ. Тогда окажется, что лѣсные народы, которые, по словамъ Рашидъ-Эддина, жили въ Баргуджинъ-Тукумѣ, называны были Чингисъ-ханомъ Ойратами и составили четыре тумэна. Изъ этого я за-

ключаю, что даже во времена Чингисъ-хана имя Ойратъ принималось въ значеніи лѣсного народа.

Между племенами монгольскихъ поколѣній есть особенные имена по числамъ. Такъ встрѣчаемъ названія Хонгъ отъ хонгъ, «двадцать»; Дурбеть отъ *дурбэн*, «четыре»; Дологатъ отъ *долон*, «семь»; Найманъ «носень»; Исуутъ отъ *исун*, «двадцать»; Хори, «двадцать»; Даугутъ отъ *даауң*, «стотъ»; Мингатъ отъ *минан*, «тысяча»; Тумэтъ отъ *түмэн*, «десять тысячъ». Эти численныи имена чаще встрѣчаются между народами Баргуджинъ-Тукума; по-этому я думаю, что имена Киргизъ и Каргутъ произведены отъ тюркскаго *ئىرۇق*, «сорокъ», съ окончаніемъ множественнаго числа.

Профессоръ Каземъ-Бекъ считаетъ Ойратъ и Уйгуръ за однозначительныи нарицательныи имена, которыми обозначались союзы народовъ средней Азіи, допускаетъ, что Уйгуръ дѣйствительно произведено отъ турецкаго *ülmak*, «приѣхать», «приѣхать», какъ толкуетъ Абуль-Гази (Жур. Мин. Нар. Прос., 1841, авг., Отд.-П.). По моему мнѣнію дѣйствительно есть сродство между этими именами, но только въ другомъ родѣ: Уйгуръ происходитъ отъ *ж* лѣсъ, и *ж* идѣ народа, и есть не что иное, какъ другая форма имени Ойратъ¹⁾ или переводъ его. Исторія свидѣтельствуетъ, что Уйгуръ, переселившись изъ южной Монголіи на сѣверъ, обратилъ имена въ лѣсной Монголіи, т. е. на сѣверо-западѣ (о. Іакиновъ, Записки о Монголіи, ч. III, 136, 137). Когда это поколѣніе составляло ханство, то ядро его обитало въ средніи сѣверной Монголіи. Рашидъ-Эддинъ и Абуль-Гази говорятъ, что Уйгуръ дѣлились на два отѣзъ: одинъ жили по десяти рѣкамъ и назывались Унъ (десять) —

1) Доказаніе уже сродство языковъ тюркскаго и монгольскаго позво-
ляетъ думать, что слово *ай*, употребляемое только у монголовъ, принадле-
жало нѣкогда и тюркамъ *ئىرۇق* (зопина), а *ئۇرۇق* также общее слово не только
монгольскому и тюркскому, но сохранилось донынѣ въ монгольскомъ языке, на-
родъ. Поэтому, если бы Уйгуръ и были тюркскіи народы, какъ думаютъ мно-
гие, въ тогда наше словообразованіе не можетъ почесться невозможнымъ.
Мусульманскіе писатели пишутъ *او بىرۇق*, а не *بىرۇق*, какъ бы сѣживало по
этимъ язгамъ, но это потому, что *بىرۇق*, по закону языковъ средней Азіи, при сое-
диненіи съ *اي* должно необходимо перейти въ *ئىرۇق*.

гуръ, а другое по десяти и назывались Тогузъ (девятъ) — Уй-
гуръ. Хотя Рашидъ-Эддинъ и приводитъ имена десяти рѣкъ, на
которыхъ жили Уйгуры, но признать въ нихъ невозможно ны-
нѣшніхъ названий; только въ Учъ-Тагинъ ^{أوج تاپین} ^{عوج تاپين} узнаемъ ны-
нѣшній Гурбанъ Тамиръ, и въ Тулэръ-Ташъ ^{تۇلەر تاش} ^{تۇلەر تاش} нынѣшнюю Ту-
лу, владѣющію въ рѣку Орхонъ; въ Утиказъ ^{او تىكازان} ^{او تىكازان} узнаемъ *Ou-
tie-kien* китайскихъ историковъ, гору, около которой, вѣроятно,
протекала рѣка тогъ-же имени, и на западной сторонѣ которой
стояла Хара-хурумъ, столица уйгурскихъ хановъ; это та самая
гора, которая у монголовъ называется Утэзъ-Хуланъ ^{ئۆتەز خۇلان} ^{ئۆتەز خۇلان} и при
которой Углазъ-ханъ скончался (о. Іакиновъ, Исторія ^{ئەن} ^{ئەن}, четы-
рехъ хановъ, 284, 287). Тотъ-же историкъ говоритъ, что
что десять уйгурскихъ рѣкъ назывались общимъ именемъ: *ئەن* ^{ئەن} Ой-
Орхонъ ^{او اورخون} ^{او اورخون} «десять Орхонъ». Этихъ данныхъ уже до-
статочно для того, чтобы доказать, что Ой-Уйгуръ жили по
бассейну нынѣшняго Орхона, а девять Уйгуровъ жили, вѣро-
ятно, по Селенгѣ. Можетъ быть этотъ послѣдній отѣзъ Уйгу-
ровъ (если они были тюркскаго племени) состоялъ изъ Ойратовъ.
Глава этихъ Уйгуровъ девять рѣкъ называлась чисто монголь-
скимъ именемъ *كۈلەنگىن* ^{كۈلەنگىن} ^{كۈلەنگىن} «начальникъ гола»
(рѣки), «главный на рѣкѣахъ», а у десяти Уйгуровъ жили, вѣро-
ятно, по Селенгѣ. Здѣсь не мѣсто въ разборѣ всѣхъ фактовъ, которые окончательно могли бы объяс-
нить вопросъ объ этихъ народахъ, но должно замѣтить, что во-
просъ этотъ могъ бы быть развязъ до занимательной ясности,
если бы въ основаніе его положить мысль: Уйгуры и Ойраты
суть два лѣсныхъ народа тюркскаго и монгольского пле-
мени, составлявшіе (съ VIII столѣтія) одно политическое
тѣло.

1) У джурджидовъ (по-китайски Ию-Джень) эргинъ означало «начальникъ гарнизона въ степной ордѣ» (Visdelou, Suppl.).

ственная разница моего способа чтения от его: результаты показывают, чей способ правильнее. Сообщаю объяснение затруднившихся доселЬ словъ и затѣмъ полный переводъ надписи.

I.

ОБЪЯСНЕНИЕ МОНГОЛЬСКОЙ НАДПИСИ НА ПАМЯТНИКЪ КНЯЗЯ ИСУНКЕ, ПЛЕ- МЯННИКА ЧИНГИСЪ-ХАНА.

(Записки Имп. Археолог. Общества, т. III, Снб. 1861 г., стр. 268—292.)

Покойный академикъ Шмидтъ, издавая свой переводъ этой надписи въ «Запискахъ Академіи Наукъ», не представилъ ни филологического отчета въ перевѣдѣ, ни достаточного исторического объясненія о назначении памятника. Онъ только весьма положительно сказалъ, что прочиталъ надпись «очень легко», что «трещина на камѣ не причинила надписи никакого вреда», и что приложенный къ статьѣ его снимокъ съ надписи «вѣренъ». Позвѣтъ г. Шмидтъ тогда никто не рѣшился, тѣмъ болѣе, что послѣ такихъ рѣшительныхъ уѣрений академика поверѣка казалась излишнею.

Въ 1848 году я сдѣлалъ съ надписи возможныи вѣрный снимокъ во всю величину и удостовѣрился, по внимательному разсмотрѣнію надписи на самомъ камѣ, что снимокъ г. Шмидтъ не совсѣмъ вѣренъ, а переводъ его требуетъ исправленій. Обыкновенная вновь надпись, я не позволяла себѣ ни малѣшаго произвола при чтеніи: отъ того написаніе въ ней такія слова, которыи неизвѣстны въ нынѣшнемъ языкѣ монголовъ, но могли быть въ употреблѣніи въ XIII столѣтіи. Г. Шмидтъ поступалъ въ этомъ случаѣ слишкомъ произвольно и всю надпись «объяснилъ» и «очень легко» современными словами. Въ этомъ-то и состоятъ суще-

Сартагулъ г. Шмидтъ читаетъ *Sartaghul* и считаетъ это монгольскимъ называніемъ ханства Хара-Китай, «Черный-Китай». Но Хара-китайцы никогда не назывались *Сартагулами* у монголовъ, которые подъ этимъ именемъ разумѣли обитателей Хивы, производя его отъ *Сарты*: такъ и доселъ называются турецкіе народы коренныхъ, осѣдлыхъ жителей персидскаго происхожденія, составляющими промышленное населеніе Хивы и Бухары¹⁾.

Монголы прибавили къ *Сарты* турецкихъ племенъ слово *тур* («народъ, государство»), и вместо *Сартагулъ* говорили *Сартагулъ*, потому что они не любятъ двухъ *r*, если они не сопровождаются гласными въ одномъ и томъ-же словѣ, и последніе *r* обыкновенно превращаются въ *l* (см. Борбровникова, Грамм. Монг.-Калм. языка, стр. 32).

Во время Чингисъ-хана, Хива была столицей огромной империи харезмийской, заключавшей въ себѣ Бухару, Хиву и часть Персіи; эта-то имперія, состоявшая подъ властью Харезмь-шаховъ, и называлась у монголовъ *Сартагулъ*. Завоеваніе ея, стоявшее шестнадцатаго похода (1219—1225), составляетъ одинъ изъ важнейшихъ эпизодовъ въ истории Чингисъ-хана; напротивъ, покореніе Хара-Китая произошло почти незамѣтно. Кучлукъ-ханъ, владѣтель разѣяннаго Чингисъ-ханомъ поколѣнія Найманъ, въ началѣ XIII столѣтія успѣлъ завладѣть престоломъ хара-китайскими, устранивъ законнаго хана, Чингисъ-хана, собираясь въ походъ на Хиву и желая обезопасить свой тылъ, отрядилъ въ 1218 году Джебѣ-Ноянъ, известнаго нашествіемъ на Россію въ 1224 году, съ 20 тысячами войска. Кучлукъ-ханъ, услыхавъ о приближеніи монголовъ, бѣжалъ на западъ, и

1) См. Meyendorff, Voyage d'Oréenbourg à Bokhara; Н. Ханыкова, Описание Бухарского ханства.

оставленное имъ ханство безъ боя покорилось монголамъ; а Джебѣ-Ноянъ, преслѣдуя Кучлукъ-хана, настигъ его въ горахъ Бедекшана, предалъ его смерти и въ томъ-же 1218 году возвратился въ Монголію²⁾. Это легкое завоеваніе, въ которомъ Чингисъ-ханъ самъ вовсе не участвовалъ, Шмидтъ называетъ событие «великимъ и рѣшительнымъ», стараясь придать ему такую важность для того, чтобы тѣмъ объяснить причину сооруженія нашего памятника, который, по его мнѣнію, поставленъ Чингисъ-ханомъ въ 1219 или 1220 году.

Г. Шмидтъ вѣдалъ въ эти ошибки во первыхъ потому, что невѣрно читалъ всю надпись; во вторыхъ отъ того, что не исправилъ критически текста изданной имъ лѣтописи Санангъ-Сацана. У этого монгольского лѣтописца хронологія почти нигдѣ не сходится съ китайскими и мусульманскими историками, что отчасти надобно принять искаженію текста и особенностю способу монгольского лѣтосчисленія. Монголы считаютъ года по именамъ 12-ти животныхъ съ прибавленіемъ еще 10-ти условныхъ знаковъ: изъ соединенія тѣхъ и другихъ составляется циклъ въ 60 лѣтъ, но прошествіе которыхъ начинается новымъ рядомъ или циклъ въ томъ-же порядкѣ. При этомъ способѣ хронологіи легко можетъ случиться (и случается въ рукописяхъ), что вместо одного условного знака, ошибочно поставить при названіи животного другої, и тогда годъ, означаемый словами, будетъ уже иной; но подобная неѣрность можетъ быть исправлена, только бы вместо одного животного не было поставлено другое. Такъ у Санангъ-Сацана сказано, что *Сартагулъ* покорены Чингисъ-ханомъ въ году и-тауай (зайца), т. е. въ 1195 году; между тѣмъ изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ известно, что нападеніе на Хиву начато въ 1219 году. Если вместо и-тауай поставимъ китауай, то получится 1219 годъ. Значитъ, у монголовъ начало военныхъ дѣйствій противъ Харезмь-шаха принято за покореніе его имперіи, и Санангъ-Сацана не ошибся ни въ имени народа, ни въ хронологіи. По его-же словамъ,

1) D'Ohsson, Histoire des Mongols, t. I, p. 168—176.

Тукмакъ³⁾ покорены въ году билъ-лу (краснаго дракона самца), т. е. въ 1196 году,—это также не справедливо; но перемѣнить знакъ билъ въ у, получимъ у-лу (желтаго дракона самца), т. е. 1208 годъ: действительно Кучлукъ-ханъ, впослѣдствіи уже овладѣвшій Тукмаками, былъ разбитъ Чингисъ-ханомъ въ 1208 году⁴⁾. Здѣсь разбитіе хана Найманъ, который послѣ сдѣлалъ ханомъ Тукмаковъ, принято Санангъ-Сацаномъ за покореніе сего послѣдняго народа. Если бы г. Шмидтъ подобнымъ образомъ исправилъ хронологію своего автора, то могъ бы исправить и свои ошибки при помощи того-же писателя, чрезъ которого онъ въ нихъ впалъ, и не пугалъ бы въ своихъ примѣчаніяхъ, где онъ предлагаетъ перемѣнить имена владѣтелей Сартагулъ и Тукмаковъ⁵⁾.

II.

Шмидтъ читаетъ эззлэдэжу, «овладѣвъ», совершиенно произвольно. Слово дэ и эз вовсе неѣть въ этомъ словѣ, которое должно читать аудалдэжу. Подобного слова у монголовъ неѣть; но какъ трещина задѣла слово сверху, то надобно думать, что изъ него пропала начальная т, и что тутъ было таудалдэжу, «напавши, послѣ на паденія».

Глаголъ таулиху, который пишется еще таумиху, таумуху (джагатайское тупумуха, «падать внизъ, соскакивать»), означаетъ вскакъ стремлѣніе сверху внизъ косвенно, и потому означаетъ налетъ хищной птицы, прыжокъ дикой лошади, «налетѣть, скакать, наскакать, набѣжать», и въ военномъ смыслѣ нападать.

III.

Шмидтъ читаетъ эртэну «древній»; но по палеографическому правилу слѣдуетъ читать арат-и или эроти. Аратъ значитъ «людей», и это чтеніе—самое приличное смыслу надписи.

1) О словѣ Тукмакъ см. Charmoy, Expédition de Timour, p. 170, 245 etc.

2) См. о. Іакинова, Исторія четырехъ хановъ, стр. 40.

3) Geschichte der Ost-Mongolen, S. 87.

Основная линия этого слова вытянута предъ и послѣ ръ съ цѣлью показать присутствіе гласного *a* предъ ръ и послѣ него (*ara*).

IV.

Шмидт читаетъ *богъ ордай хориксан* (*bogha orghai chorisan*), и изъ нихъ *bogha orghai* переводить «ненависть совершенію», не указывая однако, гдѣ онъ нашелъ эти слова, совершенно неизвѣстными монголамъ.

Въ отвѣтъ на переводъ Ванчикова, онъ уѣряетъ, что у калмыковъ *орда* значить «совершеніе». Дѣйствительно у калмыковъ есть выраженіе *ордула «безъ основанія»*, синъ съ того, ни съ сего, которое выговаривается почти *орда*, и только при отрицаніи можетъ значить «совершеніе». Вѣроятно, Шмидтъ ссылается на это выраженіе, которое ондакожъ для смысла нашей надписи не годно.

Хориксан г. Шмидтъ переводить «положить преграду, конецъ»; но оно значить «загородить, запереть, запретить». Первые два слова суть собственные имя мѣста, а *хориксан* значить «собрались» и есть причастіе прошедшаго времени отъ неупотребительного именія, но извѣстнаго по производнымъ, глагола *хуримой*, «собираться» (джагатайское *курамак*).

Отъ этого слова необходимо читать *хурим «пиръ», «сборище», «хуритай», «сеймъ», «хуряймъ», «собираю»*.

Д'Оссон въ своей «Исторіи монголовъ» сообщаетъ¹⁾, что Чингисъ-ханъ, послѣ разоренія харезмской имперіи, пустился въ обратный путь въ Монголію, причемъ лѣто и зиму 1224 года

1) *Histoire des Mongols*, 1834, tome I, p. 325.

двойное названіе у двухъ народовъ; тѣмъ болѣе, что въ хурилтай, о которомъ говорить Миркхондъ, должно быть тотъ самый, который упоминается въ нашей надписи и у Д'Оссона. Объ урошица Буга-Сучигай ничего не известно по исторіи, а Куланъ-Язы известно по сраженію въ 1199 году между Найманами и Онгъ-ханомъ керектскимъ¹⁾. Это сраженіе должно было произойти въ земляхъ Наймановъ, на которыхъ Онгъ-ханъ сдѣлалъ набѣгъ; слѣдовательно, урошице Куланъ-Язы или Буга-Сучигай должно находиться около Алтая и Верхнаго Иртыша, где кочевали Найманы. Это будетъ именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходилъ Чингисъ-ханъ, идя на харезмскую имперію и возвращаясь изъ этого похода. Здѣсь дѣйствительно водятся куланы и олени.

V.

Исунка. Это слово помѣщено надъ строкою, какъ название священнаго предмета или владѣтельнаго лица; но Шмидтъ, которому впрочемъ извѣстно было это монгольское правило, находить тутъ *чурукъ*, «въ общемъ», которое нѣ можетъ занимать такого почетнаго мѣста въ надписи. Здѣсь очень явственно видѣется *Исунка*, собственное имя одного изъ племенниковъ Чингисъ-хана; онъ-то и есть главное лицо въ нашей надписи, и потому мы по-говоримъ о немъ ниже подробнѣ.

VI.

Шмидтъ предполагалъ читать *Onopodutin*, *Chondodutin* и *Chondojutin*. По моему, это слово можно читать *Оннодоръ*, *Ондодоръ*, *Онхоторъ* и *Хонгодоръ* или *Хонгдоръ*. Смысль всей надписи такова, что это слово должно быть не чѣмъ иное, какъ собственное имя небольшаго монгольского поколѣнія, которое состояло изъ князя Исунка. Между монголами донъинѣ существуетъ поколѣніе Хонгдоръ, а именно всѣ почти буриты Аларскаго вѣдомства (въ Иркутскомъ округѣ) принадлежатъ къ племени Хонгдоръ, и такъ-какъ они не настоящіе буриты, а

1) О. Гакинеа, Исторія четырехъ хановъ, стр. 18, 384. Китайскими иероглифами это имя выражено *дунъинъ джанъ-чжэ*; но о. Гакинеа, сдѣлавъ неизѣтному толкованію китайцевъ, передѣлагъ эти иероглифы въ *горонъ-дэсанъ*.

провелъ въ походѣ, направились къ Иртышу, и на мѣстѣ, называемомъ *Буга-Сучигай* (Буга-Сучину; *Buga-Suchai* нашей надписи), сдѣлалъ «пиръ» для своего войска, а въ февралѣ 1225 года достигъ своей орды. Наша надпись выражается точнѣ Д'Оссона, говоря, что тутъ происходитъ сеймъ монголовъ, «хурилтай», который всегда сопровождался шицестями.

Слова *Чинис-ханъ* и *арат-и* поставлены въ винительномъ падежѣ, какъ подлежащія причастія *хурисан* («собравшійся»), на основаніи существующаго въ монгольскомъ языке правила, похожаго на латинскій винительный съ не-определенными (см. Бобровникова, Грамм. Монгольско-калмыцк. яз., § 477). *Буга-Сучигай* поставлено безъ знака мѣстнаго падежа потому, что оно стоитъ непосредственно предъ глаголомъ *хурисан* и связь между ними очевидна.

Персидскій историкъ Миркхондъ пишетъ, что Чингисъ-ханъ, возвращаясь изъ похода противъ харезицевъ, сдѣлалъ хурилтай на мѣсто Куланъ-Язы¹⁾). Эти турецкія слова значатъ «правнія кулановъ» (дикіхъ оліевъ), а наши Буга-Сучигай или Сучину по монгольски значатъ «оленъ—боѧться», т. е. мѣсто, гдѣ олени пугаются. Нѣкоторое сходство въ значеніи именъ этихъ мѣстъ позволяетъ считать ихъ за одно и то же урочище, носившее

1) Вотъ это мѣсто изъ Миркхонда, сообщенное миѣ въ перевѣдѣ профессоромъ И. И. Березинскимъ: «Когда зима подошла къ концу и отъ пышности прибылъ весны поля въ степи стали предметомъ замѣти кремескаго цѣнтиника, Чингисъ-ханъ отправился съ арміей изъ Самарканды и отдать приказъ, чтобы мать султана Мухаммеда и харекъ его шли впереди войска и громить головы сущихъ и оглашивать сушину, корону, трофеи, эмировъ и визирей... На берегу реки Сейхуна, Джакагатай и Угедей соединились съ Ордой, по миру странствующей; когда же переправились черезъ Сейхунъ, то пришли въ Куланъ-Язы. Дикунъ оѣшился со стороны Дешти-Кильчака, а съ тобъ стороны пошелъ облыжъ Чингисъ-ханъ съ дѣтьми и женами. Черезъ нѣсколько времени прошлющо соединеній охотничихъ рядовъ на мѣсто охоты (Л.) и крѣпъ ихъ сопасъ. Чингисъ-ханъ сѣлъ на коня, устремился въ середину и пустилъ многочисленную охоту. Послѣ того какъ пришли эмировъ и воины почтамъ охоту, помѣшивались остальныхъ зѣбѣр и, наложивъ на нихъ свою kleйму, сѣводѣни. Дѣгунъ, принешиши къ отцу, преклонилъ колѣна и исполнивъ обрядъ поздоровъ руки; обнявши братыши, гордо расправивши о здоровье и представивъ, какъ многочисленные подарки, между прочими подавая ста тысячу лошадей, изъ среды которыхъ было двадцать тысячъ сѣрыхъ одомашненныхъ. Это лѣто все прошли въ томъ мѣстѣ. Когда же собрались окрестнѣе эмировъ изъ предѣлью и окрестностей, то устроили большой сѣбѣтъ и казнныи отѣлѣнѣ изъ угуртскихъ эмировъ». (Vie de Djenghiz-khan, par Mirkhond, 163—169).

монголы, переселившися въ Сибирь въ XVII столѣтіи, то очень можно допустить, что эти именно Хонгдоры и упомянуты въ надписи, и, кочевавъ нѣкогда на Аргунѣ, могли достаться въ удѣль Исуника. Во времена смуты чингисидовъ, они могли часто менять мѣста своего кочеванія и доставлять новыемъ владѣльцамъ. Это небольшое поколѣніе не упоминается въ исторіи, вѣроятно, по своей незначительности.

Въ этомъ словѣ, всѣхъ болѣе пострадавшемъ отъ временъ, *и* \rightarrow превратилось въ *и* \rightarrow .

VII.

Два послѣднія слова въ надписи не могутъ быть объяснены никакими монгольскими языками, хотя Шмидтъ, къ ущербу своего перевода, и сдѣлалъ это, какъ будто въ древнемъ памятнике нѣ могутъ встрѣтиться слова, нѣкѣ забытыя. Поэтому я объясняю ихъ словами неизвѣстными нынѣ, но возможными въ монгольскомъ языке, при помощи филологического анализа, которому монгольский языкъ и сродные съ нимъ манджурскій и турецкий въ высшей степени доступны. Въ нихъ, за исключениемъ предлоговъ, слова образуются и измѣняются посредствомъ прибавленія разныхъ частичекъ къ концу корня. Такимъ образомъ въ каждомъ словѣ первый слогъ необходимо долженъ быть корень и притомъ всегда односложнѣй. Если слово многосложно, то непосредственно за корнемъ сдѣдуютъ одинъ или два слога, которые составляютъ лексикографическое значение производнаго слова; затѣмъ сдѣдуютъ наращеніе грамматическіе, опредѣляющіе грамматическое значение слова. Слѣдовательно, въ этихъ языкахъ корни можетъ быть не больше того, какое число слоговъ, съ помощью всевозможныхъ комбинаций всѣхъ гласныхъ и согласныхъ, можетъ быть получено. При такомъ образованіи языковъ средней Азіи, не подающемъ большой надежды на богатство въ словахъ, надежда эта еще уменьшится, когда скажемъ, что характеристическое значение односложнаго корня никогда не теряется въ производныхъ. Въ значеніи этогъ всегда выражается что-либо доступное органамъ чувствъ или содержитъся въ звукахъ, издаваемомъ человѣкомъ при дѣятельности

чего-либо на чувства его, т. е. известное движение или положение предмета (органъ зреинъ), или звукоподражание (органы слуха, обоняния, осязания и пр.). Эти чисто материальные представления въ производныхъ словахъ легко переходятъ, посредствомъ сравнений, въ понятия чисто умственныхъ, и отъ одного корня происходятъ слова, которыхъ значенія, по-видимому, не имѣютъ между собою ничего общаго.

Вотъ, напримѣръ, производная отъ корня *бул-*, который означаетъ движение вверхъ: *бул-и*, «прыгать», *бул-тай*, «высунуться», *бул-акъ*, «ключъ» (бьющий вверхъ изъ земли), *бул-чицъ*, «игра у ногъ», *бул-дакъ*, «холмъ», *бул-а*, «востаніе», «бунтъ».

Но при всемъ томъ, всякий, кому известны значения корня и параденій, сообразивъ эти части слова, можетъ всегда определить приблизительное значение даннаго слова. Такъ мы и поступимъ съ словами, которыхъ намъ нужно объяснить.

Послѣднее слово въ третьей строкѣ надписи, по мнѣнію Шмидта, есть *эліе* (*Elije*) «демонъ», — чтеніе совершенно произвольное. На прилагаемомъ синкѣ читается *алдакъ* или *алтакъ*. Я привыкъ послѣднее въ значеніи «воинъ», «солдатъ», отъ слова *алакъ*, «брата, эскадропъ».

Въ этомъ словѣ я написалъ почти слитно съ *т* для показанія, что между ними нѣтъ никакой гласной. — Слово *алѣ* въ значеніи батальона встрѣчается въ тарханномъ ярлыкѣ Сеадетъ-Гирея¹); тамъ сказано: *алымъ, күшүнүмъ, миңимъ, туманымъ, тибъ* и пр., т. е. «не требовать (небо-ровъ)», говоря: «мои эскадроны, мой полкъ, моя тысяча, мой туманъ (десантъ-сичьи)».

Извѣстно, что у монголовъ войска дѣлились на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч; но независимо отъ этого были хошуны, эскадроны или нѣсколько больше²). При именованіи устрои-ствъ монголовъ, хошуны называются небольшіе Ѣдѣы, обращѣ-

1) См. Ярлыки Техтамыша и Сеадетъ-Гирея, стр. 4.
2) Charmo, Expédition de Timour, pp. 205, 255, 591; Journ. Asiat. 1836, sept., p. 224.

что тутъ написано *ондулала*, «получилъ въ Ѣдѣль», что будеть всего сообразище со смысломъ всей надписи.

Корень *он*, судя по производнымъ, содержитъ въ себѣ понятіе противоположности, особности, отдѣльности, дѣленія. Отъ него происходятъ — манджурскій: *онъ*, «раз-стопніе», напр. отъ одной станицы до другой, — *ондомъ*, «делать что-либо противное тому, что слѣдуетъ дѣлать, раз-ладить, разстроить» (турецкое *онмакъ*, «расколоТЬ»), — *ончо*, «шпоркій, простираный», такъ сказать «раздвинутый». Монгольскій: *они*, «ушко у стрѣлы, сущелье (какъ нѣчто раздѣленное)», — *ондо*, «другой, особый», — *ондо*, «единственный, одинокий, особый», — *онгода*, «угромный», тотъ, который не участвуетъ въ бѣсѣдѣ, но сидитъ въ сторонѣ особо. Отъ корня *он* правильно можетъ быть произведенъ глаголъ *ондомъ*, который долженъ содержать въ себѣ понятіе обѣ отдѣленій, особности; а если къ этому глаголу прибавить наращеніе причинной формы (*causalis*), то выйдетъ *ондулала*, который употребляется вместо страдательного глагола. Такимъ образомъ *ондулала* (а есть знакъ прошедшаго времени) будетъ значить что-нибудь въ родѣ: «былъ отдѣленъ» тѣмъ болѣе, что здесь говорится о дѣлѣ наслѣдства. Для ясности я перевѣзъ прямъ «получилъ въ Ѣдѣль». Дѣйствительное существование глагола *ондомъ* доказывается тѣмъ, что и нынѣ есть въ монгольскомъ глаголъ *ондомъ*, «высунуться, торчать, рѣзко отдѣляться отъ окружающихъ» предметовъ. Эта форма правильно произведена отъ *ондомъ* чрезъ прибавленіе *й* для означенія наружного положенія предмета, какъ *бул-таймъ*, «торчать, высунуться», отъ *бултамъ* «скакать, бѣжать»; — *хадаймъ*, «привѣтъ», отъ *хаданъ*, «привѣтъ» и т. д. Есть еще *ондулакъ*, «остроконечный, конусообразный, выдающійся, отдѣляющійся».

И такъ надпись, по нашему толкованію, надоѣно читать слѣдующимъ образомъ:

зующе въ военному отношеніи дивизіи, раздѣленныя на полки (джаланы) и роты (сомоны). Это устройство введено манджурами, до которыхъ у монголовъ существовало устройство Чингисъ-хана. Въ вышеупомянутомъ текстѣ ярлыка эти воинскія дѣленія перечислены по степенямъ отъ меньшаго къ большему, и потому надобно думать, что *ал* былъ меншіе хошуна (въ турецкомъ языке осталось *алай*, «батальонъ»), родъ нынѣшнихъ джалановъ или сомоновъ. Дѣленіе на сотни и тысячи было чисто воинское, тогда какъ дѣленіе на *алы* и *хондуны* имѣло источникомъ родовое право, т. е. дѣлежъ наследственного владѣнія или поколѣній между наследниками. И такъ, *ал* можно перевести «отрядъ, участокъ»; следовательно *ал-такъ* (сличи *ур-такъ*, «сторицца») значитъ «готъ, который принадлежитъ *алу*, рядовой, воинъ изѣстнаго отряда. Корень *ал*, въ самомъ дѣлѣ, означаетъ понятіе, выражаемое русскимъ предлогомъ разъ, т. е. распространеніе, раздвиганіе, раздѣленіе, расширение, разсыпаніе, какъ виды изъ произведенныхъ отъ него словъ: *алгумой*, «шагать», т. е. раздвигать ноги, — *алхимой*, «драться», т. е. размахивать рукой, быть какъ попало, — *алджимой*, «томиться», т. е. разастряться, быть разбиту, — *алцаймой*, «раздвинуть ноги», — *алус*, «прѣзъ», — *алда*, «саканъ», длина вытянутыхъ рукъ, — *алманъ*, «широкій», — *алмай*, «полуумный», разстроенный въ уѣѣ, — *алакъ*, «пѣгій», т. е. гдѣ цѣла разсыпана, — *алія*, «спасти», разсыпанный, — *албина*, «бродячій духъ» (блудящій огонь), — *алдаръ*, «слава», т. е. что распространяется, и т. п.

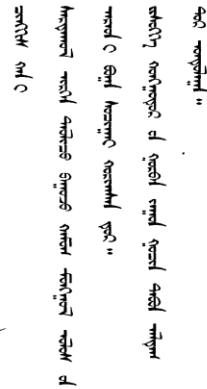
VIII.

Послѣднее слово надписи Шмидта читаетъ *шиндарума*, «изгнаніе». Не говоря уже о томъ, что *шиндарума* никогда не имѣло такого значенія, и самого этого слова вовсе нѣтъ въ надписи. Въ началѣ послѣднаго слова, много пострадавшаго отъ времени, можно разобрать *онд* или *урд*; далѣе слѣдуетъ пѣсколько неясныхъ черточекъ и, наконецъ, ясно: *лага*. По монгольской конструкціи словъ, тутъ долженъ быть глаголъ, а не существительное *шиндарума*, которымъ никогда въ монгольскомъ языке не оканчиваются períоды. Безъ большой патижки можно полагать,

7

1) Чингисъ-ханъ

- 2) Сартагуль ирэн таулидсу бауыжесу хамукъ монголъ улусунъ
- 3) арат-и Буга-Сучай хүрэксэн-дург,
- 4) Исуунъ Хондор-ург турбанъ дэаунъ чүчинъ табунъ алтакъ
- 5) туръ ондулала.

Это значитъ:

«Когда Чингисъ-хантъ, послѣ нашествія на городъ Сартагуль (хивинцевъ), возвратился, и люди всѣхъ монгольскихъ поколѣній собрались въ Буга-Сучай-гаѣ, то Исуунъ получилъ въ Ѣдѣль триста тридцать пять воиновъ хонгодержескихъ».

Смысль надписи выходить очень простой: Исуунъ, племянникъ Чингисъ-хана, получилъ отъ дяди въ наследственное владѣніе небольшій отрядъ, и для увѣковѣченія этой милости и своихъ правъ поставилъ памятникъ, сохранившися до нашихъ временъ. Исторія вполнѣ подтверждаетъ то, что говорить, по нашему чтенію, надпись. Чингисъ-хантъ ранѣе 1224 года не могъ

7*

заняться раздачею удѣлью своимъ сыновьямъ и родственникамъ, ибо все время до 1210 онъ проводилъ въ борьбѣ съ кочевыми народами Монголіи, съ 1210 по 1218 года въ войнахъ съ Китаемъ, и, наконецъ, съ 1219 по 1224 г. въ походѣ на западъ. Дѣйствительно, Гаммеръ въ своей «Исторіи Золотой Орды» пишетъ¹⁾, что Чингисъ-хантъ, по возвращеніи изъ похода на Персию (послѣ нашествія на Сартагуловъ, по нашей надписи), раздалъ удѣлы своимъ дѣтьмъ. При этомъ дѣлъ, Исункѣ нашей надписи должны были получить что нибудь по близкому родству съ Чингисъ-ханомъ, ибо онъ былъ сынъ Джучи-Хасара, родного брата завоевателя, и следовательно приходился ему племянникомъ. По словамъ Рашидъ-Эддина, знаменитаго автора Исторіи Монголовъ на персидскомъ языке, Джучи-Хасаръ имѣлъ до сорока сыновей, изъ которыхъ сдѣлялись известными только трое: «Бигу (читай Бгу), Тугу и Исунку» (Исункѣ нашей надписи)²⁾. Слова Рашидъ-Эддина «сдѣлялись известными» надобно понимать такъ, что изъ множества сыновей Джучи-Хасара только эти трое, какъ рожденіе отъ старшей изъ жены его, получили права принцесъ, т. е. право на удѣль, участіе въ хуритаѣ или въ государственномъ семѣнѣ и въ избрании великаго хана. И точно, Бгу, Тугу и Исунку участвовали въ 1251 году въ возведеніи на престолъ Монга-хана³⁾. «Исункѣ была», продолжаетъ персидскій историкъ, «высокаго роста, имѣла длинную бороду... славился прекрасными познаніями въ государственныхъ дѣлахъ и по себѣ пріобрѣла всеобщее уваженіе...». При показованіи войсками своихъ сыновей, Чингисъ-хантъ далъ также по полку каждому изъ сыновей Джучи-Хасара, которые уже выросли, т. е. Бгу, Тугу и Исунку, а изъ смѣшанныхъ войскъ далъ каждому по сту человѣкъ. Эти полки Рашидъ-Эддина суть, по всейѣѣности, именно то, что монголы называли *ал*, и отъ того въ нашей надписи люди, составившіе «полкъ» Исункѣ, названы *алтакъ*. Три «полка» (или *ала*) сыновей Джучи-

1) Gesch. der Goldenen Horde, 89—90.

2) Эрманнъ, Предки Чингисъ-хана, въ Журналѣ Минист. Народ. Просв. 1843 г., т. XXXVII, отд. I, стр. 104.

3) Іакинова, Исторія четырехъ хановъ, стр. 306; только въ этой исторіи нѣтъ Бгу и Тугу сдѣлано одно лицо Екъ-тоганъ («безымянной котехъ»).

Исункѣ построилъ себѣ дворецъ на рѣчкѣ Кыркыръ, приблизительно между 1224—1300 годами, предполагая, что Исункѣ могъ поставить его не задолго до своей кончины.

Къ статьѣ Д. Банзарова П. Савельевъ присоединилъ предисловіе отъ своего имени: «но знакомить съ положениемъ вопроса о надписи до Банзарова и уяснить научное значение работы послѣдняго, поэтому помѣщеніе его здѣсь Ред.

Надпись, которой представляется здѣсь, въ первый разъ, полный перевѣдъ, доселеѣ былъ известна подъ именемъ Чингисъ-хановой, по имени этого хана, которому начертано въ ней въ красной краской и со временемъ находящемъ памятника читателю было безъ затрудненія даже сибирскими томтатами. Для науки надпись эта еще болѣе важна, какъ драгоценный доссѣй извѣстныхъ письменности монголовъ. Хранящіеся въ Парижѣ призы хановъ Аргунъ и Оджаитай къ королю французскому Филиппу IV пѣсколькими десятилѣтіями позѣ, только немногіе монгольскіе слова, начертанные въ монетахъ Гугагу, могутъ быть современны нашему памятнику. Г. Банзарову принадлежитъ честь объясненія этого древнѣйш资料а памятника, създѣйшаго эпохи его предковъ, половины XIII вѣка. Еще во времена пребыванія своего въ Петербургѣ, въ 1848 году, г. Банзаровъ пытался прочесть надпись идолъ, но пѣсколькими нечеткими словъ его оставалась. Сливъ съ подлинной плиты снимокъ сквозь прозрачную бумагу, онъ продолжалъ изучать эту надпись въ Сибири, куда отправлялся былъ по дѣламъ службы, и, наконецъ, въ Иркутскѣ, въ августѣ 1850 года, добился полного и отчетливаго уразумѣнія искъ дотолѣ таинственныхъ словъ надписи. Исследованія его представляются здѣсь читателемъ. Но какъ ученымъ монголистъ нашъ, нынѣ въ Иркутскѣ, не имѣлъ подъ руками книгъ, нужныхъ для изложенія исторіи находженія этого памятника и прежнѣхъ попытокъ объяснить надпись, и не сообщилъ о томъ извѣстій, то мы сочли за нужно, для полноты статьи, предложить краткое историческое обозрѣніе вопроса объ этомъ памятнику. Первые, довольно обстоятельные, извѣстія объ этомъ памятнику сообщила г. Сиасский въ 1818 году⁴⁾. «На сѣверѣ (отъ рѣчки Урулону, впадающей въ Аргунъ съ лѣвой стороны)—писала г. Сиасский—идутъ гравитини, лѣсисты горы, а на подсѣни, въ предѣлахъ Китая, обширная и приятная степь. Отъ сихъ горъ къ рѣѣ текутъ многое ручьи, которые однакожъ, не дѣлъ одной, скрываются въ каменинахъ ровесами. На двухъ изъ этихъ ручьевъ, Кыркырѣ и Малой Кондуѣ, открыты скѣны прежде бывшихъ извѣсторѣзъ зданій. Въ первомъ мѣстѣ (т. е. при Кыркырѣ) остаются оныя донынѣ безъ всякаго изслѣдованія; но сколько по достав-

1) Сибирскій Вѣстникъ, 1818, ч. IV, отд. II, стр. 116—124.

Хасара составляли, по арміи великаго ханства, одинъ «баталіонъ» въ тысячу человѣкъ, какъ говоритъ Рашидъ-Эддинъ въ другомъ отдѣлѣ своей исторіи¹⁾. Этотъ баталіонъ, или по монгольскому дѣленію просто *мунганъ*, «тысяча», взятый въ значеніи удѣла князей одного семейства, составлять, вѣроятно, одинъ *хозунъ*. Если раздѣлить тысячу на три между тремя братьями, то на долю Исункѣ достанется почти то самое количество людей, какое показано въ надписи, т. е. триста тридцать три. «Юргъ въ меѣтреѣбываніе Исункѣ въ семействѣ Джучи-Хасара», продолжаетъ Рашидъ-Эддинъ, — «были въ Монголіи (Монголія) на сѣверо-восточной сторонѣ, на границахъ Эргуна (Аргунъ), Кулѣ-наура (озера Кулуңъ или Даалай-поръ) и Хайларъ (рѣка, впадающая въ это озеро съ восточной стороны)». Близъ береговъ Аргунъ, имѣнно на рѣчкѣ Кыркыръ, и найдеть ваша памятникъ, поставленный княземъ Исункѣ около своего дворца, котораго развалины находятся на той же рѣчкѣ Кыркыръ, немногимъ отъ мѣста, где стоять памятникъ²⁾.

Наше чтеніе такъ оправдывается исторіею, что дальнѣйшія возраженія противъ толкованія г. Шимдта дѣляются нечужими. Въ историческомъ отношеніи, наша надпись замѣчательна, какъ древнѣйшій образчикъ монгольской письменности, и какъ выраженіе того памятнаго въ исторіи Азіи и Европы момента, когда Чингисъ-хантъ, на хуритаѣ, раздавалъ царства своимъ потомкамъ, и тѣмъ надолго решѣлъ судьбы многихъ народовъ, въ томъ числѣ и России; извѣстно, что Чингисъ-хантъ назначилъ въ удѣль своему сыну Джучи-хану Кипчакъ, еще не покоренный, но покореніе котораго рѣшено было походить въ 1224 году Джебе и Субутай черезъ Канказъ, предпринятъ въ видѣ огромной рекогносировкѣ съ цѣлью уѣдѣться въ возможности завоеванія прикаспийскихъ странъ и соединеніи къ нимъ Россіи. Время, сооруженія памятника надобно отнести къ тому времени, когда

1) Эрманнъ, Кн. Исторія Чингисъ-хана, въ Журн. Минист. Иордн. Просв. 1844 г., т. XLIV, отд. I, стр. 85. Переводчикъ Рашидъ-Эддина, г. Эрманнъ, передаетъ терминъ подлинника извѣстными русскими словами; но любопытно бы знать, какъ эти термины, которые онъ перенесъ «полка» въ «баталіонъ». Можетъ быть Рашидъ-Эддинъ употребляетъ насторонѣ монгольскихъ словъ.

2) Рисунокъ ихъ былъ изданъ г. Сиасскимъ, см. предисловіе къ этой статьѣ.

желюю мѣрѣ плану¹⁾ заключить можно, они существовали разстояніемъ одно отъ другого на 90 саженъ. Нѣкоторые изъ валовъ или насѣній имѣютъ странное и многоразличное направлениѣ; но есть и такие, которые имѣютъ видъ четырехугольника, составляющаго какъ будто бы основаніе ограды. Въ пяти верстахъ отъ сихъ достопамятностей, върхъ по ручью, находятся пѣсколько древнихъ кургановъ, заслуживающихъ вниманія тѣмъ, что, по извѣстію нѣкоторыхъ, близъ оныхъ стоялъ большій гранитный камень съ прекрасно высеченіемъ на немъ вос точными буквами надписи; но большая часть утверждаетъ, что сей камень принадлежитъ къ числу памятниковъ, найденныхъ при разработкѣ древнихъ развалинъ на Кондуѣ. Далѣе говорить г. Сиасскій, что камень этотъ перевезенъ былъ въ Нерчинскій заводъ и хранился тамъ имѣстѣ съѣѣвъ другими древностями. Изъ извѣстія г. Шимдта узнаемъ, что, по ходатайству г. Сиасскаго, приказано было въ 1829 году перевезти этотъ памятникъ изъ С.-Петербурга²⁾. Г. Шимдтъ, описывая кондуктъ развалинъ, куда относилъ памятникъ, не упоминаетъ однакожъ о киркырскихъ, тѣ, по извѣстію многихъ и свидѣтельству г. Сиасскаго, стоять первоначально этотъ камень. Въ 1832 году онъ привезенъ былъ въ Петербургъ и хранился въ министерствѣ финансовоѣ; въ 1839 г. выставленъ былъ, для публики, въ залѣ выставки произведеній промышленности, а посѣтъ закрытъ выставки переданъ въ Академію Наукъ, которая расположилась поставить этотъ исторический памятникъ на хѣстинѣ передъ дверьми своего Азиатскаго Музея. Здѣсь онъ находится и теперь. Памятникъ этого состоить изъ гранитной плиты, имѣющей 2 аршина 18 вершковъ длины, 14 $\frac{1}{4}$ вершковъ ширины и 5 вершковъ толщины. Камень треснулъ почти въ самой серединѣ, вѣроятно, во время перевозки въ Нерчинскій заводъ. Эта трещина, какъ видимъ изъ статьи Банзарова, не мало затруднила чтеніе, коснувшись буквъ надписи. Первые попытки въ членѣніи сдѣланы были сибирскими томтатами и ламами, еще во времена находженія тамъ памятника. Они безъ труда разобрали нѣкоторыя слова, которыхъ не представили затрудненія, именно:

Чингисъ-хантъ... послѣдую временамъ... всѣ монгольскіе народы³⁾.

Г. Ванчиковъ, учитель монгольского языка въ Кяхтѣ, разобралъ еще пѣсколько словъ; но, въ сожалѣніи, непонятые архамы онъ перевѣзъ гадательно. Надпись переведена имъ вполнѣ такъ:

1) Этотъ планъ составляетъ XIX-й листъ рисунковъ, приложенныхъ къ Сибирскому Вѣстнику.

2) M moires de l'Acad. Imp r. des sciences de St. Petersb. (1833), VI s rie, t. II, 1.—J. Schmidt's Bericht über eine Inschrift aus der altesten Zeit der Mongolen-Herrschaft, S. 249.

3) Сиб. Вѣст., loc. cit., стр. 128.

Когда Чингись-ханъ соизволилъ овладѣть сартольскими народами и присоединить къ древнему становищу всего монгольского народа, находящимся вообще по Онону побѣждены тремя стами тридцатью пятью посланными¹⁾.

Г. Шмидтъ, когда памятникъ привезенъ былъ въ С.-Петербургъ, составилъ новый переводъ надписи и помѣстилъ его въ Запискахъ Академіи Наукъ. Вотъ ехъ переводъ:

Отъ Чингись-хана, когда онъ, покоривъ сартольский народъ, воротился и положилъ конецъ враждѣ отъ прежнихъ временахъ всѣхъ монгольскихъ народовъ всѣмъ тремъ стамъ тридцати пяти Елѣ (демонамъ)... въ знакъ изгнанія²⁾.

Наконецъ г. Банзаровъ представляетъ свой переводъ съ объясненіемъ всѣхъ словъ, затрудняющихъ прежнихъ переводчиковъ.

Сравнивъ съ этимъ переводомъ два преждеъ яхтина учителя и петербургскаго академика, читатели увидятъ, что оба они разны далеки отъ истинъ, а въ отношеніи здраваго смысла яхтина переводъ беретъ верхъ надъ петербургскимъ, который заставляетъ могучаго Чингись-хана ставить монументъ за честь 835 демоновъ!! Мы бы не упоминали объ этомъ обстоятельствѣ, если бы самъ Шмидтъ не назвалъ перевода Ванчикова «бесмысленнымъ» и «взородной болтовней сумасшедшаго», а свой — «извѣдѣющимъ логический смыслъ»³⁾. Это сравненіе обоихъ переводовъ напоминаетъ поземкину, которую желательно бы забыть для чести ученой литературы: увидѣвъ переводъ г. Ванчикова, бывшій сарентий томашъ, почитавший себѣ тогда монголистомъ «по монгольской части», вооружился противъ почтеннаго о. Лакинова, которому произвольно приписалъ переводъ, и наговорилъ ему нечестиво незаслуженнымъ недрѣнности. О. Лакинъ отличалъ съ достоинствомъ и скромностью ученаго, и предсѣдатель комитета обѣ устроителей выставки нечестиво подтвердила свидѣтельство замечателаго нашего синолога о непричастіи етъ къ новому переводу надписи⁴⁾.

1) Этотъ переводъ былъ помѣщенъ при памятникѣ, на выставкѣ 1889 г.

2) *Mon. de l'Acad., loc. cit.*, стр. 262. Но нѣмцы выражено такъ: «Уон Тschingis-Chan, als er nach Unterwerfung des Sartogoschen Volkes zurückkehrte war und aller mongolischen Völkerstämme von früheren Zeiten her herrschenden Groll ein vollständiges Ende gemacht hatte, den sämtlichen drei hundert fünf und dreissig Eljé (Dämonen) des... als Bannung».

3) Я. Шмидтъ: О новомъ переводе монг. надписи на извѣстномъ памятнике Чингись-хана, С.-Петерб. Вѣд., 1889 г., № 224.

4) Всѣ три статьи г. Шмидта, о. Лакинова и г. Комарова, переведу вмѣстѣ

Въ заключеніе, должно сказать о снимкахъ съ нашей надписи и въ особенности о приложении къ этой статьѣ.

Г. Спасскій, первый, издалъ рисунокъ памятника и уменьшенній въ осмую долю синексы надписи¹⁾. Надпись, сдѣланная незнавшимъ монгольскаго языка, весьма нѣправа.

Г. Шмидтъ приложилъ новый, также уменьшенній, синекокъ надписи къ своей статьѣ²⁾. Но и этотъ синекокъ также неудовлетворителенъ, потому что списываетъ переносомъ, а не снимаетъ надпись; не сохранивъ характера письма, и произвольно восстановилъ буквы, не ясны въ подлиннике.

Г. Банзаровъ желалъ, чтобы къ статьѣ его приложенъ былъ синекокъ съ надписью, во всѣхъ величинѣ, который и былъ присланъ имъ вмѣстѣ со статьѣ. Желаніе законное, понятное всякому, знающему важность палеографическихъ признаковъ и невозможность сохранить характеръ надписи въ уменьшеннѣи рисунокъ,ѣдваю момъ литографами, неизвѣданными коникуруемыхъ имъ письмъ! Но литографический листъ на два принадлежитъ и аршинъ ширинѣ трудно и неудобно приложить къ статьѣ, нечатающей въ 8-ю долю листа; а между тѣмъ необходимо было издать вѣрный и точный синекокъ для определенія предлагаемаго чтенія. Какъ быть? Не донѣсъ руку европейскаго художника въ дѣлѣ правильнаго уменьшения монгольскихъ буквъ XIII вѣка, и пріобрѣть къ солицу. Листъ чувствительной бумаги положить былъ въ камеру-обскуру, поставленную противъ подлинника синекокъ надписи, и солнечные лучи, по способу Дагбера и Тальбота, перенесли надпись въ уменьшеннѣи видѣ на дно камеры. Затѣмъ, укрепленный на чувствительной бумагѣ рисунокъ былъ отлитографированъ обыкновеннымъ порошкомъ. Тутъ уже не можетъ быть ни умышленныхъ, ни произвольныхъ ошибокъ. Возьмите увеличительное стекло, увеличивающее въ восемь разъ, и вы будете имѣть передъ глазами вашу надпись въ настоящемъ ея видѣ, въ подлинную величину³⁾.

въ Отч. Зап. 1889 г. (т. VI. Смѣсл., стр. 27—38) подъ заглавиемъ: «Процессъ о монгольской надписи на памятнике Чингись-хана».

1) Сибирск. Вѣстн., I. с., рисун. XXII.

2) Мѣмоіръ етъ, I. с.

3) Синекокъ Савельева былъ помѣщенъ при статьѣ Банзарова въ Запискѣ Археол., т. III. Мы отказались отъ мысли приложить его къ нашему изданію прежде всего за немыслимѣсть среѣдъ на это. При томъ простое перепечатаніе синекокъ Савельева при улучшеннѣ способыхъ эстампирований, придуманныхъ вмѣстѣ, было бы авантюризмомъ, а изготавливаніе нового синекока при помощи современныхъ средствъ будетъ болѣе умѣстно, когда надпись подвернется новому ученому изслѣдованию.

Ред.

Узнавъ, что принесетъ пользу вамъ и всѣмъ изъ шести раздѣловъ существо, посыплю вамъ эту великую книгу, называемую *Элдѣбъ биликъ-пардамитъ*. Да очистятся ваши грѣхи, скопившиеся во многихъ вашихъ перерожденіяхъ; да возвратится мысль и стремленіе къ *Боддї*. Да успокоятся тѣло, языкъ и душа ваша! Все это должно быть слѣдствіемъ чтенія этой книги.

Уповающій на добродѣтель, гацуул Галсанъ, будучи ограбленъ разбойниками *терсоговъ*¹⁾, но спасенный по милости трехъ драгоцѣнностей²⁾, прибылъ въ Казань и поступилъ въ клинику, дающую ублѣжице страждущимъ, пользоваться леченіемъ велиаго и искуснаго лацита — Элатича³⁾, который рѣжетъ мясо и кости, сковывающія насть съ этимъ мѣромъ.

II.

Петербургъ, 7 февраля 1848⁴⁾.

Любезный лама! Вы навѣроно, по благословенію Будды, здороы. Я также здѣсь здорово. Каждый день хожу по присутственнымъѣстамъ. Не знаю, какъ скоро уѣду. Еслиѣхать, такъ скоро уѣду. Если останусь, такъ останусь до 1-го числа марта. У васъ, что новаго? Нѣть ли съ вашей стороны писемъ? Покуда я еще не ознакомился съ городомъ. Понемногу привыкаю къ здѣшней жизни. Вы хотѣлиѣхать на родину вмѣстѣ со мной; подумайте объ этомъ. Какъ бы то ни было, но къ 15 числу непремѣнно буду въ Казани⁵⁾. Если дѣйствительно думаетеѣхать на родину, то приготовьтесь...

III.

Петербургъ, 7 февраля 1848.

...Я здѣсь живу ни хорошо, ни худо. Ходь моего дѣла таѣкъ: рѣшено, что мене пошлютъ въ Иркутскъ чиновникомъ осо-ко-

1) Ионгирцевъ, небудистъ.

2) Лама Галсанъ Гомбоевъ дѣйствительно подвергся нападенію разбойниковъ, бывшій Сызрань.

3) Профессоръ Эллакчи, искусный хирургъ въ Казани.

4) Писано по-монгольски къ ламѣ Галсану Гомбоеву, позднѣе преподавателю монгольскаго языка при Петербургскомъ университѣтѣ.

5) Такъ скоро думалъ сначала Банзаровъ покончить свое дѣло!

быхъ порученій; но не рѣшено, съ какимъ окладомъ и на какихъ правахъ. Дѣло стоитъ вѣтъ за чѣмъ: сенатъ затрудняется исключить меня изъ казаковъ, хотя соглашается освободить меня отъ обязанности нести 25-лѣтнюю казацкую службу; поэтому дѣло мое перенесется въ государственный совѣтъ, такъ какъ съ исключениемъ меня изъ казаковъ соприжено измѣненіе закона¹⁾.

IV.

Петербургъ, 8 марта 1848 г.

...Увѣрлю васъ, что поѣзда въ Пекинъ на одинъ годъ есть вещь невозможная... Почему знать? Можетъ быть, вмѣстѣ съѣздимъ въ Пекинъ. Вы узнаете тамъ еще нѣсколько восточныхъ языковъ и будете совершенный въ своемъ родѣ ученьи. «Въ Пекинѣ жить все равно, что въ ссылкѣ, въ заточеніи» скажете вы; но разѣ, въ Казани, вы не такъ же дома сидите? Скажете, что «чужіе годы жизни убѣщутъ тамъ безъ толку»; а какой толкъ будетъ, если эти шесть лѣтъ пробуетесь учителемъ, и въ добавокъ, при мало-дѣятельной жизни, привыкнете лѣтниться и на всю жизнь засидеться на одномъ мѣстѣ? Что за неволя, портитъ, или лучше сказать закаляетъ, задержать свою будущность, когда вамъ есть случай идти впередъ, разнообразить вашу жизнь, посмотретьъ кое-что? Повѣрѣте, — я скажу вамъ по опыту, — человѣку, привыкшему къ извѣстному кругу и мѣсту, очень тяжело его оставить; но оставьте разѣ, вы не будете иметь сокрушаться, хотя не перестанете любить старыхъ знакомыхъ, старое житье, мѣсто воспитанія и проч. Все это будетъ всегда храниться въ вашей памяти, — и этого довольно. Вы, можетъ быть, будете сомнѣваться надѣя моимъ двухмѣсячнымъ опытомъ; но сами знаете, какъ непрѣпятствомъ можетъ быть оставить мѣстъ Казань, не смотря на то, что всѣ торопили меня оставить ее, сказывали чудеса. Сожалѣть я о Казани, возвращусь туда ст. восторгомъ; но все-таки здѣсь теперь живу ладно, не скучаю, не плачу, хотя и не веселиюсь слишкомъ.

1) Какъ бурятъ, Банзаровъ принадлежалъ къ казацкому сословію, обязанныму военному службою.

2) Писано къ одному изъ казавскихъ ориенталистовъ, жаждавшему зѣхать въ Пекинъ съ духовной миссіею, но только на одинъ годъ.

сти ихъ не понимаютъ; они подобны опрокинутому сосуду, во внутрь которого ничего не попадетъ. Изъ этихъ книгъ не извлекаютъ они понятія о добродѣти, а стараются только о существенной (для себя) выгодѣ. Вообще, что касается до этихъ ученихъ инородцевъ, то занятія ихъ подобны представлению десяти игрищъ.

Если вникнуть въ обычай и обращеніе здѣшнаго народа, то увидимъ, что они отличаются отъ другихъ. Люди ходятъ здѣсь, какъ бѣшеные. Языкъ много: кто говорить по-чухонски, кто по-нѣмецки, другое по-французски и т. д. По моему мнѣнію, буддійское ученіе сюда еще не проникло. Невинныхъ, безгрѣшныхъ и простодушныхъ здѣсь легко обманываютъ и надуваютъ. Къ полученню грѣшныхъ денегъ легко стремятся всѣ стремятся къ получению благословенія. Еще безстыднѣе черты характера ихъ. Каждый пишетъ на жалѣзныхъ доскахъ, что онъ дѣлаетъ: «Я шью сапоги», — «дѣллю гробы», — «стриги волосы», — «я дѣллю телеги», — «я убиваю быковъ» и т. д., и доски эти привѣшиваются на стѣнахъ своихъ домовъ. Нѣкоторые выставляютъ на окнахъ такія соблазнительные вещи, что отъ нихъ рождаются грѣшныя мысли. Всѣ эти люди отрасли шиннусовъ. По опредѣленію судьбы, прѣѣхавъ сюда, теперь въ продолженіе двухъ недѣль постоянно занимались добрыми дѣлами и мысленно живу съ вами.

Есть здѣсь огромное зданіе, которое называется Академія, гдѣ хранится множество вещей, принадлежащихъ буддистамъ; я привезъ ихъ въ порядокъ, также какъ и книги маньджурскія, и сдѣлалъ имъ опись. У меня есть нѣсколько книгъ *тертиковъ*²⁾, и еще надѣюсь пріобрѣсти ихъ, потому что здѣшніе иностранные ученыe, въ надеждѣ распространить свою славу, раздаютъ свои сочиненія даромъ.

Какъ ни прѣпятствомъ вообще письмо ваше, но еще пріятнѣе и глубокомысленнѣе обѣщаніе, что вы приготовите новую колоду картъ и хорошую водку къ моему пріѣзу. Если это исполнится, для пользы всѣхъ существъ, то добродѣтель ваша будетъ такъ же

1) Не-буддистовъ.

...Я живу и здоровъ постоянно. Хожу каждый день въ Академію; а скоро ли ворочусь въ Казань, не знаю еще.

• Дѣло мое благопрѣятно рѣшено въ общемъ собраніи, но пойдетъ еще въ государственный совѣтъ и къ Государю на утвержденіе. На это нужно мѣсяца четыре. Поэтому я уже думаюѣхать въ Казань и тамъ дожидаться конца.

V.

Петербургъ, 12 апреля 1848 г.

Достигшему предѣла всей премудрости, — синопцемъ какъ лѣтнее солнце среди моря грамматики, — родомъ Обрату камыцкому³⁾, прославившему подъ русскимъ именемъ Бобровникова,

Небольшое посланіе.

Вашъ иничтожный братъ, желающій вамъ спокойствія и здоровья, получивъ многозначащее письмо ваше, обрадовался ему, подобно тѣмъ птицамъ, которые нашли въ морѣ драгоцѣнность величинною съ лопащенную голову. Содержаніе вашего письма глубоки рѣки *Идиль*⁴⁾. Такой глубины можетъ достигнуть лишь тотъ, кто предается созерцанію о полезѣ шести *пардамитъ*⁵⁾. Что до этого касается, то где мѣнѣ, иничтожному вашему брату, считающемуся по городамъ и странамъ, достигнуть до такого глубокомыслия! Русскіе, живущіе на пути, по которому я ходилъ, угнетены суетою, вслѣдствіе чего они никогда не избавляются отъ руки полища *шикунусовъ*⁶⁾. Силы злой судьбы, родившись *терсами*⁷⁾, они не только не въ состояніи понять грѣхъ и добродѣтелей, но и не слыхали даже о десяти черныхъ грѣхахъ и десяти бѣлыхъ добродѣтеляхъ. Вообще, благочестивыхъ людей между ними очень мало. Здѣсь-то сосредоточивается *организъ*⁸⁾. Хотя и есть люди, знающіе санскритскій и тибетскій языки, и читаючи они священные и буддійскіе книги, но сущност-

1) Писано по-монгольски.

2) А. А. Бобровниковъ, авторъ «Монгольско-камыцкой грамматики».

3) Волы.

4) Шести раздѣловъ существуетъ, по буддійскому ученію.

5) Шимусы, по буддійскому ученію, представлятели матеріи.

6) Терсы — противники Будды, не-буддисты, иногѣрцы.

7) Матеріальный міръ.

лика, что и сказать нельзя! Первое дѣло — мизеры; безъ того, что мы за люди!

Если И. влюбился въ татарку, то это призвѣтъ, что онъ хотѣтъ обратиться въ мухаммаданство, и хоть онъ живетъ въ чистомъ дѣлѣ, но не сбоядется обѣта *шакиабата* (цѣломудрія), вслѣдствіе чего грѣхъ его удваивается или удвоятъ татарку, такъ что изъ одного дурнаго дѣла выйдетъ два.

У обитателей Запада настало теперь смутное время¹⁾: они повыгоряли своихъ хановъ въ владѣльцы и потому стали враждовать другъ съ другомъ. Кажется, такое же время было тогда, когда Гасаръ-хантъ родился въ семье мірѣ. Судя по характеру настоящаго времени, не ляжетъ ли снова Гасаръ. Тогда намъ представится случай быть въ числѣ тридцати трехъ богатырей его.

Уповайте на *турбансъ эрдени!*²⁾.

Младшій братъ вашъ, Банзаровъ сынъ.

VI.

(Петербургъ, 25 мая 1848 г.)

Любезный ламдагай! Я живу здѣсь въ добромъ здоровьѣ. Какъ ваше здоровье? Желалъ бы отправиться поскорѣе въ Казань, но разныя обстоятельства удерживаютъ меня. Вирочемъ скоро выѣду. Сегодня вторникъ, а намѣреваюсь зѣхать въ концѣ этой недѣли.

Три года тому назадъ найдена была одна серебряная дѣщечка съ квадратною надписью, которая была причиной спора между Шимдотомъ и Григорьевымъ. Теперь найдена еще такая же дѣщечка съ монгольской надписью; содержаніе ея сходно съ предыдущей. Я занимаюсь объясненіемъ еї; поэтому я и не пишу къ вамъ. Теперь уже печатается статья. Здѣсь нѣкоторыя дѣла скоро дѣлаются. Если увидите Ковалевскаго и Попова, скажите имъ обѣ этой дѣщечкѣ. Вотъ эта надпись:

1) Февральская революція во Франціи.

2) *Гурбанъ эрдени*, эти драгоцѣнности, чрезъ посредство которыхъ буддисты думаютъ спастись, т. е. слытись съ верховными начальниками.

3) Писано по-монгольски къ ламѣ Талсану Гомбоеву.

Монгэ төүрүүг күчүнг-дүрү, сээ су джалинг изэн-дүрү.
Абдуллаин джарлык: энэ улуд бүнүрхүү, кумуна алдаха, укуку.

Воть какая удивительная вещь написалась! *Изэнэ* — ну какъ объяснять это слово ваши казанские учёные? До моего приезда подготовьте мнѣ объяснение. Посмотримъ! Если неправильно объясняте, то съ вами вызыщется бутылка меду; а если вѣрно, то я заплачу.

VII.

Казань, 4 августа 1848¹⁾.

...Здесь умеръ отъ холеры профессоръ Дяттель; не слыхали-ли, кто будеъ на его мѣсто?

Я живу здесь, какъ истинный провинциалъ...

Пишу о знаменитыхъ *тай цын*, да ожидавъ отъ васъ обѣщанныхъ сѣдѣй; здесь же открытія не сдѣлалъ никакого. Мы все ломаемъ голову надъ Чингисову надписью; но пока ничего не придумали.

Бобровниковъ кончилъ монгольско-калмыцкую грамматику и получилъ отъ Ковалевскаго блестательную рецензію.

VIII.

Казань, 18 августа 1848²⁾.

...Здесь я иногда скучаю, и сожалѣю о Питерѣ, а въ особенности о томъ кружѣ, въ которомъ я бывалъ. Ученія мои занятія теперь состоятъ въ составленіи статьи для П. С. Савельева; да еще замыслило кое-что, но не знаю, какъ удастся. Мнѣ сильно хочется писать къ В. В. Григорьеву, да онъ самъ сказалъ, чтобы безъ дѣла и безъ толку не писать. Что онъ говорилъ, чтобы безъ дѣла и безъ толку не писать? Уѣхѣте его, пожалуйста, что я давно уже переродился въ русскаго. Это случилось со мной дорогой...

1) Къ о. Палладію Каеворову, нынѣшнему начальнику русской духовной миссіи въ Лемнѣ.

2) Къ о. Палладію.

названий чисто-монгольскихъ; но этого, мнѣ кажется, мало для того, чтобы составить статейку для вашихъ «Записокъ». Вы должны решить, что дѣлать мнѣ: писать или не писать? Будетъ ли такая малость годна для тѣхъ, которые съ помощью нашей братіи, восточниковъ, надѣются определить, что и какія оружія русскіе заимствовали отъ монголовъ¹⁾.

Надпись на стомѣ Чингисовомъ²⁾ сводить меня съ ума. Сколько я ни старался, не могъ разобрать въ ней ровно ничего; только узналъ, что слово, которое Шмидтъ переводилъ «вообще», есть *собственное* именемъ племянника Чингиса. Остается ожидать вдохновенія отъ «сиянія и вѣчнаго неба»...

Но оставимъ древность и обратимся къ настоящему. На днѣхъ я былъ у А., съ которымъ познакомился и надѣюсь видѣться почаще... Б. опѣшивѣть такъ гладко, что ужъ больше никогда не будетъ стричься... Изъ поѣздки своей онъ бѣжалъ, «холерѣ гоняще еговъ...

X.

11 октября 1848.

Я обѣщала скоро прислатъ вамъ статью; наконецъ она поѣхала; но, ожидая поѣти, пролежала у меня цѣлую недѣлю. Въ одинъ день съ этимъ письмомъ получите и ее; но я должна предупредить васъ на счетъ достоинства этого нового произведения своего. Боясь, что вы и Василий Васильевичъ³⁾ будете недовольны ею, ехъ краткостью и незрѣльностью. Что дѣлать! еще не опытенъ въ писаніи, да и книга-то пѣтъ; изъ самоты изложеній и слогъ замѣтны недовольство, которой я никакъ не могу побѣдить. Посыпая статью на ваше распоряженіе, во всемъ полагаюсь на васъ и надѣюсь, что вы безъ церемоніи поправите все, что вамъ будетъ угодно, прибавите и убавите въ ней, что можно. Въ одномъ мѣстѣ я оставилъ пробѣлъ, чтобы можно было выписать изъ *Histoire des Mongols* Д'Оссона, если въ ней вы найдете

1) Эта статья предпринята имъ всѣхѣстѣе поклоненіемъ въ Запискахъ Археол. Общ. статьи г. Йилья о монголо-татарскомъ вооруженіи, хранившемся въ Царскосельскомъ арсеналѣ.

2) То есть на плитѣ съ именемъ Чингиса, находящейся нынѣ въ Азіатскомъ музеумѣ Академіи Наукъ.

3) В. В. Григорьевъ.

IX.

Казань, 23 сентября 1848.

Благодарю васъ и некотораго жителя улицы Шестилавочной¹⁾ за добрую память и благодарственный адресъ, котораго я удостоился отъ васъ по случаю изслѣдованія моего поведенія и образа мыслей... Но прежде бывшій *гелертеръ*²⁾, хотя и избѣгъ счастливо всіхъ метаморфозъ, кроме никѣ поименованной, не смотря на свое постыдство, кругомъ виноватъ передъ вами, промолчавъ ровно три мѣсяца. Дѣло въ томъ, что я рѣшился не писать къ вамъ до тѣхъ поръ, пока статья о *тайзѣ* не будетъ готова. Между тѣмъ о. Палладій не присыпалъ ожиданий для статьи выписокъ, а я, въ ожиданіи ихъ, не санкционѣлъ торопился оканчивать статью, и слѣдовательно не писалъ къ вамъ. Наконецъ ваше письмо развязало мнѣ руки.

Путешествіе мое изъ Петербурга въ Казань кончилось благополучно; только досталось моимъ боякамъ, да еще я ужасно загорѣлъ, сдѣлялся мѣдно-краснымъ, какъ индейецъ, и только недавно началъ бытъ, т. е. желѣтъ. По приѣзду въ татарскую столицу, занялся я, разумѣется, официальными дѣлами: ходилъ явиться по начальству, написалъ письма къ нѣмцамъ, и т. д. А что дѣлалъ я послѣ того, — не стоить и писать.

Однако статья для васъ³⁾ давно окончилась и ждалъ только известій отъ о. Палладія; но боюсь, что она будетъ слишкомъ коротка и не будетъ соотвѣтствовать вашему ожиданію. Затруднѣній, при составленіи ея, не мало; первое — недостатокъ въ книгахъ; вы въ поѣврите, что я не могъ найти здѣсь даже Д'Оссона *Histoire des Mongols*. Но впрочемъ вы увидите статью мою скоро; черезъ недѣлю она будетъ готова и немедленно будетъ отпечатана.

Между прочимъ, я досталъ сочиненіе Висковатова обѣ одѣждѣ и вооруженіи русскихъ войскъ и написалъ въ немъ съ десятокъ

1) В. В. Григорьевъ.

2) Такъ, изъ пушки, называемъ Башаровъ самаго себя потому, что писалъ несколько статей на нѣмецкомъ языке, напечатанныхъ въ Bulletin Академіи Наукъ.

3) Изслѣдованіе о *тайзѣ*, которое онъ не успѣлъ кончить изъ Петербурга и обѣщаѣлъ выслать изъ Казани.

дате еще какія подробности... Съ братомъ вашимъ А. С.¹⁾ я уже говорилъ на счетъ наставленія меня въ барометрическихъ наблюденіяхъ и онъ обѣщалъ научить меня, сколько нужно.

Теперь же я хочу заниматься — чѣмъ бы, вы думали? — дѣлами, т. е. писать доклады, отношенія и проч. и проч., чтобы приготовиться сколько нибудь къ будущей службѣ. Между тѣмъ изъ Петербурга пѣтъ изѣстій, и ничего не знаю, что тамъ дѣлается съ мною дѣломъ. Еще менѣе знаю, что дѣлается въ ученоемъ мірѣ, потому что здѣсь не очень часто толкуютъ о такихъ вѣщахъ...

Сюда прѣѣхали каніе-то девятъ нѣмцевъ-музыкантовъ, угощать казанцевъ музыкой за деньги; также «итальянскій балет-майстеръ», у котораго впрочемъ главныя роли играютъ мароканцы. Ничего пѣтъ удивительного, что нѣмцы прѣѣхали сюда за русскими и татарскими деньгами; но какъ догадались о томъ мароканцы! Вотъ это новость!

XI.

14 ноября 1849.

...Очень радъ, что моя статья²⁾ удостоилась вашего вниманія, и прекрасно, что вы хотите приѣхать къ ней два хвоста. Только предложу вамъ одно условіе: слава міра сего мнѣ прискутила, и потому не помѣщайте въ хвостѣ отчета обо мнѣ, какъ сдѣлялъ это Böhflingk; а пытать и пріимѣчаній — сколько вамъ угодно. Не знаю, какъ думаетъ о семъ писаніи В. В. Григорьевъ; боюсь, чтобы не попасть ему въ мапы и какънибудь невзначай не подвергнуться участіи Шмидта! Да сохранитъ меня Будда! Чингисовъ надѣянъставить меня въ тупицѣ: какъ, въ четырехъ строкахъ, четыре слова монгольскихъ, которыхъ не знаешь! Уѣхрѣтъ только въ одиночку, — что слово, которое Шмидтъ переводитъ «вообще», имѣетъ самое частное значеніе, и что оно — имя Чингисова племянника, *Исунка*. Мое мнѣніе подтверждается, кроме выноски этого слова въ красную строку, еще тѣмъ, что уѣхрѣтъ этого Исунка былъ именно тамъ, где нашли памятникъ.

1) Профессоръ физики въ Казанскомъ Университетѣ.

2) «О пайзѣ».

Монгольскихъ названий старинныхъ русскихъ вооружений я нашелъ хоть немного, но зато все несомнѣнно вѣрны. Доставить обѣ этомъ въ скорости вамъ статью я не могу, или не рѣшаюсь; думаю, что, можетъ быть, удастся мнѣ сдѣлать статью получше той, какую я могу теперь написать, такъ сказать, съ махомъ.

Какъ писать *наизе?* Лучшій суды въ этомъ дѣлѣ — вы да о. Палладій, персиянинъ и китаецъ. Достопочтенный житель Грязной улицы¹⁾ рѣшилъ вамъ, которое изъ китайскихъ ударений приличествуетъ первоначальной формѣ *наї* — *дзы*. Я полагаю, что честь ударенія достанется первому слову; а монгольская форма этого слова, сокращенная *бай*, безъ слова *дзы*, которое есть только хвостъ его, не приличествовала устамъ побѣдителей.

Что дѣлается у васъ въ Географическомъ Обществѣ? Нѣть ли его новенькаго? Тезка вашъ Петровъ²⁾ преподаетъ здесь английскій языкъ, на томъ основаніи, вѣроятно, что нынче Индія стала Англіей.

XII.

12 октября 1849 г.

Благодарю вѣсть за письмо, доставившее мнѣ удовольствіе извѣстіемъ о моемъ безконечномъ дѣлѣ... Извините меня за долговременное молчаніе: тому были причинами, а именно поѣздки по уѣзду Казанской губерніи съ знакомыми мнѣ чиновниками. Уѣзжая въ уѣзы, каждый разъ намѣревался я заняться чѣмъ-нибудь для науки; но гостепріимство уѣзжихъ жителей отнимаетъ у меня возможность заняться чѣмъ бы то ни было. Вы вѣрно знаете, что я временно причисленъ къ здѣшнему губернскому правленію; а это изъ губерніи прѣдѣстъ въ уѣзду, тому воздается почесть непремѣнно, хотя бы даже онъ не хотѣлъ того. Такими-то образомъ, разѣзжалъ съ чиновниками губернскими, я долженъ быть безпрестанно бывать на обѣдахъ, чаихъ и проч. Такъ у меня все лѣто прошло. Въ подобныхъ путешествіяхъ можно услышать или слушать много смѣшного, но не чего-нибудь другого... Впрочемъ въ городѣ Чистополь я прибрѣзъ 300 мѣ-

1) О. Палладій.

2) Санскритологъ П. Я. Петровъ.

3) Годъ, мѣсяцъ и число написаны по-монгольски, также какъ и мѣсто писанія: *Тогот-гомотъ яхтэль-городъ*, т. е. *Казань*, Казань.

гакою, которую яѣмѣца Шмидтъ задалъ по русскому почтенному о. Іакину. Мнѣ хочется теперь посрамить «чернѣй кости» яѣмца и косвенно оградить о. Іакина. Въ разборѣ этой надписи я теперь уже столько сдѣлалъ, что, если-бы я имѣлъ $\frac{1}{100}$ той смѣлости, съ какой разѣзжалъ ее Шмидтъ, то давно отправилъ бы свой переводъ къ вамъ. Если со временемъ случится такое происшествіе, то дайте слово отпечатать литографію мои снимки въ той величинѣ, какъ они есть. Дѣло остановилось у меня вѣтъ на чёмъ. Въ этой надписи главную роль играетъ *Исунъкъ*, по китайской транскрипціи *И-сунъ-кэ* (Истор. четырехъ хановъ, стр. 306—376), племянникъ Чингиса, сынъ знаменитаго его брата Джуич-Хасара или Хаджара. Мнѣ нужно знать его биографію, которая вѣроятно находится въ Исторіи династіи Юань (каталогъ книжъ Азіят. Денвертам., № 24 и можно еще посмотретьъ въ № 55), и также нужноѣ знать, что досталось ему въ дѣлѣ, какое мѣсто онъ занималъ между ханызми; а о Чингисъ-ханѣ посмотрѣть, что онъ дѣлалъ непосредственно по возвращеніи изъ хининского похода, а именно въ 1225 году, — и вообще, что сказано объ Исунѣ въ исторіи. Обѣ этомъ я писалъ и къ Василию Васильевичу; но онъ ничего не могъ сдѣлать, а взялся за дѣло Шукинъ, и увы! о злодѣйствѣ! — Въ. Стыдягъ вѣроятно съ нимъ штуку: Шукинъ искалъ, вместо благороднаго племянника Чингисова, Исунѣа, какого-то Хабака, котораго имѣ, по сходству съ однимъ русскимъ словомъ, весьма оскорбительно для каждого монгола и срамитъ читателя. Вѣбѣтъ съ тѣмъ я писалъ къ Шукину, но просьбѣ котораго Розовъ рѣлся въ исторіи династіи Юань. Помогите и вы, Павелъ Степановичъ, побудите о. Іакина, ради собственной его амбиціи, принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Онъ, безъ сомнѣнія, опытнѣ Розова въ чтеніи историческаго китайскаго текста...

Вы знаете, что я еду въ Сибирь, где можно найти развѣ сказку о Баламирѣ, парѣ Уновъ. Поэтому сообщите, сдѣлайте милость, цѣны на Рашидъ-Эддинъ (изданіе Катримера), на Д'Оссона, Гаммерову Истор. Золот. Орды и другія замѣчательныя сочиненія по исторіи монголовъ¹⁾.

1) Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ высланы были къ нему, частично въ Казань, частично въ Иркутскъ.

ныхъ булгарскихъ монетъ и держу ихъ у себя. Судьба ихъ въ вашихъ рукахъ: прикажете зарыть ихъ въ землю, ониѣ будуть зарыты; прикажете прислать ихъ къ вамъ, ониѣ будуть присланы. Къ части Казанской губерніи, и долженъ прибавить, что эти монеты собраны секретаремъ земского суда.

Я очень радъ, что статья моя (*о наизе*) скоро напечатается. Статью о монгольскихъ названіяхъ древнихъ русскихъ вооружений пришло вами скоро; но предупреждаю васъ, многаго отъ неї не ждите.

Дипломъ Общества и двѣ книги Записокъ получила я уже давно... Вотъ выходитъ у насъ другая монгольская грамматика¹⁾, по поводу которой я хочу сравнить обѣ грамматики и показать Азіи, какіе успѣхи можетъ сдѣлать филология въ одинъ годъ...

XIII.

9 января 1850.

...Посылаю вамъ, въ видѣ компарада (извините за французское слово) отъ автора, «Грамматику монгольского языка»²⁾. О достоинствахъ ея я не буду распространяться потому, что вскорѣ будетъ говорено о томъ печально. Во вторыхъ, посылаю давно обѣщанную статью о восточныхъ названіяхъ вооружений³⁾. Я ею не доволенъ, потому что слишкомъ коротока она. Но чѣмъ болѣтъ, тѣмъ и радъ. Другая бѣда — слогъ; не знаю почему-то не могъ изложить ее ясно и толково. Передѣлывать, если найдете нужнымъ, можете сколько угодно.

Скоро ли отпечатаются *наизе?* Мнѣ очень хочется получить статью. Въ Сибирь еду я еще не скоро, мѣсяца черезъ полтора, и потому если оттиски готовы, то присыпайте ихъ...

Я читало много, но пишу мало. Хотъ постоянно колюсь надъ исторіей Монголіи, но у меня бываетъ, въ извѣстное время, за недостаткомъ большихъ работъ, мономанія на особенные сюжеты. Теперь мнѣ покою не даетъ извѣстная надпись на камнѣ, вѣдѣніемъ въ стѣнѣ въ сѣнѣ Азійскаго музеума Академіи Наукъ, присыпавшая Чингису. Надпись эта особенно прославлена ру-

1) Монгольско-калмыцкая, г. Бобровниковъ; первая была г. Попова.

2) А. А. Бобровниковъ.

3) Напечатана во II томѣ Записокъ Археол. Общ., стр. 72—98.

XIV.

Иркутскъ, въ августѣ 1852 г.

...Буряты простодушный народъ, и потому они думаютъ, напримѣръ, что одинъ русскій человѣкъ поставлять на Селенѣ желѣзный ящиликъ и молить вечернюю звѣзду сойти съ неба, а только спустилась она въ ящиликъ, какъ онъ унесъ его съ собою. Я хотѣлъ утѣшить добрыхъ людей и начальствѣ слѣдствіе (не забудьте, что я — чиновникъ), чтобы открыть преступника и предать его закону. Оказалось — боюсь сказать вамъ правду — что бы, думали вы, былъ преступникъ? — академикъ!... Подъ предлогомъ, будто бы онъ измѣрялъ широту и долготу Селенги, примирился онъ Венеру въ свой ящиликъ и убѣжалъ съ ней въ Петербургъ. Недавно, впрочемъ, зѣкѣда эта оцѣнѣла возвратилась къ бурятамъ.

XV.

Иркутскъ, 4 сентября 1852 г.

Я былъ до сихъ поръ въ беспрестанныхъ хлопотахъ по случаю отѣзга генераль-губернатора изъ Иркутска въ Красноярскъ, и наконецъ-то собралъ написать къ вамъ.

Во первыхъ, я не писалъ къ вамъ долго потому, что былъ въ узлахъ, деревняхъ, изъ которыхъ многихъ отстоять отъ города наѣскою сотни верстъ; я былъ между бурятами, которые, изъ преданности ко мнѣ, не давали мнѣ покоя, т. е. или осаждали меня дома, или зазывали къ себѣ, съ непремѣннымъ желаніемъ разузнать отъ меня подробнѣ все, что я имѣлъ случай видѣть, и наконецъ пить *тарасунъ* (но не «спиться съ круга»), какъ вы писали.

Во вторыхъ, денегъ у менѣ нѣть потому, что я живу однимъ жалованьемъ, хотя на рукахъ у менѣ бывали такіе дѣла, отъ которыхъ другіе толстѣютъ; я же отъ нихъ худѣю потому, что бѣдѣтъ по уѣзду всегда стоить мнѣ дороже, чѣмъ жить въ Иркутскѣ постоянно. Получать въ Иркутскѣ 2000 рублей жало-

1) Писано къ г. Шиннеру, которому Балашовъ сообщалъ обращенія шаманскихъ молитвъ, напечатанныхъ только недавно, въ приложении къ «Бурятской грамматикѣ» Кастрѣна (*Versuch einer Burjat. Sprachlehre*. 1857), на стр. 294—299.

2) Писано къ И. Н. Березину.

вания, то же, что получать в Казани только 300 руб. сер. Тавака здесь дорожеизна во всем! Я долго прожил между бурятами, производил съезды строго, одним словом, для вельможе политично; меня на десять дней посадили на гауптвахту, но все-таки ничего со мною нельзя было сделать. Я остался на мѣстѣ, и теперь съ губернатором въ такихъ же отношеніяхъ, какъ и прежде. Но всего того, что ему было наскажено на мени тѣмъ, которымъ нравится мое мѣсто, не хочу описывать, потому что для описаній всегда найдутся сюжеты болѣе благородные, нежели эти вещи.

Въ третыхъ, учеными дѣлами заниматься во время командировокъ нельзя потому, что всѣхъ книгъ съ собой не повезешь, головы заняты другими предметами, пѣть людей, вопросы и мнѣнія которыхъ могли бы навести на ученость. Наконецъ, если бы я и жилъ постоянно въ Иркутскѣ, и то ничего не могъ бы сдѣлать потому, что у меня пѣть книга. Но при всемъ томъ, я занимался сколько было можно: изучалъ бурятскія наречія, собирая създѣйствія о древностяхъ и некоторые изъ нихъ разсмотрѣлъ. Но что написать въ этихъ памятникахъ, теперь не скажу. Подождите. За Байкаломъ рѣдкіи книги очень мало, и можно сказать, что въ Казани больше дѣльныхъ книгъ, чѣмъ у бурятъ.

Четвертое въ Шейбаниадѣ, которой экземпляры у меня теперь лежатъ (но и надѣюсь сколько нибудь ихъ сбыть), нужно бы поправить: 1) Примѣчаніе 60—61, подлинникъ стр. 14: вмѣсто *أبيه*, въ текстѣ, переводъ и примѣчаніе надобно поправить: *أباجة* *وَنَكُور*. *Эбулдосе-**Хонкор* (ложбинна), «зимникъ» (зимнее кочевье). Этимъ очень просто объясняется значение имени *Хонкоратъ*, которое затруднило всѣхъ любителей толкованія собственныхъ имѣнъ монгольскихъ, начиная отъ Рашидъ-Эддина до вѣсъ, любезный алагай. *Хонкоратъ* есть только смягченное произношеніе имени *Хонкоратъ*, «жители ложбинъ»: отъ того-то по турецки это имя выговаривается то *Конкоратъ*, то *Конрадъ* (какъ у Киргизовъ). 2) Примѣч. 37: вмѣсто *كَبِيْت* надобно читать *كَبِيْر* (*Кубудутъ*). Китайскіе историки говорятъ, что Хайду ушелъ къ племенамъ Па-ху и Цзѣ-гу; но при этомъ случаѣ, имъ нельзѧ вѣрить безусловно; они или ихъ письменность часто смѣшиваются виды собственныхъ имѣнъ, т. е. вмѣсто города, пишутъ племя, и

наоборотъ. *Раллон* и *Тэбесон* суть рѣки Чикой (у бурятъ Цѣбѣ) и Баргу (см. на картѣ къ Стат. Опис. Китайск. Имп., о. Іакине). Именемъ *Баргу* называлась не только рѣка, но и племя монгольское, которое пыталось извѣстно подъ именемъ *Баргу-Бурятъ*. Отъ этихъ Баргу-Бурята происходитъ Буряты *Хоринские* (Забайкальской обл., Верхнеудинского округа), а между Хоринскими Бурята есть родъ, называемый *Кубудутъ*: если Хайду ушелъ къ *Баргутамъ*, какъ говорятъ китайцы, то естественно могъ попасть къ отѣлу ихъ, *Кубудутамъ*, что говорятъ и мусульманскіе историки. Нѣкоторыми изъ местами Тохтамышева ярлыка, т. е. перевода его, я не доволенъ: сообщу вамъ свои замѣчанія, и прошу васъ напечатать ихъ гдѣ-нибудь.

Вы безъ моего участія напечатали уже вѣроятно ярлыкъ Тимуръ-Кутлуга; сократѣ обѣ этомъ потому, что я было уже приготовлено половину перевода, какъ обстоятельства заставили меня уѣхать изъ «Богатое море» (*لَيْكُول*) *Байкалъ*, а съ тѣхъ поръ забыть обѣ немъ.

Я желалъ бы представить вамъ очерки восточно-сибирскихъ правовъ; но не могу, потому что они едва-ли дадутъ вамъ хорошее понятіе о моей родинѣ.

«Алтайнъ Тобий»¹⁾, оказывается очень труднымъ для перевода по скажности слога, множеству стиховъ и искаженныхъ мѣстъ. Скоро приду къ вамъ образчикъ моего перевода, чтобы вы разсмотрѣли его и дали мѣръ событія. Наконецъ, если хотите, то я доставлю переводъ грамматы, писанной квадратными буквами и уже изданной по-нѣмецки, но съ вѣрѣніемъ переводомъ²⁾.

1) «Золотая Путевка», название древнейшей доски изъѣстной монгольской лѣтописи.

2) Г. Габеменцъ, во II томѣ *Zeitschrift der morgenl. Gesellschaft*.

нихъ неизвѣстно и не легко можетъ быть объяснено изъ языка татарского или монгольского. Посему лучше оставить его безъ объясненій, тѣмъ болѣе, что пропустить его почти не вредитъ смыслу цѣлая. — Торжество Тохтамыша надъ измѣнниками выражено неизвѣстнымъ глаголомъ, который лучше всего читать *мунканалды*. Въ указѣ калмыцкаго хана Галдана Цэрена, помѣщенному въ собраніи монголо-калмыцкихъ законовъ, упоминаются рабы или работники, называемые *бодэрэ* (батракъ?); эти рабы разделены въ законѣ на *олозоксаны бодэрэ*, военно-полицейскихъ и *мунганылух бодэрэ*, подъ которыми, безъ сомнѣнія, должно разумѣть рабовъ, отданныхъ въ кабалу за долгъ или для заработка наложенной за преступленіе пени, которой они не въ состояніи заплатить. Если *мунканалды* применить за короля *мунганылух*, то смыслъ Тохтамышева выраженіе *мунканалды* будетъ: «Небо предало въ мои руки какъ бы въ кабалу враговъ моихъ».

Настоящий ярлыкъ, писанный уйгурскими буквами, доказываетъ, что Золотая Орда, не смотря на введеніе ислама и арабской азбуки, долго сохранила династическое, такъ сказать, письмо — уйгурское, особенно для вѣнчаний сношеній и важныхъ бумагъ по внутреннимъ дѣламъ; послѣднее подтверждается пайзой Абдуллы, писанной уйгурскими же буквами въ 1362—1363 годахъ; въ дѣлахъ же, или касавшихся мусульманъ, или небольшой важности, или наконецъ требующихъ всенародного съѣдѣнія, употреблялось, вѣроятно, арабское письмо, какъ мы видимъ въ тарханномъ ярлыкѣ того же Тохтамыша.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Замѣчаніе о монголизмахъ въ ярлыкѣ Тохтамыша Хана¹⁾.

(«Ярлыкъ хана Золотой Орды, Тохтамыша, къ польскому королю Ягайлу», Казань, 1550, стр. 41—42 и 47—48).

Ярлыкъ Тохтамыша писанъ четкими уйгурскими шрифтами; въ палеографическомъ отношении онъ отличается точностью прописанія и по шрифту близко подходитъ къ надписи на каменной плите, найденной въ Нерчинскомъ округѣ, а еще ближе къ памятнику, найденному въ имѣніи барона Штиглица въ Екатеринопольской губерніи; въ каллиграфическомъ отношении онъ даже уступаетъ двумъ письмамъ персидскихъ Чингизидовъ къ французскому королю Филиппу Прекрасному.

Разбирая этотъ ярлыкъ, прежде всего въ палеографическомъ отношении, я нашелъ въ немъ довольно словъ, пытавшихъся: Я такъ и ожидалъ: требовать отъ памятника XIV столѣтія непремѣнно выписанного татарскаго языка — значитъ отвергать вскую перемѣну въ языкахъ народа, продолжающаго жить и подвергнувшагося съ той поры довольно многимъ преобразованіямъ въ общественной жизни, значитъ въ древностяхъ отыскивать только современность. Поэтому я не могъ согласиться не только съ производнымъ чтеніемъ прежнихъ толкователей Тохтамышева ярлыка, но даже съ точнѣшимъ чтеніемъ профессора Березина. Такъ сгоящее въ концѣ 10-й строки слово можетъ быть прочитано не иначе, какъ *مِيزان* или *مِيزان*, первое въ следующей строкѣ *دَجَادَه*, *يَهَدَه*, *دَجَادَه* или *يَهَادَه*; послѣднее изъ

1) Эту статью слѣдовало помѣстить передъ письмами, но она была пропущена. Г. П.

Указатель собственныхъ имёнъ, встречающихся въ изданий.

Абдулла-хантъ, 53, 63.
Аланы, ил., 84.
Алтайн-Аргинахъ, гора, 81.
Алтын-тобши, 81.
Амгусанды, 29.
Антар, р., 83.
Аргутъ, 47, 53, 61, 102.
Аргутъ, р., 75, 80, 94, 101, 102.
Ариманъ, 25.
Багатуръ-Хонга-тайчы, 28.
Багалутъ, ил., 84.
Байдукъ, 53, 57.
Байзахъ, оз., 121.
Баргу, мѣстн., 82, 121.
Баргу-Бурятъ, ил., 84, 85, 121.
Баргуджинъ Тукумъ, мѣстн., 82, 85, 86.
Баргутъ, ил., 83.
Бата, нар., 72.
Батасъ, 71.
Батачъ, 71.
Бату-Чинсанъ, 83.
Батутъ, ил., 85.
Бей-хадынъ, 63.
Беркабекъ, 63.
Богатуръ-Тенгри, 26.
Бодоманды, 9, 76.
Боржакитъ, 33.
Боржичино, 71, 72, 75.
Буга-Сучигай, Буга-Сучину, мѣстн., 92—94, 99.
Булалчинъ, ил., 82.
Бургутъ, ил., 82, 85.
Бота, нар., 71, 75.

Будала, 20.
Буданцарь, 76.
Бурхана-халданъ, гора, 21.
Бурхутъ-хантъ, гора, 25.
Бутъ-тенгри, 78.
Бунту-хантъ, 49, 53, 57.
Бергиччина, 70.
Бечъ, нар., 71.
Бозасъ, Бозчи, 71.
Бютъ-тенгри, 12, 18.

Ваджрадара Мэргэнтъ Ділнчи, 18, 19, 21.

Галай-хантъ, боязъ, 22.
Гом-маралъ, 71.
Гуна-Эрги, мѣстн., 80.
Гурбансъ-Тамиръ, р., 87.
Гэнтэй-хантъ, гора, 21.

Дайчинъ-тенгри, 26.
Дайв-хортъ, оз., 101.
Джебе-Нолинъ, 89, 90, 101.
Джуни-хантъ, 101.
Джучи-Хасаръ, 18, 101, 118.
Дзэгутъ, ил., 86.
Дзэль-банды, духъ х., 45.
Дзынчи-тенгри, 28, 29.
Дээгэл-Дээгэлъ, боязъ, 27.
Дзунг-хортъ, ил., 84, 85.
Дэвти-хантъ, 21.
Добо-мерзэнъ, 76.
Домогатъ, ил., 86.
Дубретъ, ил., 84, 86.
Дүрбэн-Обрать, нар., 83.

Желтая река, 21, 72, 75.
Жужамъ, 75.

Земархъ, 11, 22.

Изекъ-Алеръ, боязъ, 23.
Икнадже, 70.

Индра, боязъ, 11.
Инь-шань, горы, 74.

Ирога, боязъ, 17.
Иртышъ, р., 94.

Исунка, 94, 99—102, 118.
Исугутъ, ил., 86.
Итога, боязъ, 16, 17.

Итуенъ, богиня, 16.

Калпъ, 70.
Киданъ, нар., 75.

Кинчакъ, ил., 55, 63, 101.
Кириты, нар., 83, 85, 86.

Кисаганъ-тенгри, 27.

Кож-хортъ, оз., 80.

Команы, нар., 16.

Конкуй, р., 102, 103.

Конкрай, ил., 120.

Кубутъ, ил., 120, 121.

Кубутъ, племя, 68.

Куланъ-Инь, мѣстн., 93, 94.

Кулунъ, Кул-науръ, оз., 101.

Курнасъ, ил., 71.

Кучалу-хантъ, 89, 90.

Кырымъ, р., 101, 102.

Кэрпутъ, ил., 84—86.

Кэрэунъ, р., 21.

Кэрэмичинъ, ил., 82.

Кестомы, ил., 82, 85.

Магада, 20.

Манихантъ, 21.

Маньджупри Далай Нэйджитойнъ, 3.

Мингатъ, ил., 86.

Моганъ-хантъ, 10.

Монахъ, женщ., 72.

Мона-хантъ, гора, 21, 72—74.

Монгольчинъ, ил., 73.

Монж-у, нар., 75.

Монж-хантъ, Мунжа-хантъ, 50, 51, 55, 56, 58, 63, 68, 88.

Пакба, духъ х., 48—50, 52, 54, 57.

Салдажутъ, ил., 72.

Сарталуу, нар., 89—91, 99, 100.

Седена, р., 21.

Сембаль, арм. царь, 63.

Сумур, гора, 20.

Синий, нар., 9, 75.

Тайджутъ, ил., 83.

Тангутъ, царство, 73.

Ташинъ, 9.

Та-та, Татанъ, нар., 74.

Та-та-тунгъ-о, 55.

Теленгутъ, ил., 82, 85.

Темучинъ, 12, 13.

Тимур-Луций, 68.

Тобо-хантъ, 44, 76.

Тогонъ, 33.

Тогонъ-Тимуръ, 44, 45.

Толууз-Үйгуръ, ил., 87.

Тово, гора, 81.
Торгутъ, ил., 84, 85.
Тохамынъ, 63.
Тутъ, 10, 11, 14, 16, 22, 44, 75, 76.
Тукмаки, нар., 91.
Тукель, р. (Тух), 87.
Тумбутъ, ил., 85, 86.
Томуджинъ, 78.
Уголотъ, ил., 84, 85.
Угээтай, 83, 87.
Удама, 20.
Узбекъ, хантъ, 53.
Уйгуръ, 9, 48, 55, 75, 86, 87.
Узуконъ, 25.
Ун-Унтуръ, ил., 86, 87.
Урастутъ, ил., 82, 85.
Урухонъ, р., 102.
Урикхай, Урикхайцы, 15.
Утихинъ, р., 87.
Утъ, ботинъ, 22—26, 41.
Утог-Хуанъ, гора, 87.
Чуй-Тайинъ, р., 87.

Хаджиръ Чингисъ тенгри, 12, 13, 78.
Хайхаръ, р., 101.
Хамъ, 16.
Ханай-хантъ, гора, 21, 25.
Хара-Хорукъ, гора, 82, 87.
Хаянъ, 70.
Хиунъ-ну, нар., 78, 79.
Хонъ, Хойтъ, ил., 84—86.
Хойхъ, 8.

Хонкиратъ, ил., 120.
Хонгдоръ, ил., 94, 95, 99.
Хоры, ил., 86.
Хормыздъ, 9, 12, 25.
Хошуутъ, ил., 84, 85.
Хуамо-хо, р., 72.
Хубилай, 31, 39, 40, 48—50, 56, 58, 62, 63.
Хүнинъ, 9, 16, 31, 38, 39, 75.

Цёбэй, р., 121.

Чеуну, 33.
Чжамухъ, 77.
Чизой, р., 121.
Чингисъ-хантъ, 7, 8, 10—12, 21, 25, 31, 33, 47, 48, 55, 62, 71—75, 77, 78, 83, 85, 89—91, 93, 99, 101, 104.
Чоростъ, ил., 85.

Шайтанъ, 25.
Ширайгомы, нар., 72.

Эмгальджи, 28.
Эргунъ или Эргэн-хонъ, 70, 80, 81.
Эрзинъекъ, гора, 81.
Эрликъ-хантъ, боязъ, 25.
Эсамбай-ынъ, 28.
Эсечъ, 33.
Этутенъ, Этуго, 16, 17.

Юань-хао, танг. царь, 50, 52.

Предметный указатель къ статьямъ: „Черная вѣра“, „Пайзэ“
и „О восточныхъ названияхъ русск. вооружений“.

Ада, духъ, 30.
Албигъ, духъ, 30.

Бахтерецъ, 66, 68.
Бехтерецъ, 66.
Большакъ Меджидица, созв., 3, 14.
Бубенъ шамъ, 42.
Бутырмынъ, 67.
Былый баранъ, 25; бывшъ мѣсяцъ, праздн., 39; бывшъ кобылы, 33; б. кротъ, 38.

Винъ, 15.
Волхъ, 9, 71.
Восени, большъ юргъ, 33.

Гаданъ, 42.
Гаруда птица, 19.
Геній, 6, 19, 22.
Гора, 18.
Градъ, 9.
Громъ, 10, 15, 24, 43.

Девяносто девять, 18.
Девять булавотовъ, 29; геніевъ, 12; звѣздъ, 14; тенгри, 28, 29; девяносто Уйгуръ, 87.

Джидъ, 67, 68.
Дваринъ, 9.
Дзай, дзага, 8.
Драконъ, 15, 19.

Желтоголовый баранъ, 25.

Нага (змѣй), 16.
Небо, 6—11.
Нефритъ, 62.

Обо, 18—20.
Огонь, 3, 8, 11, 22—25.
Онготъ, 6, 26, 30—32.
Орго, шаман. шамъ, 42.

Раманъ, 20.
Рѣка, 18.

Саадакъ, сагадакъ, сайдакъ, 67.	Тегилай, 66, 68.
Северя, 67.	Тенгри, небо, 7, 26.
Семь старцевъ, созв., 3, 14.	Токтуй, 67.
Семидесять семи, 18.	Татрги, гений, 6, 26.
Сознаніе, 3.	Урусл-сара, праздникъ, 38.
Солнце, 6, 18, 14, 60.	Цаганъ-сара, праздникъ, 39, 40.
Сталы, 25.	
Судьба, 8.	
Судъ, 28, 29.	
Сынъ неба, 12, 13.	Элье, духъ, 30, 48, 96, 104.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Отъ редакціи.....	III
Очеркъ жизни и деятельности Дордже Балзарова.....	IX
Письмо Сельского. Подробности о сибирской жизни и послѣднихъ дѣлахъ Балзарова.....	XXXV
Списокъ сочинений Балзарова (по хронологическому порядку). XXXVIII	
Черная избра или Шамансство у монголовъ.....	1
Название и происхожденіе черной избы 4; небесный тѣла и воздушные имена 18; земля 16; огонь 22; тенгри или вѣростроеніе боги 26; огнени 30; шаманы 34; падение шаманства 43.	
Пайзе или металлические дощечки съ новѣйшими монгольскими именами.....	47
О восточныхъ названіяхъ пѣхоторыхъ старинныхъ русскихъ вооруженій.....	56
О происхожденіи имени Монголь.....	70
О происхожденіи слова Чингисъ.....	77
О названіи Эртуль-хонъ.....	80
Объясненіе монгольской надписи на памятникѣ Ислуне, измѣнившемся Чингисъ-ханъ.....	128
Письма Балзарова.....	106
Приложение. Замѣчаніе о монголизмахъ изъ прыжки Тохтамышъ-хана.....	122
Указатель собственныхъ имёнъ, встрѣчавшихся въ изданіи.....	124
Предметный указатель къ статьямъ: «Черная избра», «Пайзе» и «О восточныхъ названіяхъ русскихъ вооруженій».....	127

11622f